

ООО «Наука и образование»

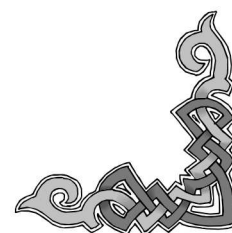
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

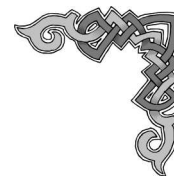

**№ 6
2019**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2019, № 6

**(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)**

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

**Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.**

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

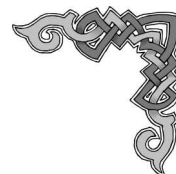
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

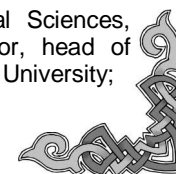
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of sociopolitical researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, candidate of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

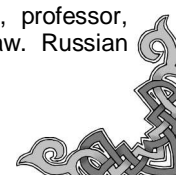
Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пустько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

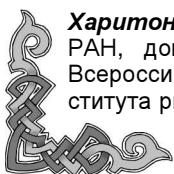
Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

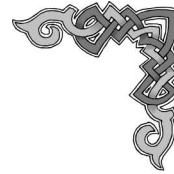
Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, the editor-in-chief «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academicien of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

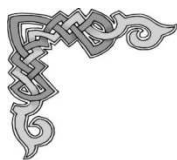
*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

**Снимщикова Ирина Викторовна,
Тузиков Андрей Римович.**

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Борок И.Г. Методика «Кросс-Фита» – Мощный стимул социализации студентов-интеллектуалов на примере ИТМО СПб	13
Денисова Л.Л. Проблемы идентичности гуманитарной интеллигенции России как актора политического процесса	17
Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий	21
Кротов Д.В., Латышева А.Т., Самыгин С.И. Региональная молодежная политика в современном российском социуме: особенности институционализации	27
Олонец С.Б., Кадыров А.М., Олонец Л.К. Физкультурно-спортивная деятельность в среде студенческой молодежи как главный фактор повышения потенциала здоровья	31
Парникова Г.М., Борисова У.С. Специфика управления персоналом в Китае	35
Рачипа А.В., Касьянов В.В., Самыгин С.И. Принципы эффективной модели управления молодежной политикой на региональном уровне	38
Стригуненко Ю.В. К проблеме профессиональной адаптации молодых сотрудников полиции в современной России (по материалам авторского социологического исследования)	42
Фомин А.А. Власть в контексте постмодернистской социологической парадигмы	46
Эфе Танай Динамика турецкой миграции: социальный аспект	51
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Абрамян А.К., Никифоров Р.Д. Проблемы реализации полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве	59
Виноградов М.Ю. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на деятельность органов внутренних дел	62
Ермилов В.Б. Гражданско-правовая ответственность «Бенефициара» в деле о банкротстве организации	66
Игнатов А.Н. Виды преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел	69
Качмазова А.В. Уголовная ответственность за неисполнение судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространенной информации	76
Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. Отграничение предикатных составов преступлений от иных уголовно-правовых институтов	80
Куюмжиева Е.Г., Пастухов М.М. К вопросу о понятии «земельный спор»	84
Кузьмина О.Н. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности	87

Мукажанов А.Е. Особенности допроса членов преступной группы при расследовании хулиганства	92
Очередько В.А. Уголовная ответственность за оправдание преступления	96
Пирогов Е.Ю. Принципы локального правотворчества	100
Смирнов А.М. Основные проблемы исполнения наказания в виде исправительных работ, нуждающиеся в своем разрешении	107
Смирнов А.М. Правовые основы предоставления осужденным к лишению свободы активного избирательного права	110
Смирнов А.М. Основы эффективной реализации прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания	113
Старицын И.А. К вопросу о возможности взыскания с арбитражного управляющего убытков в виде упущенной выгоды	116
Фарышев Е.В. Криминологическая оценка форм и масштабов проявления профессиональной преступности в современной России	120
Филин Э.С. О способах разбоев, совершаемых этническими группами	127
Хурум М.А. Объект составов преступлений, связанных с посягательствами на сохранность тайны частной жизни индивида: содержание, специфика и перспективы оптимизации законодательной регламентации	130
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Айсанова М.Р. Классификация инструментов финансовой поддержки регионов	141
Балтина А.М., Орлова Е.О. Оценка зависимости формирования доходов бюджета от предоставления налоговых льгот на примере Оренбургской области	143
Гасратова Н.А. Состояние химической промышленности РФ на примере производства ММА и ПММА	148
Гришанова А.М. Пути совершенствования и тенденции развития механизмов взыскания налоговой задолженности физических лиц	155
Осипов Г.В., Стариков И.В., Литвинцев В.Я., Крылов С.И. Транссиб: реалии и перспективы	159
Савдур С.Н., Степанова Ю.В., Махмутова Д.И. Экономико-статистический анализ питания в республике Татарстан как важнейшей составляющей продовольственной безопасности региона	164
Сидорова Т.А. Возможность создания статистически достоверной модели в региональных электросетевых компаниях электроэнергетического комплекса на основе реализованной концепции цифровых технологий – «цифровизации»	169
Стрельцов А.В., Никулина Е.Ю., Яковлев Г.И. Износ и модернизация основных производственных фондов промышленных предприятий и предпринимательских структур в условиях цифровой экономики	172
Ткачев Е.В. Особенности развития агломераций Китая	177
Хлебникова Л.Н., Роммель А.М. Эмоциональный интеллект – эффективный ресурс повышения результативности бизнеса в России	181
Ци Вэйчао Модернизация сферы услуг КНР	185

CONTENTS:

Congratulations	6
------------------------------	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Ilya G. Borok «Cross-Fita» method – a powerful stimulus of socialization of students-intellectuals on the example of ITMO SPB	13
--	----

Larisa L. Denisova Identity problems of humanitarian intelligentsia of Russia as a lead force of the political process	17
---	----

Valery V. Kasyanov, Natalya Kh. Gafiatulina, Sergey I. Samygin Cyber socialization as a riskogenic influence factor on the social health of Russian youth in the epoch of digital technologies	21
---	----

Anna T. Latyshev, Dmitry V. Krotov, Sergey I. Samygin Regional youth policy in modern Russian society: specifics of institutionalization	27
--	----

Svetlana B. Olonets, Aslan M. Kadyrov, Lubov K. Olonets Physical education and sports activities among student youth as the main factor in increasing health potential	31
---	----

Galina M. Parnikova, Uliana S. Borisova Specifics of human resources development in China	35
---	----

Andrey V. Rachipa, Valery V. Kasyanov, Sergey I. Samygin Principles of efficient model of management in youth policy at the regional level	38
--	----

Yulia V. Strigunenکو To a problem of professional adaptation of young police officers in modern Russia (on materials of author's social research)	42
--	----

Andrey A. Fomin Power in the context of the postmodern sociological paradigm	46
--	----

Efe Tanay Dynamics of Turkish immigration: social aspect	51
--	----

JURISPRUDENCE

Arkadiy K. Abramian, Roman D. Nikiforov Problems of the implementation of the powers of a lawyer in criminal proceedings	59
--	----

Mikhail Yu. Vinogradov Impact of decisions of the European Court of human rights on activity of law-enforcement bodies	62
--	----

Valery B. Ermilov Civil liability of the beneficiary in the event of bankruptcy of the organization	66
---	----

Aleksandr N. Ignatov Types of corruption crimes committed by employees of internal affairs officers	69
---	----

Albina V. Kachmazova Criminal liability for failure to execute a court order to stop the dissemination of information and (or) to refute previously distributed information	76
--	----

Alexander A. Kashkarov, Alexey A. Kashkarov Delimitation of predicate offenses from other criminal law institutions	80
---	----

Elena G. Kuemzhieva, Mikhail M. Pastukhov To the question of the concept of land dispute	84
--	----

Oksana N. Kuzmina Bases and conditions of release from criminal liability	87
---	----

Azamat E. Mukazhanov Features of interrogation of the members of the criminal group during the investigation of bullying	92
---	----

Vladimir A. Ochered'ko Criminal liability for a justification of the crime	96
Evgeny Y. Pirogov Principles of local law-making	100
Alexander M. Smirnov The main problems of performing the punishment in correction work, needs to be permitted	107
Alexander M. Smirnov Legal framework for providing condemned to detention of freedom of active electoral right	110
Alexander M. Smirnov Bases of effective implementation of the rights of condemned on the freedom of conscience and freedom of religion	113
Igor A. Staritsyn To the question of the possibility of recovering losses from the insolvency practitioner in the form of loss profits	116
Evgeny V. Faryshev Criminological assessment of the forms and extent of professional crime in modern Russia	120
Eduard S. Filin About ways of the robberies made committed by ethnic groups	127
Mariet A. Hurum Object of compositions of crimes connected with the attemptment to the preservation of the secret of private life of the individual: content, specificity and prospects of optimization of the regulatory regulation	130
ECONOMIC SCIENCES	
Marina R. Aysanova Classification of financial support instruments for regions	141
Alexandra M. Baltina, Ekaterina O. Orlova Assessment of the dependence of the formation of budget revenues from the provision of tax benefits on the example of the Orenburg region	143
Natalya A. Gasratova The state of chemical industry in Russian Federation in the production of MMA and PMMA sphere	148
Anastasia M. Grishanova Ways to improve and trends in the development of mechanisms for recovering tax debts of individuals	155
Gennady V. Osipov, Ivan V. Starikov, Vladimir Ya. Litvintsev, Stanislav I. Krylov Transsib: realities and prospects	159
Svetlana N. Savdur, Juliya V. Stepanova, Diana I. Makhmutova Economic and statistical analysis of nutrition in the republic of tatarstan as a critical component of food security in the region	164
Tatyana A. Sidorova The possibility of creating a statistically reliable model in the regional power grid companies of the electric power complex, based on the implemented concept of digital technologies – «digitalization»	169
Alexey V. Streltsov, Ekaterina U. Nikulina, Gennady I. Yakovlev Wear and modernization of basic production assets for entrepreneurship in a digital economy	172
Evgeny V. Tkachyov China's development agglomeration features	177
Liubov N. Khlebnikova, Anna M. Rommel Emotional intelligence as an effective resource for increasing profitability of business in Russia	181
Qi Weichao Modernization of China's service sector	185

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Борок Илья Григорьевич
аспирант,
Северо-Западный институт управления,
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург
ilaybbbb@mail.ru

МЕТОДИКА «КРОСС-ФИТА» – МОЩНЫЙ СТИМУЛ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ- ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ НА ПРИМЕРЕ ИТМО СПб

■ ■ ■
Аннотация. Современная системы высшего образования в Российской Федерации придает важное, но, к сожалению, не ключевое значение физическому воспитанию и совершенствованию студентов гуманитарных и технических специальностей. Относительно благополучная картина наблюдается у учащихся театральных, цирковых учебных заведений, где умение владения своим телом, совершенство в выполнении различных трюков и каскадов и сопровождают будущего творческого работника – дипломированного специалиста – на протяжении всей его жизни. Таким же точно образом за рамками данной работы остаются специализированные физкультурные вузы. Наибольшая нагрузка падает на студентов первых трех курсов, когда свободного времени для релаксации, физической и психологической разгрузки не остаётся вовсе.

Ключевые слова: физическая культура, фактор социализации, «кросс-фит», социальная сфера, методика преподавания, студенты-интеллектуалы.

■ ■ ■
В гуманитарных и технических университетах и академиях учащиеся должны освоить огромный объем материала, который невозможен для успешного изучения без полного, глубокого и однозначного погружения в предлагаемые учебные дисциплины.

Характерным примером данного утверждения является ИТМО СПб, сборные команды которого неоднократно становились победителями мировых Олимпиад по программированию. Абитуриенты, поступившие в этот вуз с блестящими оценками по профильным дисциплинам, зачастую отсеивались после первой же сессии, а объёмы преподаваемой информации находились на пределе физических возможностей индивидуума. Учебно-методический процесс в ИТМО построен таким образом, что выполнение домашних заданий и самоподготовка занимают практи-

Ilya G. Borok
Graduate Student,
North-West Institute of Management,
Ranepa under the President of the Russian
Federation, St. Petersburg
ilaybbbb@mail.ru

«CROSS-FITA» METHOD – A POWERFUL STIMULUS OF SOCIALIZATION OF STUDENTS-INTELLECTUALS ON THE EXAMPLE OF ITMO SPB

■ ■ ■
Annotation. The modern system of higher education in the Russian Federation attaches important, but, unfortunately, not the key importance of physical education and the improvement of students of humanitarian and technical specialties. A relatively prosperous picture is observed in students of theatrical and circus schools, where the skill of owning their body, perfection in performing various tricks and cascades and accompany the future creative worker – a graduate specialist – throughout his life. In the same way, specialized physical education universities remain outside the scope of this work. The greatest burden falls on the students of the first three courses, when there is no free time for relaxation, physical and psychological relief.

Keywords: physical culture, socialization factor, «cross-fit», social sphere, teaching method, intellectual students.

■ ■ ■
чески все оставшееся время после обязательных академических часов. В то же самое время, необходимыми являются занятия на кафедрах физического воспитания, поскольку физическая культура, как учебная дисциплина, обязательна для высшей школы.

Эта методика одинаково адаптируется с компетенциями молодых людей, занимающихся различными видами спорта с хорошим уровнем подготовки и габитусом, то есть, «системой прочных приобретенных предрасположенностей» [1], так и состоянием учащихся, имеющих отдаленные представления о физической культуре и социологии тела, предпочитающих виртуальную реальность, полностью оторвавшихся от окружающей действительности, в относительном смысле, конечно.

Физическая культура как учебная дисциплина является обязательной для всех учреждений высшего образования. Как правило, физическая нагрузка распределяется равномерно на протяжении трех курсов и сопровождается обязательными зачетами, отсутствие которых препятствует получению диплома установленного образца [5].

Спорт высших достижений предполагает практически полностью профессиональный подход, который на определенном этапе ставит индивидуума перед выбором: в каком направлении сконцентрировать все свои физические и интеллектуальные ресурсы. Следовательно, мы неизбежно должны определиться между интеллектуальной или телесно-физической компонентой. Все «успешные истории» выдающихся спортсменов представляют собой, скорее исключения, нежели правила. Гармоничное развитие личности предполагает баланс между интеллектуальным и физическим совершенствованием. Нет необходимости цитировать классика русской литературы А.П. Чехова: «...в человеке все должно быть прекрасно...». Это аксиома и она не подлежит обсуждению [6].

На мой взгляд, проблема существует, и она должна быть решена и основана на новых социальных и спортивных технологиях, органично имплементированных в современное высокотехнологическое общество. Все это не должно вызывать отторжение у молодежи, которая существует в парадигме электронных гаджетов, виртуальной реальности и социальных сетей. На основании эмпирического метода исследования [3] и глубокого погружения в преподаваемый мною предмет на кафедре физического воспитания ИТМО нами отмечается, что учащиеся, столкнувшись после первых занятий физкультурой с негативными физическими ощущениями, теряют к ней интерес, стараются выполнять поставленные нормативы формально, либо всеми возможными способами организуют освобождение на весь период обучения или получают зачет иным образом.

Поведенческая модель студента-интеллектуала [8] характеризуется максимальной концентрацией внимания на изучаемом предмете, когда огромный объем информации, требующий напряжения умственных сил, сублимирует, то есть, вытесняет факторы, характерные для «социологии тела» [7]. Повсеместное развитие информационных технологий – «IT», всеобщая доступность широкополосного интернета, справочно-информационных материалов в поисковых системах [2] приводит к катастрофическому снижению физической активности учащихся. Занятия по системе «Кроссфит» (брендированная система физической подготовки) – была создана в Греггом Глассманом (Greg Glassman), родившимся 28 октября 1956 года в окрестностях Лос-Анжелеса в Калифорния. Карьеру персонального тренера он начал в 18 лет.

Впервые тренерской деятельностью он занялся в 1974 году в качестве инструктора по гимнастике в Христианском союзе женской молодежи в

Пасадене, штат Калифорния. В течение следующих пятнадцати лет работал в десятках лучших южно-калифорнийских гимнастических залах, что позволило добиться высокой эффективности программы тренировок и приобрести клиентов среди знаменитостей [1].

Кроссфит продвигается как система физических упражнений и как соревновательный вид спорта. Кроссфит-тренировки включают в себя элементы интервальных тренировок высокой интенсивности, тяжелой атлетики, плиометрики, пауэрлифтинга, гимнастики, гиревого спорта, упражнений стронгмена, бега и других. Эта система предполагает отход от рутинных физических упражнений, внося в процесс тренировок элемент соревновательности в формате «квеста» и прохождения уровней сложности наподобие любимых компьютерных игр. Основной вектор умственной активности студентов-программистов комплиментарен набору физических упражнений и гармонизирован с предпочтениями будущих специалистов «IT».

Напротив, нерационально рассматривать систему «кросс-фит» как подобие лечебной физкультуры, применяемой по медицинским показаниям для корректировки и реабилитации скрытых и явных патологий. В основе «кросс-фит» тренировок лежит интенсивная физическая активность, при которой гармонично задействованы различные группы мышц, а силовые упражнения органично сочетаются с упражнениями на выносливость и координацию движений. В методике включены различные элементы силовых единоборств ударного и борцовского типа, адаптированных к составу и физическим кондициям студенческой группы.

Статистические данные по посещаемости и успеваемости студенческих групп, занимающихся по системе «кросс-фит».

Общее списочное число студентов. В группах для прохождения обучения на кафедре физического воспитания – 112 человек:

- 1) Число студентов, получивших освобождения
- 2) по медицинским показателям 11 человек.
- 3) Число студентов, имеющих спортивные разряды 7 человек.
- 4) Среднестатистический процент посещаемости занятий 86 %.

Среднестатистический процент выполнения студентами контрольных итоговых нормативов 98 %.

Представленные данные относятся к двум семестрам 2018 учебного года.

Базисом сравнения выбраны обобщенные данные трех предыдущих учебных годов 2014–2017.

В результате сравнения получены следующие результаты:

1. Посещаемость студентами занятий по кафедре физической культуры и воспитания возросла в среднем на 44 %.

2. Количество студентов, успешно выполнивших контрольные нормативы, увеличилось на 35 %.

На основании вышеприведенных данных наблюдается положительная тенденция посещаемости занятий, свидетельствующая об определенном интересе в студенческой массе к телесно-физической компоненте социализации. Мы не рассматриваем процессы, связанные непосредственно с физическими кондициями индивидуума. Мой личный опыт показывает, что система «кросс-фит» принципиально не может нанести тренирующемуся организму негативных, фатально-необратимых изменений, как, например, чрезмерно активные занятия по «бодибилдингу» – моделированию классически красивых телесных форм. Все изменения в организме физиологичны, имеют цель интенсифицировать процессы метаболизма, способствующие активизации умственной деятельности, выносливости, стрессоустойчивости, способности купировать депрессивные состояния. Повышается уровень само-

Литература:

1. Глассман Г.: биография, история успеха. URL : <http://fb.ru/article/384480/greg-glassman-biografiya-istoriyauspeha>; URL : <http://fb.ru/article/384480/greg-glassman-biografiya-istoriya-uspeha> (дата обращения 1.05.2019).

2. Методы эмпирических социологических исследований. URL : https://studbooks.net/704731/sotsiologiya/metody_empiricheskikh_sotsiologicheskikh_issledovaniy (дата обращения 1.05.2019).

3. Питание Лекция Часть 2: Оптимизация Производительности / Glassman, Greg Nutrition Lecture Part 2: Optimizing Performance. Crossfit, Inc. URL : <https://journal.crossfit.com/2007/11/nutrition-lecture-part-2-optim.tpl> (дата обращения 1.05.2019).

4. Приказ Госкомвуза РФ от 26.07.1994 п. 777 (ред. от 01.12.1999) об организации процесса физического воспитания в высших учебных заведениях.

5. Пьеса «Дядя Ваня» (1897) Антона Павловича Чехова (1860–1904), слова доктора Астрова (действ. 2).

6. Социология политики / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. URL : <http://journal.crossfit.com/2007/11/nutrition-lecture-part-2-optim.tpl> (дата обращения 1.05.2019).

7. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск : Манускрипт, 2016.

8. Социология тела – направление социологической науки, изучающее тело человека в кон-

оценки. При этом здоровый образ жизни (ЗОЖ) становится нормой, а не исключением.

Подводя итог выше сказанному, можно сделать следующие заключения.

Выводы:

1. Существующая система физической подготовки в ВУЗах не соответствует, в полной мере, реалиям современности [9].

2. В студенческом социуме присутствует потребность в модернизации методики преподавания физической культуры на базе современных трендов, соответствующих внутренним потребностям обучающихся.

3. Брэндированная система физической подготовки Кроссфит способствует социализации учащихся высшей школы, формируя в них качества, востребованные при стремлении к личным и карьерным успехам.

4. Адаптированная к российским условиям, система тренировок Кроссфит требует дальнейшего углубленного исследования.

Literature:

1. Glassman G.: biography, success story. URL : <http://fb.ru/article/384480/greg-glassman-biografiya-istoriyauspeha>; URL : <http://fb.ru/article/384480/greg-glassman-biografiya-istoriya-uspeha> (appeal date 05/01/2019).

2. Methods of empirical sociological research. URL : https://studbooks.net/704731/sotsiologiya/metody_empiricheskikh_sotsiologicheskikh_issledovaniy (contact date 1.05.2019).

3. Nutrition Lecture Part 2: Performance Optimization / Glassman, Greg Nutrition Lecture Part 2: Optimizing Performance. Crossfit, Inc. URL : <https://journal.crossfit.com/2007/11/nutrition-lecture-part-2-optim.tpl> (access date 1.05.2019).

4. Order of the State Committee of the Russian Federation of 07.26.1994 n 777 (as amended on 01.12.1999) on the organization of the process of physical education in higher educational institutions.

5. The play «Uncle Vanya» (1897) by Anton Pavlovich Chekhov (1860–1904), the words of Doctor Astrov (action 2).

6. Sociology of politics / Trans. from Fr. comp. ed. and foreword N.A. Shmatko. M. : Socio-Logos, 1993. URL : <http://journal.crossfit.com/2007/11/nutrition-lecture-part-2-optim.tpl> (appeal date 1.05.2019).

7. Rozov N. With. Ideas and intellectuals in the stream of history: the macrosociology of philosophy, science and education. Novosibirsk : Manuscript, 2016.

8. Sociology of the body – the direction of sociological science, studying the human body in

тексте социального взаимодействия. URL : <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/257/sociologiya-tela.htm> (дата обращения 1.05.2019).

9. CrossFit: немного цифр о самом эффективном тренировочном методе. URL : <https://psychosearch.ru/method/physcult/sport/643-crossfit-most-effective-training-method> (дата обращения 1.05.2019).

10. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962; 2ed. Chicago, 1970. 222 p.

the context of social interaction. URL : <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/257/sociologiya-tela.htm> (date applications 1.05.2019).

9. CrossFit: some numbers about the most effective training method. URL : <https://psychosearch.ru/method/physcult/sport/643-crossfit-most-effective-training-method> (the date of circulation is 1.05.2019).

10. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962; 2ed. Chicago, 1970. 222 p

Денисова Лариса Леонидовна

кандидат политических наук,
доцент кафедры философии,
права и социально-гуманитарных наук,
Армавирский государственный
педагогический университет
Lora28.01.72@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ КАК АКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В данной статье автор прослеживает изменения ресурсов влияния, интересов, идентичности и стратегий политической активности гуманитарной интеллигенции, начиная с 1992 г., и дает характеристику современной российской интеллигенции, определяя ее политические ориентации. На основе социологических данных рассмотрены и объяснены главные функции гуманитарной интеллигенции: создание политических ценностей, норм, правил и установок; обмен культурного капитала на политический; хранение знаний.

Ключевые слова: гуманитарная интеллигенция, идентичность, функции интеллигенции, политические ценности, культурный капитал, политические стереотипы.

В условиях информационной революции качественно возрастает роль создателей культурного капитала. Информационная политика правящих элит, система коммуникаций власти зависят, во многом, от параметров политической идентичности интеллигенции.

Актуальность анализа политической идентичности гуманитарной интеллигенции видится нам в том, что в условиях информационной революции качественно возрастает роль создателей культурного капитала. Информационная политика правящих элит, система коммуникаций власти зависят, во многом, от параметров политической идентичности интеллигенции.

Демократические трансформации общества могут быть закреплены только при условии соответствующих перемен в системе ценностей интеллектуалов, «базовых смыслов» их политического самоопределения. Вслед за ценностями, нужно изучить политические ориентации, установки и стереотипы деятельности интеллигенции.

Автор ставит цель: проанализировать параметры идентичности гуманитарной интеллигенции России и установить ресурсы влияния гумани-

Larisa L. Denisova

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of Philosophy,
Law and Social Sciences and Humanities,
Armavir State Pedagogical University
Lora28.01.72@mail.ru

IDENTITY PROBLEMS OF HUMANITARIAN INTELLIGENTSIA OF RUSSIA AS A LEAD FORCE OF THE POLITICAL PROCESS

Annotation. In this article the author traces the changes of influence, interests, identity and strategy of political activity of humanitarian intelligentsia since 1992 and characterizes modern intelligentsia defining its political orientation. Based on the sociological data the author takes a look and describes the main functions of humanitarian intelligentsia: integrations of political values, norms, rules and policy; exchange of cultural fund to political; storing of knowledge.

Keywords: humanitarian intelligentsia, identification, intellectual functions, political values, cultural capital, political stereotypes.

тарной интеллигенции как актора политического процесса.

Радикальные изменения в российском обществе привели к качественным изменениям ресурсов влияния, интересов и идентичности гуманитарной интеллигенции.

Гуманитарная интеллигенция в качестве актора политического процесса, осуществляет особую консолидирующую, политико-строительную роль в обществе, функцию распространения пропаганды сознания политических субъектов, активистскую роль социального лидера-паттерна [1].

Очевиден тот факт, что интеллигенция осуществляет главную функцию коммуникатора между властью и обществом, передает идеологическое знание от субъекта идеологического воздействия к обществу. Интеллигенция приспосабливает «язык» государственной идеологии, адаптируя его к народному стилю восприятия. Другие функции интеллектуальной элиты, – систематизация идей, их поиск и формулирование, выработка языка идеологии, разработка и апробация методов воздействия, формирование каналов передачи идеологии в массовое сознание [2].

Полезна гипотеза Ю. Полякова о том, что интеллигенция политически неоднородна. Важно исследовать позицию отдельных групп, слоев, профессий и даже индивидов, определяя степень их взаимопонимания [3].

До начала либеральных постсоветских реформ российскую интеллигенцию характеризовало единство политических ориентаций. Глубокие преобразования с 1992 г. привели к расколу в её рядах.

Весьма весомы различия мотиваций и установок между имущественными слоями интеллигентов [4]. Среди малообеспеченных, судя по исследованию ИКСИ РАН в 2003 г., преобладает установка на работу. Среди богатых, напротив, в 17 раз чаще, чем среди бедных проявляется нацеленность на карьеру. Авторы исследования ИКСИ РАН считают это одним из главных, разделяющих интеллигенцию, факторов.

По данным другого исследования ИКСИ РАН, проведенного под руководством М.К. Горшкова, основная масса интеллигенции поддерживала восстановление сильной роли государства, но также отстаивала максимально возможную экономическую свободу на низовом уровне. М.К. Горшков делает вывод, что «путинский консенсус» оценивался к 2003 г. средним классом как «исходная база для дальнейшего эволюционного системного реформирования олигархического бюрократического строя, доставшегося Путину по наследству» [5].

С другой стороны, к 2000 г. окончательно сформировалась новая, либеральная интеллигенция, отстаивавшая интересы корпоративного капитала. Дирижёром действий этого слоя, её «мозговым центром» стали аппараты ведущих сырьевых компаний, а также партия «Союз правых сил». Их тактику выразила Т.Е. Ворожейкина: «На протяжении всего путинского правления либеральные политики, политологи, да и значительная часть либеральной интеллигенции, активно боролись за Путина, представляя его себе и обществу как некую силу, равноудаленную от враждующих олигархов и силовиков» [6].

По выводам А. Духанина, наиболее популярна среди интеллигенции модель консервативного либерализма [7, с. 105, 110.]. Она учитывает национальные и культурные особенности России, адаптирует к ним зарубежные демократические модели.

Либертарианцы ставят выше свободу и тип государства, обеспечивающего свободу: одинаковость всех перед законом; личные права и свободы; действительную демократию. Они поощряют предпринимательство. Такой тип составил в начале 2005 г. 6,1 % респондентов, в т.ч. 8,6 %, имеющих отчетливые ориентиры.

Либеральные консерваторы (25,4 % всех респондентов, в т.ч. 36,1 %, последовательно ориентированных) предпочитают свободу, но одобряют государство, обеспечивающее порядок. Они – сторонники сильной и справедливой вла-

сти; справедливого распределения материальных благ; равенства всех перед законом; подлинной демократии; личных прав и свобод. Они положительно оценивают бизнес.

Социальные консерваторы (32,2 % всех респондентов и 45,7 %, имеющих отчетливые ориентации) одобряют равенство и порядок, а не свободу. Они – сторонники равного и справедливого распределения благ, сильной и справедливой власти; равенства всех перед законом, подлинной демократии, личных прав и свобод. Они положительно относятся к бизнесу.

Социал-популисты (6,8 % всех опрошенных и 9,6 %, имеющих отчетливые ориентации) предпочитают равенство и порядок, а не свободу. Они негативно относятся к предпринимателям, но, как и всё общество, одобряют равенство перед законом, подлинную демократию, личные права и свободы, сильную и справедливую власть. Социал-популисты отстаивают равное и справедливое распределение благ.

Итак, во всех квалификационных слоях интеллигенции очевидно доминирование консерваторов. По мере убывания квалификации растет слой социал-популистов, падает слой либертарианцев.

Напротив, пессимистичны выводы о ценностях интеллигентов, сделанные О.В. Гаман-Голутвиновой. По ее мнению, набор общезначимых ценностей минимален. Существует значительный разрыв между элитарным и массовым сознанием. Причины этого – в масштабности поляризации доходов, маргинализации массовых групп, фрагментации социальной структуры.

Ценностные ориентации массового сознания во многом определяются задачей индивидуального выживания [8]. И элиты, и население солидарны в неприятии ценности развития. Глубокое безразличие властных групп к развитию катастрофично. Ведь именно они призваны быть субъектом стратегического целеполагания, а также являются единственно значимым субъектом формирования ценностей общества.

Став, по сути, ведущими субъектами российской политики, властные элиты стратегически бесубъектны, т.е. не проявляют серьезного интереса к проблемам стратегии. Именно ослабление функций целеполагания и принятия стратегических решений в наибольшей мере подвергает эрозии элитарный статус правящих групп.

Негативные оценки интеллигенции, вплоть до отрицания её самого наличия в современной России, – есть проявление кризиса групповой идентичности. Такой кризис означает распад упорядоченной системы ценностей, утрату традиционной групповой солидарности и, взамен, создание новых основ групповой идентификации, конфликтующих со старыми основами.

В.Ф. Левичева по итогам массовых опросов студентов и преподавателей Российского государственного гуманитарного университета доказы-

вает рост негативной идентичности [9]. Жизненный мир ими воспринимается, всё чаще, лишь в границах локальных профессиональных и статусных групп. Утрачено идентификационное взаимодействие даже между «отраслевыми» слоями: инженерно-технической, гуманитарной, военной, экономической интеллигенцией. Рамки пространства сужаются до первичных групп социализации, субкультурных и ценностных сообществ. Формирование общегражданской солидарности затруднено.

Современная гуманитарная интеллигенция показывает адаптивность к базовым либеральным ценностям. Но, в идентичности гуманитарной интеллигенции также содержится весомая социально-ориентированная и консервативно-патерналистская составляющие.

Выводы.

Вопросы формирования новой интеллигенции в нашей стране приобрели особый политический смысл, так как очевиден факт, что интеллигенция, в целом, и гуманитарная, в особенности, является неотъемлемым элементом политического процесса. Одной из важнейших легальных функций, оставшихся у гуманитарной интеллигенции в данной ситуации, является политическая социализация общества, воспитание гражданственности, гражданской активности.

Современный политический процесс невозможен без сильной интеллектуальной компоненты, которые желают конвертировать свои научные знания в политическое влияние. Глубокие преобразования в российском обществе привели к

Литература:

1. *Беляев В.А.* Отечественная интеллигенция как объект и субъект политики. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. 436 с.
2. *Денисова Л.Л.* Гуманитарная интеллигенция как актор политического процесса в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2011. 27 с.
3. *Поляков Ю.А.* Зачинщица или жертва: Интеллигенция в эпохи смуты. М. : Свободная мысль, 1996. № 2. С. 19–22.
4. *Карпукhin О.И.* Владимир Путин и интеллигенция / О.И. Карпукhin, Э.Ф. Макаревич // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 4. С. 36–39.
5. *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 2-е изд. М. : РОССПЭН. 2003. 512 с.
6. *Ворожейкина Т.Е.* Назвать вещи своими именами // Независимая газета. 2003, 18 ноября.
7. *Тарусин М.А.* Реальная Россия (стратификация современного российского общества) // Мониторинг общественного мнения. М., 2006. № 1. С. 122–131.

расколу интеллигенции. Негативные оценки интеллигенцией, вплоть до отрицания её самого наличия в современной России, – есть проявления кризиса групповой идентичности. Такой кризис означает распад упорядоченной системы ценностей, утрату традиционной групповой солидарности и, взамен, создание новых основ групповой идентификации. Российская интеллигенция не обладает ресурсами, необходимыми для эффективного идеологического творчества, что объективно отражается на её функциональности. Чтобы стать собой, гуманитарная интеллигенция должна выработать групповую идентичность, проводить собственный курс в отношениях с административными элитами, партиями и субъектами политики.

Автор пришел к выводу о том, что, будучи либерально-ориентированной частью современной российской политической элиты, гуманитарная интеллигенция должна выступать носителем и трансформатором в политическую среду духа свободы и нравственных ценностей, в чем состоит её и основная и особая роль в политическом процессе в современной России. А это, в свою очередь, означает, что, несмотря на временный процесс лишения ее традиционных каналов воздействия на власть, отечественная гуманитарная интеллигенция еще скажет свое, во многом решающее, слово в выборе дальнейшей стратегии развития России. То есть, вопрос о выборе и реализации единой духовно-идентичной для России национальной идеологии неотделим от политической деятельности современной российской гуманитарной интеллигенции, ее ответственности за духовную судьбу своего народа и государства.

Literature:

1. *Belyaev V.A.* Otechestvennaya intelligenciya kak obekt i subekt politiki. Kazan : Publishing house Kazan. un-ta, 2006. 436 p.
2. *Denisova L.L.* The humanitarian intellectuals as a factor of political process in modern Russia : abstract thesis ... cand. of political sciences. Krasnodar, 2011. 27 p.
3. *Polyakov Y.A.* Zacinshica ili zhertva: Intelligenciya v smutnoe vremya. M. : Svobodnaya Mysl, 1996. № 2. P. 19–22.
4. *Karpukhin O.I.* Vladimir Putin i intelligenciya / O.I. Karpukhin, E.F. Makarevich // Social and Humanitarian Knowledge. 2004. № 4. P. 39–39.
5. *Gorshkov M.K.* Russian society in the conditions of transformation: myths and reality (sociological analysis). 2nd ed. M. : Rosspen, 2003. 512 p.
6. *Vorozheykina T.E.* Nazvat veshi svoimi imenami // Independent newspaper, 2003, November 18.
7. *Tarusin M.A.* Real Russia (stratification of modern Russian society) // Monitoring of public opinion. M., 2006. № 1. P. 122–131.

8. *Гаман-Голутвина О.В.* Власть, политический класс и развитие (размышления о субъекте модернизации в России) // Россия и совр. мир. 2005. № 3. С. 73–88.

9. *Левичева В.Ф.* Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // Социс. 2001. № 2. С. 57–61.

8. *Gaman-Golutvina O. V.* The power, political class and development (reflections about the subject of modernization in Russia) // Russia and совр. world. 2005. № 3. P. 73–88.

9. *Levicheva V.F.* Humanitarian intellectuals: bases of corporate identity // Sotsis. 2001. № 2. P. 57–61.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of chair of History of Russia,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры региональной
социологии и моделирования
социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral Candidate of Department Regional
Sociology and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Department of management
Personnel and Sociology,
Rostov State Economic University (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ
КАК РИСКОГЕННЫЙ ФАКТОР
ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ
ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**CYBER SOCIALIZATION
AS A RISCOGENIC INFLUENCE
FACTOR ON THE SOCIAL HEALTH
OF RUSSIAN YOUTH
IN THE EPOCH
OF DIGITAL TECHNOLOGIES**

■ ■ ■
Аннотация. В статье киберсоциализация рассматривается в качестве рискогенного фактора, влияющего на формирование социального здоровья российской молодежи. Среди рисков выделены: столкновение с социально деструктивной информацией, риски нарушения основных функций социализации, девальвация системы ценностей, риск формирования инфантильной безответственной личности; коммуникационные риски, снижение общего культурного уровня; формирование Интернет-зависимости; риски возникновения агрессивных форм поведения.

■ ■ ■
Ключевые слова: социальное здоровье, молодежь, киберсоциализация, риски, факторы киберсоциализации, цифровые технологии, социальное взаимодействие, Интернет-сети.

■ ■ ■
Annotation. The article considers cyber-socialization as a risk factor influencing the formation of the social health of Russian youth. Among the risks highlighted: a collision with socially destructive information, risks of violation of the basic functions of socialization, the devaluation of the value system, the risk of the formation of an infantile irresponsible person; communication risks, a decrease in the general cultural level; the formation of Internet addiction; risks of aggressive forms of behavior.

■ ■ ■
Keywords: social health, youth, cyber socialization, risks, cyber socialization factors, digital technologies, social interaction, Internet networks.

■ ■ ■
XXI век характеризуется циркуляцией масштабных объемов информационных потоков в обществе и появлением новых цифровых технологий, их незаменимости в создании картины мира. Российская молодежь, воспитанная в такой ин-

■ ■ ■
формационно-культурной среде, является носителем ценностных ориентаций, норм, установок, правил поведения и форм восприятия окружающей среды, сформированных на пересечении реального и виртуального миров. Как подчерки-

вает Л.В. Килимова, информационные технологии настолько глубоко проникли в жизнь молодежи, стали атрибутом ее повседневности, что вычленив их из общего мировоззренческого и социокультурного контекста невозможно. Формируется качественно новая система ценностей личности, ее потребностей и целей, а соответственно, возникают проблемы развития и саморазвития личности в новых социальных условиях [1].

Инновационные социокультурные и экономические преобразования, происходящие в современном мировом сообществе, интенсивно влияют на различные сферы жизнедеятельности молодежи. В этой связи приобретают новую актуальность проблемы социализации молодого человека. Известно, что социализация – это многоаспектный процесс, в ходе которого осуществляется приобщение молодого индивида, если говорить в широком смысле, к «всеобщему социально-культурному» и постоянное открытие, утверждение себя как субъекта социальной культуры.

В современном мире наблюдаются серьезные изменения, вследствие чего меняются и факторы социализации молодых поколений. В эпоху развития компьютерных технологий, особенно, благодаря динамичной киберэволюции всемирной глобальной сети Интернет, современный человек как Homo Sapiens на рубеже XX–XXI вв., фактически, превращается в уникальный новый вид – «Homo Cyberus» (человек киберсоциализирующийся), а гуманитарная наука обогатилась появлением инновационного социального феномена – процесса киберсоциализации человека. И, как свидетельствует практика последних десятилетий, наиболее явно включенным в процесс киберсоциализации (или интернет-социализации) оказалось молодое поколение: дети, подростки и молодежь.

Каким же образом можно охарактеризовать киберсоциализацию?

Термин «киберсоциализация» возник недавно (изначально – виртуальная компьютерная социализация) и был введен в научный оборот отечественным ученым В.А. Плешаковым в 2005 г.

Под киберсоциализацией В.А. Плешаков подразумевает процесс качественных изменений структуры самосознания личности и ее потребностно-мотивационной сферы, «происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [2, с. 14].

Киберсоциализация затрагивает процесс использования ресурсов виртуального пространства и коммуникации с виртуальными агентами социализации [3, с. 33]. Т.е., киберсоциализацию молодежи можно определить как виртуальную социализирующую цифровую среду.

Модель киберсоциализации молодежи в современном информационном обществе можно представить как единство 3-х ипостасей:

1) как объекта киберсоциализации (влияние киберпространства на жизнедеятельность и состояние здоровья молодежи);

2) как субъекта киберсоциализации (удовлетворение потребностей в киберпространстве);

3) как жертвы неблагоприятных условий киберсоциализации (опасности киберпространства и негативные последствия для самочувствия и социального здоровья молодежи).

Следовательно, рост влияния цифровых технологий на социализацию молодежи сопровождается ростом рисков их использования, поскольку цифровые технологии являются не только универсальным средством коммуникации, но и источником возникновения рисков и угроз социальному самочувствию и здоровью многих социальных групп, и особенно это касается молодежи, которой присуще стремление ко всему новому, необычному и неизведанному. Обратной стороной молодежной киберсоциализации стало появление новых типов и способов социального взаимодействия, характеризующихся, в том числе, и социально опасными проявлениями. Эти проявления выражаются, с одной стороны, в отсутствии системы санкций и контроля над распространением информации любого типа в Интернет-пространстве, с другой – угрожают психическому и социальному здоровью молодых поколений россиян.

В рамках данной публикации социальное здоровье рассматривается в контексте теории социализации. Характеризуя социальное здоровье молодежи, первоначально стоит обратиться к Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которая интерпретирует здоровье в качестве междисциплинарного понятия, исходя из социальной модели здоровья, в которую включаются не только физические и физиологические возможности человека, но и социальные, а также личностные ресурсы [4].

Поскольку доминирующую роль в формировании здоровья молодежи играют социальные факторы, это ориентирует нас на рассмотрение социального здоровья в более широком контексте – как состояние, обусловленное конкретной социально-экономической средой и ситуацией в обществе.

Социальное здоровье связано с влиянием на личность других людей, общества в целом, и зависит от места и роли молодого человека в межличностных отношениях [5]. Социальное здоровье отражает меру социальной активности, выступает формой активного, деятельного отношения к миру, включенности индивида в общество, в разнообразные социальные связи и отношения, в том числе, и в сетевое (цифровое) взаимодействие. Кроме того, взгляд современных социологов на социальное здоровье как совокупность усвоенных ценностей, норм и этало-

нов поведения очень тесно связан с процессом социализации, и это особенно важно учитывать при исследовании социального здоровья молодежи.

Подобные вопросы находятся в фокусе внимания научных интересов зарубежных социологов, а именно: Д. Вейрей, Н. Лунта, Т. Майза, О. Манор; а также отечественных социологов: Р.А. Зобова, И.В. Кузнецовой, Л.В. Колпиной, И.Н. Комаровой, Т.Б. Сергеевой, Т.Б. Соколовой, А.Н. Сошнева и других. Так, для нас интерес представляет определение социального здоровья молодежи с точки зрения взаимодействия личности и общества, предложенное Т.Б. Сергеевой и И.Н. Комаровой. Причем, важным моментом для формирования социального здоровья молодежи является наличие социальных контактов. Так, И.Н. Комарова определяет социальное здоровье как уровень социальной активности в процессе социального взаимодействия и адекватности восприятия себя и окружения, а также высокий уровень адаптации к изменяющимся условиям окружающей действительности [6].

Как и поведение в сфере здоровья, само социальное здоровье молодежи формируется в результате всего хода воспитательного и социализационного процесса, оно обусловлено существующими в обществе социальными нормами в области отношения к здоровью. В этом плане социальное здоровье молодежи можно рассматривать как совокупность усвоенных молодежью социальных норм, ценностей, приобретение опыта в процессе киберсоциализации.

Таким образом, социальное здоровье молодежи формируется и развивается вместе со становлением личности, отражая совокупность усвоенных ценностей, норм и эталонов поведения в процессе взаимодействия в киберпространстве. Кроме того, оно детерминировано социальными отношениями, господствующими в той или иной социальной группе в той или иной сфере (в том числе и в сфере сетевого поведения). Социальная составляющая здоровья отражает социальные связи, межличностные отношения и сетевые контакты [7].

Л.В. Ведерникова, О.Г. Бырдина и О.А. Поворзнюк рассматривают процесс формирования социального здоровья российской молодежи через призму процесса ее социализации (в т.ч., и процесса киберсоциализации) [8].

Результатом киберсоциализации как фактора влияния на социальное здоровье молодежи является:

- становление самосознания и жизненной позиции молодежи;
- развитие сетевых контактов в киберпространстве;
- сформированность тех черт, которые характеризуют новую эпоху информационно-культурной среды.

Цифровые технологии на современном этапе развития информационного общества оказыва-

ются чуть ли не основным источником информации, коммуникации и социализации современной молодежи. Срединайболее востребованным источниками информации молодые респонденты называют центральное телевидение (61,9 %) и сеть Интернет (43,5 %), в меньшей степени – местное телевидение (28,1 %) и общение с друзьями и родственниками (27,6 %) [1]. Это виртуальное пространство (киберпространство) предоставляет молодому поколению россиян возможность полностью социализироваться, сформировать собственные взгляды, установки и ценности; оно способствует новому способу адаптации к современным социальным условиям окружающей действительности в виртуальном обществе, при этом, снижая уровень социального здоровья в реальном пространстве [9].

Отсюда, целесообразным является обзор положительных и отрицательных факторов киберсоциализации, влияющих на формирование социального здоровья современной российской молодежи.

Итак, в качестве положительных факторов киберсоциализации можно обозначить следующие факторы:

1. Появление новых образовательных цифровых технологий, что значительно экономит время учащейся и студенческой молодежи, затрачиваемое на поиск и обработку академической информации.
2. Возможности для общения социальных контактов в процессе взаимодействия молодого индивида и общества. В качестве примера можно привести следующие факты: так, чтобы набрать аудиторию в 50 миллионов человек, радио понадобилось 38 лет, телевидению – 13 лет, Интернету – 4 года, iPod – 3 года, а социальной сети «Facebook» – всего 2 года. Что же так тянет молодежь к общению через киберпространство? Как показал опрос пользователей социальных сетей среди молодежи в возрасте от 14 лет до 21 года, 36 % из них легче говорить о своих личностных проблемах в Сети онлайн, а не в непосредственном межличностном взаимодействии [10].
3. Возможности для познания мирового пространства дистанционно, без необходимости затрачивать материальные средства.
4. Возможности для поиска подходящей работы. Интернет способствовал появлению десятка новых профессий и тысяч новых рабочих мест для молодежи, что, некоторым образом, помогает решать проблему молодежной безработицы. Так, например, по данным ВЦИОМ, 10 самых востребованных работ в 2015 г. не существовало в 2004 г. В эту десятку как в 2014 г., так и в настоящее время входят IT-специалисты, руководители IT-проектов, инженеры и специалисты по нанотехнологиям [11].
5. Возможности для досугового времяпровождения. Кроме социальных сетей для формирования общения и социальных контактов, в ин-

тернете существуют тысячи блогов, форумов, чатов, интернет – магазинов, сайтов с фото, музыкой и видео.

В целом, проанализировав положительные факторы, можно сделать вывод о том, что информационные технологии делают российскую молодежь более мобильной и коммуникабельной, быстро реагирующей на социокультурные и социально-экономические изменения, происходящие в российском обществе, а главное – способной воспринимать большой объем разноплановой информации.

Однако наряду с положительными факторами существуют и отрицательные: факторы риска киберсоциализации, влияющие на социальное здоровье российской молодежи, в качестве которых можно обозначить следующие информационные рискованные факторы:

1. Риски, заключающиеся в столкновении с социально деструктивной, а зачастую и противоправной информацией, нарушающей социальные связи и межличностные отношения молодежи в системе «личность – общество», что представляет угрозу для жизни и социального здоровья молодежи (например, скрытые или явные призывы к суициду, девиациям на транспорте, опасным селфи и т.д.) [12].

2. Риски нарушения основных функций социализации, поскольку социальные сети занимают немаловажную часть в жизнедеятельности современной молодежи, так как социальное общение в Интернет-сети занимает важное место, и именно на это молодежь тратит свой досуг. Это подтверждают данные наших исследований. Так, в результате авторского социологического опроса по изучению факторов влияния на социальное здоровье и уровни рискованности социального здоровья российской студенческой молодежи, мы обнаружили, что весьма значимым фактором социализации для опрошенной студенческой молодежи является «общение в сети интернет» (56,6 % общаются часто) [13].

3. Риск девальвации системы ценностей в сознании российской молодежи в результате превращения виртуальных ценностей, формирования потребительских установок и девальвации нравственного поведения: известно, что социальные сети нивелируют у молодежи основные традиционные общечеловеческие ценности. Как результат – их отрицательное влияние не только на социальное, но и психическое здоровье молодежи – формирование ощущения вседозволенности, культуры агрессивности, насилия и жестокосердия, искажение морально-нравственных установок; плохая ориентация в реальном мире, т.н. «интернет-идиотия» или неспособность к принятию разумных решений.

4. Риски утраты жизненной позиции молодежи, самостоятельности и ответственности, и, как результат, формирование типа инфантильной безответственной личности. Как подчеркивает Болдакова И.А., виртуальный мир не требует от молодых людей обязательной ответственности за

свои поступки [14]. Действительно, потребляя огромное количество информации, молодежь, в силу своих возрастных особенностей, молодежь не задумывается о ее содержании и последствиях реагирования на тот или иной информационный контент.

5. Риск нарушения процесса включения индивида в качестве дееспособного субъекта в систему общественных отношений. Молодежь, пребывая в виртуальном пространстве, может удовлетворить свои потребности, не затрачивая на это больших усилий. Ей легче реализовать себя там, чем в реальности, так, например, М.В. Ростовцева, А.А. Машанов и З.В. Хохрина считают, что следствием этого является рост уровня алкоголизма, наркомании, суицида и безработицы [15].

6. Риск вытеснения и ограничения традиционных форм коммуникации, а также подмены реальных социальных связей и отношений на виртуальные. Как следствие этого, – отрицательное влияние на социальное здоровье молодежи – возникновение рисков ограничения эмоциональных контактов и традиционных форм общения, а также нарушения реальных социальных коммуникаций.

7. Обесценивание, обеднение творческого мышления молодежи и снижение общего культурного уровня [16].

8. Формирование интернет-зависимости и аддиктивных форм поведения в результате воздействия киберинформационной девиантной и делинквентной направленности [17]. Причем зависимость в результате киберсоциализации может носить деструктивный характер для социального здоровья молодежи: кибермания, игромания, киномания, интернетмания, мания цифровых технологий. В частности, в силу неудовлетворенности реальным миром компьютерная зависимость среди молодежи постепенно усугубляется, приводя к тому, что она начинает отдавать предпочтение именно киберпространству, как наиболее приемлемому для него.

9. Риск возникновения агрессивных форм поведения, культивирования экстремистских настроений, социальной напряженности и конфликтогенности в молодежной среде, что, так или иначе, нарушает процесс социального взаимодействия молодежи, тем самым отрицательно сказываясь на качестве социального здоровья молодежи.

10. Изменение поведения молодых людей в совокупности с потребительской идеологией и социальной разобщенностью.

Из сказанного выше следует, что виртуальная реальность является благоприятной средой для формирования и активизации различных форм девиантного поведения, что препятствует социальному здоровью молодежи. Причем, девиантное поведение, вызванное именно негативными факторами киберсоциализации молодежи, может

проявляться как в реальном мире, так и в виртуальном.

В целом, необходимо дальнейшее исследование киберсоциализации как фактора влияния на социальное здоровье российской молодежи, ибо

Литература:

1. *Килимова Л.В.* Влияние информационных технологий на саморазвитие личности : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Курск, 2003.
2. *Плешаков В.А.* Киберсоциализация как инновационный социально-педагогический феномен // Преподаватель XXI век. 2009. № 3.
3. *Плешаков В.А.* Ценность здоровья как фактор успешной киберсоциализации человека / В.А. Плешаков, С.Н. Верейкина // Психолого-педагогическое сопровождение личности в образовании: союз науки и практики: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017.
4. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).
5. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье молодежи как ресурс развития социального партнерства в структуре дополнительного профессионального образования // Образование, наука, инновации: Южное измерение. 2014. № 3 (35). С. 111–117.
6. *Комарова А.Н.* Факторы формирования социального здоровья молодежи в контексте киберсоциализации // Вестник саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 4. С. 175–177.
7. *Байкова Л.А.* Социальное здоровье детей и молодежи: методология, теория, практика : монография. Рязань, 2011. 224 с.
8. *Ведерникова Л.В.* Социальное здоровье студентов: сущность и основные направления его формирования / Л.В. Ведерникова, О.Г. Бырдина, О.А. Поворзныук // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 2. С. 117–121.
9. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 600 с.
10. *Макеев А.Э.* Исследование роли информационных технологий в формировании процесса социализации молодежи. М., РАН Институт социологии, 2010. URL : http://www.isras.ru/analytical_report.
11. Виртуальная реальность vs реальная жизнь: выбор интернетчиков // ВЦИОМ Пресс выпуск № 2090. 2015. URL : <http://wciom.ru/index.php>
12. *Natalya Kh. Gafiatulina.* Socio-Political Changes As A Socio-Cultural Trauma For The Social Health Of Russian Youth (2018) / Natalya Kh. Gafiatulina, Andrey V. Rachipa, Gennadiy A. Vorobyev, Valery V. Kasyanov, Tatyana M. Chapurko, Irina I. Pavlenko, Sergei I. Samygin // Modern Journal of

детальное понимание данного процесса даст возможность использовать киберпространство в роли мощного инструмента, влияющего на становление личности и формирование социального здоровья молодых субъектов, а также качественного повышения его уровня.

Literature:

1. *Kilimova L.V.* Influence of information technologies on self-development of personality : author. dis. ... cand. sociol. sciences. Kursk, 2003.
2. *Pleshakov V.A.* Cyber socialization as an innovative socio-pedagogical phenomenon // Teacher XXI century. 2009. № 3.
3. *Pleshakov V.A.* The value of health as a factor in successful cyber socialization of a person / V.A. Pleshakov, S.N. Vereikina // Psychological and pedagogical support of an individual in education: a union of science and practice: materials of the V Intern. scientific-practical conf. M., 2017.
4. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).
5. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of young people as a resource for the development of social partnership in the structure of additional professional education // Education, science, innovations: The Southern Dimension. 2014. № 3 (35). P. 111–117.
6. *Komarova A.N.* Factors of the formation of social health of young people in the context of cyber-socialization // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2018. № 4. P. 175–177.
7. *Baykova L.A.* Social health of children and youth: methodology, theory, practice : monograph. Ryazan, 2011. 224 p.
8. *Vedernikova L.V.* Social health of students: the nature and main directions of its formation / L.V. Vedernikova, O.G. Byrdina, O.A. Povorznyuk // Siberian Pedagogical Journal. 2015. № 2. P. 117–121.
9. *Castells M.* Information Age: economy, society and culture. M., 2000.
10. *Makeev A.E.* Study of the role of information technology in shaping the process of youth socialization. M., RAS Institute of Sociology, 2010. URL : http://www.isras.ru/analytical_report
11. Virtual reality vs real life: the choice of Internet users // VTsIOM Press edition No. 2090. 2015. URL : <http://wciom.ru/index.php>.
12. *Natalya Kh. Gafiatulina.* Socio-Political Changes As A Socio-Cultural Trauma For The Social Health Of Russian Youth (2018) / Natalya Kh. Gafiatulina, Andrey V. Rachipa, Gennadiy A. Vorobyev, Valery V. Kasyanov, Tatyana M. Chapurko, Irina I. Pavlenko, Sergei I. Samygin // Modern Journal of

Language Teaching Methods. Vol. 8. Issue 5. May 2018. P. 602–609.

13. *Гафиятулина Н.Х.* Информационная сетевая среда как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи / Н.Х. Гафиятулина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 23–27.

14. *Болдакова И.А.* Основные риски киберсоциализации молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 37. С. 151–155. URL : <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>

15. *Ростовцева М.В.* Социально-философские проблемы социализации личности в условиях информатизации современного общества / М.В. Ростовцева, А.А. Машанов, З.В. Хохрина // Фундаментальные исследования. 2013. № 6-5.

16. *Касьянов В.В.* Социология культуры. Москва-Краснодар, 2013; *Касьянов В.В.* Государственная идеология современной России // Общество: философия, история, культура. 2011. № 3–4.

17. *Оганисян Л.А.* Современная молодежь в сети Интернет // Социальное поведение молодежи в Интернете: новые тренды в эпоху глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2015. 418 с.

Language Teaching Methods. Vol. 8. Issue 5. May 2018. P. 602–609.

13. *Gafiatulina N.Kh.* Information network environment as a factor in influencing the social health of Russian students / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 1. P. 23–27.

14. *Boldakova I.A.* The main risks of cyber-socialization of youth // Scientific-methodical electronic journal «Concept». 2015. Vol. 37. P. 151–155. URL : <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>.

15. *Rostovtseva M.V.* Socio-philosophical problems of socialization of the individual in the conditions of informatization of modern society / M.V. Rostovtseva, A.A. Mashanov, Z.V. Khokhrina // Fundamental research. 2013. № 6-5.

16. *Kasyanov V.V.* Culture sociology. Moscow-Krasnodar, 2013; *Kasyanov V.V.* State ideology of modern Russia // Society: philosophy, history, culture. 2011. № 3–4.

17. *Oganisyan L.A.* Modern youth on the Internet // Social behavior of youth on the Internet: new trends in the era of globalization: materials of the Intern. scientific-practical conf. Samara, 2015. 418 p.

Кротов Дмитрий Валерьевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры
экономической теории,
Ростовский государственный
экономический университет
dsm2000@mail.ru

Латышева Анна Трофимовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры педагогики
и социокультурного развития личности,
Таганрогский институт им. А.П. Чехова,
Ростовский государственный
экономический университет (филиал)
89281115155@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

**РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ
ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ:
ОСОБЕННОСТИ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена осмыслению специфики институционализации региональной молодежной политики в современном российском обществе. Региональная молодежная политика в РФ находится в ведении субъектов федерации (региональных сообществ), она представляет собой деятельность органов власти, осуществляемую совместно со структурами гражданского регионального сообщества и самой молодежью с целью социального развития молодежи, ее самореализации в общественно значимой деятельности.

Ключевые слова: молодежь, российское общество, региональная молодежная политика, институционализация, государство, социализация молодежи, принцип участия.

Современный российский социум переживает глубокие трансформационные процессы. Существенным изменениям подвергается социальная структура общества, в которой значительное место всегда принадлежало молодежи. Немаловажное место в процессе развития современного российского общества занимает институт молодежной политики, как важнейший

Dmitry V. Krotov

Doctor of Social Sciences,
Professor of chair Economic Theory,
Rostov State
Economic University
dsm2000@mail.ru

Anna T. Latysheva

Candidate of Sociology,
Associate Professor of Pedagogics
and Sociocultural Personal Development,
Taganrog Institute of A.P. Chekhov,
Rostov State
Economic University (branch)
vivashov@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Department
human resource management,
Rostov State
Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

**REGIONAL YOUTH POLICY
IN MODERN RUSSIAN SOCIETY:
SPECIFICS
OF INSTITUTIONALIZATION**

Annotation. The article is devoted to understanding the specifics of the institutionalization of regional youth policy in modern Russian society. The regional youth policy in the Russian Federation is managed by the subjects of the federation (regional communities), it is the activity of the authorities, carried out jointly with the structures of the civil regional community and the youth themselves with the aim of social development of the youth, its self-realization in socially significant activities.

Keywords: youth, Russiansociety, regional youth policy, institutionalization, state, youth socialization, principle of participation.

социальный механизм социализации и социальной интеграции российской молодежи.

Актуальность исследования особенностей институционализации региональной молодежной политики (РМП) детерминирована, во-первых, ценностью молодежи как особой группы в социальной структуре российского общества, во-

вторых, все более возрастающими процессами стратификации и регионализации современного социального пространства. Вследствие этого, неправильная оценка значения и роли современной российской молодежи в процессе формирования общества, применение неэффективных методов социальной работы с молодыми людьми могут привести к ошибкам, которые повлекут за собой серьезные последствия. И важное место в процессе развития российского социума занимает институт молодежной политики как ведущий общественный механизм социализации и социальной интеграции современной российской молодежи [1]. Причем, особенная роль в процессе институционализации молодежной политики принадлежит государству, поскольку именно оно обладает наибольшими ресурсами и возможностями для реализации целостной молодежной политики. Государственная молодежная политика (ГМП) должна обеспечивать социально-экономические, политические и социокультурные условия развития молодежи, формировать у молодых граждан уважение к историческому прошлому и культурным традициям России, воспитывать чувство патриотизма, инициировать к соблюдению гражданских прав и выполнению гражданских обязанностей [2].

Проблеме институционализации ГМП (как системной деятельности государства и общества в отношении молодого поколения) посвящены работы Я.В. Гетц, И.М. Ильинского, В.В. Касьянова, И.Е. Клейменовой, В.А. Лукова, Т.А. Нигматуллиной В.А. Смирнова и др. В рамках трудов указанных ученых было разработано понятие «общественная молодежная политика», проведен анализ реализации региональной молодежной политики в российском обществе, а также осуществлен тезауrolогический подход к пониманию механизмов молодежной политики.

Обратимся к понятию «государственная молодежная политика». В соответствии с законодательством, а именно гл. 1 «Основных направлений государственной молодежной политики в Российской Федерации», утвержденных Постановлением Верховного Совета РФ № 5090-1 от 3 июня 1993 г., [3] под государственной молодежной политикой подразумевается деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических, организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных движений и инициатив. Отсюда следует, что молодежь является одновременно и объектом и субъектом молодежной политики.

Современная молодежная политика представляет собой единство государственной и общественной составляющих, ее развитие в российском обществе происходит, как правило, на трех базовых уровнях: на федеральном, муниципальном и региональном уровнях, каждый из которых имеет соответствующую специфику реализации.

Поскольку, предметом нашего исследования является институционализация региональной молодежной политики, зададимся вопросом, что же, прежде всего, представляет собой региональная молодежная политика?

ГМП, будучи межотраслевой сферой государственного управления, включает в себя такие важные отрасли, как экономика, образование, здравоохранение, культура, физкультура и спорт, отдых. Она направлена на социальное становление, социализацию молодежи, формирование ее ценностных ориентаций. Что касается региональной молодежной политики, то она представляет собой целенаправленную деятельность органов власти, осуществляемую совместно со структурами гражданского регионального сообщества и самой молодежью с целью социального развития молодежи, ее самореализации в социально значимой деятельности [4].

Региональная молодежная политика в РФ находится в ведении субъектов федерации (региональных сообществ), она представляет собой «комплексную деятельность органов государственной власти, местного регионального самоуправления, общественных региональных объединений, политических партий, бизнеса и молодежного актива региона с целью социального развития молодежи, ее самореализации в общественно значимой деятельности» [5, с. 202].

В процессе институционализации РМП обозначают три этапа [6]:

– Первый этап – этап мобилизации, когда государство обнаруживает тенденцию к возрастанию интереса к молодежному сообществу в периоды модернизации практически всех сфер социальной жизнедеятельности. В такой ситуации менее интегрированная в общественную структуру молодежь преобразуется в важнейший ресурс инноваций;

– Второй этап характеризуется возрастанием самоорганизации самой молодежи. Внимание со стороны государства и государственных институтов к молодежи приводит к росту самосознания и ответственности молодежи перед обществом, что выражается в формировании значительного количества различных молодежных организаций как формального, так и неформального характера;

– Третьим этапом можно считать построение системы государственной молодежной политики и формирование ее трехуровневой системы: (т.е. на федеральном, муниципальном и региональном уровнях). На этом этапе объектом деятельности государства становится управление процессами самоорганизации молодежи, консолидация энергии в более модернизированную социально-экономическую структуру.

Особенности институционализации регионализации молодежной политики связаны с дифференциацией молодежной политики в двух направлениях: по вертикали и по горизонтали. Первое направление (вертикальная дифференциация) ориентировано на изучение жизненных путей молодежи в условиях реформирующегося социального пространства того или иного российского регионального сообщества и разработке адекватных этим социальным процессам моделей сопровождения молодежного транзита.

Горизонтальная дифференциация государственной молодежной политики должна осуществляться в направлении анализа собственно региональной специфики. Это требует научной разработки и обоснования региональной молодежной политики как системы сопровождения молодежного транзита в отдельных локальностях российского общества [7].

Специфической особенностью институционализации РМП является то, что ее основополагающим принципом является принцип участия, согласно которому, молодежь – это не только пассивный объект воспитания и образования, но и активный, сознательный участник социально-политических, экономических и социокультурных преобразований. Молодежное участие рассматривается как фундаментальный принцип молодежной политики не только в России, но и за рубежом [8]. Ключевая идея молодежного участия заключается в предоставлении молодежи возможности оказывать влияние на все вопросы, касающиеся их жизнедеятельности [9]. Это влияние молодежь может реализовать как через участие в принятии решений совместно с взрослым населением, так и через собственную деятельность, оказывающую воздействие на окружающую жизнь. Таким образом, принцип участия заключается в деятельности молодежных общественных движений и организаций, которые имеют реальные возможности влияния на процесс разработки и реализации региональной молодежной политики.

Т.А. Нигматуллина выделяет основные проблемы институционализации региональной молодежной политики, которые сыграли не последнее значение в субъективизации региональных структур в сфере молодежной политики, к ним, в частности, относятся [10]:

- 1) решение жилищных проблем молодежи и поддержка социальных проектов по обеспечению молодых семей доступным жильем;
- 2) предоставление качественного образования, профессиональной подготовки, а при необходимости, и переподготовки, а также последующего трудоустройства представителей молодежного сообщества;
- 3) пропаганда здорового образа жизни среди молодежи и борьба с ее девиациями, делинквентным поведением, криминализацией;
- 4) работа по социальной адаптации и интеграции молодежи, попавшей в сложные жизненные ситуации [11].

Сложившаяся тенденция регионального регулирования политики в сфере молодежной проблематики объективно исходит из социально-политических, экономических, правовых и социокультурных возможностей конкретного субъекта РФ. Стоит отметить, что реализация региональной политики в сфере молодежной деятельности

в отличие от ее «федерального контура» характеризуется, прежде всего, конкретизацией методов и форм ее практического воплощения. Целями региональной молодежной политики является создание условий для успешной социализации, интеграции и эффективной самореализации молодежи, повышение потенциала данной социально-демографической группы и использование этого потенциала в интересах инновационного развития каждого регионального социума.

С целью достижения указанных целей решаются следующие задачи:

– вовлечение молодежи конкретного региона в социальную практику, информирование о потенциальных возможностях саморазвития, обеспечение поддержки научно-образовательной, творческой, а также предпринимательской активности молодежи;

– обеспечение эффективной социализации и интеграции в региональный социум молодежи, относящейся к группам риска и находящейся в сложной жизненной ситуации (дети-сироты, безработные, дети-инвалиды, молодежь ограниченными возможностями здоровья);

– гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи, содействие формированию правовых, социокультурных и нравственных ценностей среди молодежи. Механизм формирования системы ценностных ориентаций молодежи может быть реализован на самых разных уровнях (на уровне государства, общественных и религиозных институтов, семьи и личности) основываться на институционализации – установлении норм, правил и эталонов поведения, определение системы ценностей и идеалов, к которым следует стремиться. При этом, в контексте формирования патриотических чувств и настроений, особое внимание нужно уделять молодым людям школьного и студенческого возраста, когда в процессе личностно-профессионального становления происходит активное формирование социальной компетентности как результата осмысления молодым человеком своей социальной позиции и социальной ответственности [10, с. 45];

– формирование целостной системы поддержки инициативной и талантливой молодежи, обладающей лидерскими навыками, в целях инновационного развития российского регионального сообщества и всей России в целом.

Таким образом, в современном российском социуме сегодня существуют необходимые социальные предпосылки для успешной институционализации региональной молодежной политики как типа отношений, способного обеспечить потребности общества в урегулировании отношений между молодежью и другими общественными группами и взаимную удовлетворенность участников этих отношений.

Литература:

1. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье российской молодежи как объект государственной молодежной политики / Н.Х. Гафиатулина, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 38–41.
2. *Латышева А.Т.* Российская социологическая мысль об адаптационных стратегиях населения: аналитический потенциал структурно-деятельностного подхода. Философия хозяйства. 2006. С. 1.
3. Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации», утвержденные Постановлением Верховного Совета РФ № 5090-1 от 3 июня 1993г.
4. *Гетц Я.В.* Институционализация региональной молодежной политики в современной России // Регионализация молодежной политики в России: история, опыт, практика. СПб., 2013. С. 21–23.
5. *Гафиатулина Н.Х.* Институционализация региональной молодежной политики в современном российском обществе // Нацестроительство и модели национальной интеграции в России. Материалы всероссийской конференции. Ростов н/Д., 2016. С. 201–206.
6. *Клейменова И.Е.* Проблемы институционализации региональной молодежной политики в современной России // Регионализация молодежной политики в России: история, опыт, практика. СПб., 2013. С. 41–42.
7. *Смирнов В.А.* Институционализация региональной молодежной политики в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2011. 45 с.
8. *Lasse Siurala.* A European framework for youth policy. Council of Europe Publishing, 2006. 57 p.
9. *Кротов Д.В.* Субкультуры и культуры соучастия – сходство и различие / Д.В. Кротов, С.И. Самыгин, Н.А. Шилина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9.
10. *Нигматуллина Т.А.* Механизмы формирования современной российской молодежной политики: региональный аспект : монография. М., 2013.
11. *Латышева А.Т.* Социальная апатия как фактор формирования аддиктивного поведения в молодежной среде / А.Т. Латышева, В.В. Касьянов., С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3.

Literature:

1. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of Russian youth as an object of state youth policy / N.Kh. Gafiatulina, D.V. Krotov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 3. P. 38–41.
2. *Latysheva A.T.* Russian sociological thought on population adaptation strategies: the analytical potential of the structural-activity approach. Philosophy of economy. 2006. P. 1.
3. The main directions of the state youth policy in the Russian Federation, approved by the Decree of the Supreme Soviet of the Russian Federation № 5090-1 of June 3, 1993.
4. *Getz J.W.* Institutionalization of regional youth policy in modern Russia / Regionalization of youth policy in Russia: history, experience, practice. SPb., 2013. P. 21–23.
5. *Gafiatulina N.Kh.* Institutionalization of regional youth policy in modern Russian society // Nation-building and models of national integration in Russia. Materials of the All-Russian Conference. Rostov on/D., 2016. P. 201–206.
6. *Kleimenova I.E.* Problems of institutionalization of regional youth policy in modern Russia // Regionalization of youth policy in Russia: history, experience, practice. SPb., 2013. P. 41–42.
7. *Smirnov V.A.* Institutionalization of the regional youth policy in the conditions of transformation of the Russian society : author. dis ... dr. Sociol. sciences. SPb., 2011. 45 p.
8. *Lasse Siurala.* A European framework for youth policy. Council of Europe Publishing, 2006. 57 p.
9. *Krotov D.V.* Subcultures and cultures of participation – similarities and differences / D.V. Krotov, S.I. Samygin, N.A. Shilina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9.
10. *Nigmatullina T.A.* Mechanisms for the formation of modern Russian youth policy: a regional aspect : monograph. M., 2013.
11. *Latysheva A.T.* Social apathy as a factor in the formation of addictive behavior in the youth environment / A.T. Latysheva, V.V. Kasyanov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 3.

Олонец Светлана Борисовна

доцент кафедры
физической культуры и спорта,
Академия физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
sveta.olonez@mail.ru

Кадыров Аслан Меджидович

доцент кафедры спортивных дисциплин,
Академия физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
amkadyrov@sfnu.ru

Олонец Любовь Константиновна

врач по ЛФК и спортивной медицине
отделения спортивной медицины
и реабилитации взрослых спортсменов,
Государственное бюджетное учреждение
Ростовской области
«Лечебно-реабилитационный центр № 1»
Lubovo7@mail.ru

**ФИЗИКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СРЕДЕ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР
ПОВЫШЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА
ЗДОРОВЬЯ**

Аннотация. В рамках данной статьи физкультурно-спортивная деятельность рассматривается в качестве ключевого фактора повышения потенциала здоровья студенческой молодежи с точки зрения трех аспектов здоровья: физического, психического, социального. В статье представлены данные авторского исследования и проведен компаративный анализ вторичных исследований отношения молодежи к физической культуре и спорту как важным факторам образа жизни, формирующим здоровье.

Ключевые слова: потенциал здоровья, социальное здоровье, физическая культура, спорт, физкультурно-спортивная деятельность, студенческая молодежь, образ жизни.

Подготовка высококвалифицированных конкурентоспособных молодых специалистов, наряду с формированием, сохранением и укреплением их физического, психического и социального здоровья в условиях образовательного процесса и профессиональной социализации [1] является составной частью современной стратегии социального развития и государственной

Svetlana B. Olonets

Associate Professor at the Department
of Physical Culture and Sports,
Academy of Physical and Sports,
Southern Federal University
sveta.olonez@mail.ru

Aslan M. Kadyrov

Associate Professor,
Department of Sport Disciplines,
Academy of Physical Culture and Sports,
Southern Federal University
amkadyrov@sfnu.ru

Lubov K. Olonets

Doctor on LFK and Sports Medicine
Offices of Sports Medicine
and Rehabilitations of adult athletes,
State budgetary Institution
of the Rostov region
«Medical and rehabilitation center № 1»
Lubovo7@mail.ru

**PHYSICAL EDUCATION
AND SPORTS ACTIVITIES AMONG
STUDENT YOUTH AS THE MAIN
FACTOR IN INCREASING HEALTH
POTENTIAL**

Annotation. In this article, physical culture and sports is considered as a key factor in improving the health potential of student youth in terms of three aspects of health: physical, mental, and social. The article presents the data of the author's research and conducted a comparative analysis of secondary studies of the attitude of young people to physical culture and sports as important lifestyle factors that shape health.

Keywords: health potential, social health, physical education, sports, physical education and sports activities, students, lifestyle.

молодежной политики. Именно на это направлены государственные программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2018–2025 гг., а также «Развитие физической культуры и спорта» [2]. В этой связи существенными задачами современной социально-педагогической практики становится поиск новых форм и технологий укрепления и поддержания здоровья, стимулирование

самостоятельной физкультурно-спортивной деятельности в молодежной среде с целью повышения потенциала здоровья молодых россиян [3]. Ибо физкультурно-спортивная деятельность ставит молодежь в условия, требующие развития духовно-нравственных, морально-волевых качеств; повышения физического и психосоциального потенциала, постоянного самосовершенствования [4].

Таким образом, одним из основных направлений, насущно необходимых для формирования здорового российского общества во всех его ипостасях, является развитие физической культуры и спорта в молодежной среде.

С целью рефлексивного и более глубокого понимания студенческой молодежью физкультурно-спортивной деятельности как ключевого фактора повышения потенциала здоровья, необходимо обратиться к социальному анализу таких категорий, как «физическая культура» и «спорт». При изучении разнообразной базы научных источников от медико-социальных и социально-психологических до законодательных, мы обнаружили, что данные категории могут интерпретироваться, как минимум, с двух точек зрения. Так, физическую культуру и спорт можно рассматривать как два самостоятельных, обособленных понятия; или анализировать спорт в контексте физической культуры, т.е. спорт рассматривать как составную часть, компонент физической культуры. Такая амбивалентная позиция отслеживается, в частности, в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Так, в Законе говорится, что физическая культура – это часть общечеловеческой культуры, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, тогда как спорт является сферой социально-культурной деятельности (совокупности видов спорта), сложившейся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним. С другой стороны, в этом же законе указывается, что физическая культура включает в себя спорт, как составную часть, «спорт является составной частью физической культуры, исторически сложившейся в форме соревновательной деятельности и специальной подготовки спортсменов к соревнованиям» [5].

Специалист в области социальной гигиены Ю.П. Лисицын, базируясь на модели экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в качестве ключевых факторов здоровья выделяет образ жизни, социально-экономические условия, качество окружающей среды, генетические и биологические факторы, систему здравоохранения [6]. При этом образ жизни вносит наибольший вклад в состояние здоровья (50–55 %).

Целесообразным считаем обозначить те из факторов образа жизни, которые зависят, прежде всего, от самой студенческой молодежи, от качества формирования здорового образа жизни, это [7]:

- 1) оптимальная двигательная активность, гармоничное физическое развитие и оптимальная физкультурно-спортивная подготовленность;
- 2) рациональное питание и поддержание нормальной массы тела;
- 3) плодотворный труд с разумным сочетанием режима труда и отдыха, а также активный отдых;
- 4) психогигиена, позитивное мышление, отсутствие вредных привычек и наличие полезных привычек;
- 5) высокая медицинская активность и соблюдение личной гигиены;
- 6) проживание в здоровой окружающей среде;
- 7) высокая культура общения и поведения, наличие физического, психического и социального комфорта; а также психологическое и социальное благополучие.

Однако одним из самых главных факторов повышения потенциала здоровья (как физического, так и психосоциального) среди молодежи является физическая культура и спорт (в рамках этой статьи мы имеем ввиду физическую культуру и спорт массовый, непрофессиональный, т.е. такой, где не ставится цель достижения высоких спортивных результатов).

Мы полагаем, что только физическая культура и спорт, будучи оздоравливающими факторами, способны в большей степени, в соответствии с определением ВОЗ, одновременно воздействовать на все составляющие здоровья: физическое, психическое и социальное, а также способствовать многогранному развитию личности молодого человека [8].

Итак, зададимся вопросом, – какой смысл (на когнитивном уровне) вкладывают студенческая молодежь в понятие «физическая культура» и «спорт»? Согласно проведенному нами опросу, большинство респондентов (порядка 78,3 %) сходятся во мнении, что эти категории составляют часть общей культуры, ядро содержания которой составляет разумное использование индивидом двигательной активности в целях физического и психосоциального развития, а также укрепления потенциала здоровья. Некоторые респонденты толкуют понятие физической культуры или очень узко, как комплекс физических упражнений (9,8 %), или, напротив, весьма широко, как часть культуры отдельной личности, группы и общества (5,7 %).

Согласно исследованиям М.А. Груздевой и А.В. Короленко, здоровье занимает лидирующую позицию в системе ключевых ценностей среди молодежи. Участвовать в физкультурно-спортивной деятельности и принимать меры по укреплению здоровья молодежь, как правило, «мотивируют потребность в хорошем самочувствии (46 % ответов), стремление хорошо выглядеть (32 %) и нежелание доставлять неудобства близким (32 %)» [9, с. 44]. Однако среди молодых людей в возрасте до 30 лет менее популяр-

ной оказалась утренняя зарядка (регулярно ею занимаются лишь 10 % респондентов). В качестве детерминирующих причин слабой физической активности молодежь называет дефицит свободного времени и личную неорганизованность (лень) – по 40 % ответов. «Повысить физическую активность, по мнению представителей данной группы населения, помогло бы увеличение дохода (47 % ответов) и снижение цен на спортивный инвентарь и абонементы в спортклубы (37 % ответов)» [9, с. 46].

В ходе социологического опроса нами была осуществлена попытка выяснить, какую роль играет физкультурно-спортивная деятельность в становлении физического, психического и социального здоровья студенческой молодежи. По результатам исследования о том факте, что физическая культура и массовый спорт в молодежной среде совершенствуют физические, соматические и психосоциальные аспекты здоровья, респонденты нисколько не сомневаются. При этом студенческой молодежи были отмечены, в основном, такие показатели, которые бы они хотели улучшить во время занятий физической культурой и спортом и которые являются для них ведущим мотивирующим фактором: скорректировать осанку, усовершенствовать внешний вид, приобрести красивую фигуру, сформировать развитую мускулатуру тела (59,7 %); стать более гибким, быстрым, выносливым (47,5 %); укрепить иммунитет, повысить сопротивляемость простудным заболеваниям, а также профилактировать другие виды заболеваний, вызванные низкой двигательной активностью и неактивным образом жизни (39,8 %).

При этом значительно больший перечень качеств называют студенты, когда речь заходит об улучшении потенциала психического и социального здоровья. Так, в частности, физкультурно-спортивная деятельность помогает молодым людям, в первую очередь:

– повышать продуктивность умственного труда и стимулировать мыслительно-интеллектуальную деятельность в учебно-образовательном процессе (34,9 %);

– активно развивать познавательные психические процессы ощущений и восприятия, внимания и памяти (38,7 %);

– управлять своей эмоционально-чувственной сферой, рефлексировать и контролировать ее, а также вести борьбу с различными негативными психоэмоциональными состояниями: страхом и

тревожностью, гневом, агрессивностью и раздражительностью (54,2 %);

– снимать психосоциальное напряжение и повышать устойчивость к стрессам и (55,7 %), выработать силу воли и решительность характера (48,9 %), укреплять уверенность в себе и своих силах, повышать личностную самооценку (43,9 %);

– строить взаимоотношения с социальным окружением, вступать в конструктивное взаимодействие с другими людьми и обществом в целом.

Согласно исследованию у студенческой молодежи социальных аспектов здоровья, проведенному С.В. Бердниковым С.Б. Гурьевым, физическая культурно-спортивная деятельность помогает молодым людям:

– грамотно организовать активный отдых и рационально использовать свободное время;

– отвлекать от асоциальных групп и негативных поступков; устанавливать контакты и находить друзей, достигать наиболее высокого уровня социальной и физической активности, благодаря, например, массовым физкультурно-оздоровительным мероприятиям;

– ускорять процесс адаптации к новым требованиям общественной среды, приобретать социальный опыт при работе в команде;

– находить пути выхода из проблемных ситуаций, а также достойно переносить победы, поражения и неудачи в жизни;

– формировать ценности, необходимые в дальнейшей профессионально-трудовой деятельности – ответственность, целеустремленность, исполнительность, дисциплинированность, трудолюбие [10, с. 21].

В свете того, что было сказано выше, удивительным становится и то, почему среди основных причин, по которым молодежи нравится заниматься физической культурой и спортом, называются, прежде всего, такие, как: повод пообщаться со сверстниками (33,3 %) и доброжелательная атмосфера (46,7 %).

Таким образом, физкультурно-спортивная деятельность в среде студенческой молодежи является важным фактором повышения потенциала здоровья, способствуя становлению всех аспектов здоровья: физического, психического и социального.

Литература:

1. Гафиатулина Н.Х. Здоровьесберегающие модели профессиональной социализации студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности // «Инженерный вестник Дона», 2013, № 3. URL : <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824> (доступ свободный).

Literature:

1. Gafiatulina N.Kh. Health-saving models of professional socialization of students in the context of social uncertainty // «Engineering Bulletin of the Don», 2013, № 3. URL : <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824> (free access)

2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» от 15 апреля 2014 г. № 302. URL : www.minsport.gov.ru
3. *Гафиатулина Н.Х.* Здоровье как ценность в среде учащейся молодежи : монография. Ростов-н/Д. : РАС ЮРГУЭС, 2009. 166 с.
4. *Пономарев И.Е.* Массовый спорт и спорт высших достижений как современный социокультурный феномен / И.Е. Пономарев, Л.Ю. Стриева, С.Б. Олонец // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 236–240.
5. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. С. 6242.
6. *Лисицын Ю.П.* Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2002. 520 с.
7. *Кorableva E.N.* Основы здорового образа и стиля жизни человека. СПб., 2007. 85 с.
8. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).
9. *Груздева М.А.* Поведенческие факторы сохранения здоровья молодежи / М.А. Груздева, А.В. Короленко // Анализ риска здоровью. 2018. № 2. С. 41–51.
10. *Бердников С.В.* Роль физической культуры и спорта в обеспечении здоровья студенческой молодежи / С.В. Бердников, С.Б. Гурьев // Физическая культура и спорт: материалы науч.-практич. конференции. Екатеринбург, 2018. С. 16–23.
2. State program of the Russian Federation «Development of physical culture and sport» of April 15, 2014 № 302. URL : www.minsport.gov.ru
3. *Gafiatulina N.Kh.* Health as a value among young students : monograph. Rostov-on/D. : RAS RSUES, 2009. 166 p.
4. *Ponomarev I.E.* Mass sport and sports of the highest achievements as a modern socio-cultural phenomenon / I.E. Ponomarev, L.Yu. Striyeva, S.B. Olonets // State and municipal management. Scientists notes. 2019. № 1. P. 236–240.
5. Federal Law of 04.12.2007 № 329-ФЗ «On physical culture and sports in the Russian Federation» (ed. 05.12.2017) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2007. № 50. P. 6242.
6. *Lisitsyn Yu.P.* Public health and healthcare. M., 2002. 520 p.
7. *Korableva E.N.* Basics of a healthy and lifestyle. SPb., 2007. 85 p.
8. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).
9. *Gruzdeva M.A.* Behavioral factors of preserving the health of young people / M.A. Gruzdeva, A.V. Korolenko // Health risk analysis. 2018. № 2. P. 41–51.
10. *Berdnikov S.V.* The role of physical culture and sports in ensuring the health of students / S.V. Berdnikov, S.B. Guriev // Physical culture and sport: materials of the scientific-practical conference. Yekaterinburg, 2018. P. 16–23.

Парникова Галина Михайловна
магистрант М-УЧР-18 ФЭИ,
Северо-Восточный
федеральный университет
allerigor@yandex.ru

Борисова Ульяна Семеновна
доктор социол. наук,
профессор кафедры социологии
и управления персоналом ФЭИ,
Северо-Восточный
федеральный университет
allerigor@yandex.ru

СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В КИТАЕ

Аннотация. Разработка эффективной кадровой политики любой организации является актуальной, поскольку это – важная часть всей политики компании, и она должна соответствовать общей концепции ее развития. В этой связи была проанализирована ситуация в Китайской Народной Республике, т.к. именно эта страна является близким соседом и партнером России. В одной из самых динамично развивающейся стране остро встает вопрос грамотной организации HR-службы для удовлетворения потребности перспективного рынка труда. Объектом исследования является управление персоналом организации, предметом – особенности управления персоналом организации в Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: управление персоналом, специфика Китая, конкуренция, рынок труда.

П окупательская способность современного Китая способствует тому, что сегодня страна занимает одну из лидирующих позиций в мире. КНР открыто доминирует на рынке не только производства игрушек и пошива одежды, но и в сфере наукоемких отраслей. Постоянно растущие финансово-экономические показатели включают в себя вовлеченность персонала организации и резервы трудовых ресурсов [1]. Сюда мы можем отнести огромный потенциал низкооплачиваемой рабочей силы, растущее количество выпускников учебных заведений, большое число квалифицированных специалистов. В этой связи, мотивация, методы оценки человеческих ресурсов требуют постоянных изменений и развития для рационального применения традиционных принципов управления организации в КНР при параллельном оптимальном сочетании с современными методами управления организации.

Galina M. Parnikova
Postgraduate of M-UCHR-18 IFE
North-Eastern
Federal University,
allerigor@yandex.ru

Uliana S. Borisova
Doctor of Sociological Sciences.
Professor of the Department of Sociology
and Human Resources of IFE,
North-Eastern Federal University,
allerigor@yandex.ru

SPECIFICS OF HUMAN RESOURCES DEVELOPMENT IN CHINA

Annotation. The development of an effective personnel policy of any organization is relevant, since it is an important part of the entire company policy, and it must comply with the general concept of its development. In this regard, the situation in the People's Republic of China was analyzed, since this country is a close neighbor and partner of Russia. In one of the most dynamically developing countries, the issues of the competent organization of HR service to meet the needs of a promising labor market is acute. The object of the research is the management of human resources, the subject – specifics of the management of human resources in the People's Republic of China.

Keywords: human resources, specifics of China, competition, labor market.

Традиционно китайские компании выступают за лояльность трудовых ресурсов и больше не могут привлекать и удерживать молодые таланты. В целом, китайские HR-компании имеют довольно отсталое понятие управления персоналом: они по-прежнему больше ориентированы на клиента, недооценивают ценность собственных человеческих ресурсов и не желают делать необходимые инвестиции в их развитие. Новые отрасли, такие как IT технологии, высокотехнологичные компании и финансовая индустрия, больше всего инвестируют в управление персоналом. Что касается государственных предприятий, то всего 1,5 % от годового бюджета используется ими для обучения и развития персонала [7].

Между тем, другие отрасли промышленности, такие как производство, например, недооценивают общую важность управления персоналом.

Больше всего китайские компании готовы инвестировать в такую HR-функцию, как вознаграждение. Поэтому около 70 % кадрового бюджета направляется на компенсацию работникам. В тоже время, отношения с сотрудниками и оценка их работы также не имеют большого значения. Китайские компании также редко ориентированы на улучшение условий труда. HR-менеджеры в Китае больше полагаются на свой прошлый опыт и интуицию, а не на научные инструменты принятия решений [8]. Однако эта ситуация постепенно меняется в лучшую сторону. Оценка персонала становится все более важной во многих аспектах управления персоналом, особенно при наборе топ-менеджеров и недавних выпускников вузов. В наборе среднего уровня, таком как инженеры, современные инструменты оценки редко используются.

К.Ф. Фей занимается вопросами сравнения опыта управления человеческими ресурсами в разных странах [6]. Так, изучая практику деятельности трех международных компаний в Российской Федерации, Китайской Народной Республике и Финляндии, автор выступает за стандартизацию методов управления человеческими ресурсами лишь до определенных пределов. Опыт работы Tetra Pak, Ericsson и Electrolux в указанных странах отчетливо свидетельствует о влиянии специфики, присущей той или иной стране, на эффективность деятельности системы управления человеческими ресурсами. В целом, автор выступает за совместные действия HR-менеджеров и линейных менеджеров.

Отличительной особенностью исследования К.Ф. Фей является акцент на изучении степени стандартизации отдельных методов УЧР: «компенсационная система, которую очень легко контролировать из головной компании, была в значительной степени стандартизована, а система отбора сотрудников и коммуникационная система различались довольно существенно» [6, с. 68]. Исследователь приходит к выводу о необходимости сознательного отношения, как к выбору, так и применению каждого метода управления. Он также указывает на то, что формальные методы лучше зарекомендовали себя лучше в РФ и КНР, чем в Финляндии.

Кулапов М.Н. и Демин С.В. находятся в поиске точек соприкосновения опыта России и Китая при подготовке кадров. Интересным представляется их подход с точки зрения антропологии. Так, по их мнению, «концепция Человеческого капитала – глубоко спорна, на наш взгляд, доктрину должна занять концепция Оценки и Активизации Человеческого Потенциала» [3, с. 124]. Таким образом, соответственно подобранный персонал уже обладает отличными навыками.

Подготовленный и прошедший повышение квалификации сотрудник является «высшей ценностью» организации. Они выступают за то, что правило «незаменимых людей – нет» больше неактуально, а человеческие ресурсы не являются товаром, поэтому к ним необходимо относиться соответственно: «каждый сотрудник выполняет жизненно важную для всего организма

функцию» [3, с. 124]. Исследователи уверены в том, что наши страны близки по мировосприятию и им мешают только языковые различия. Однако авторы выражают надежду на крепкий и устойчивый Союз именно из за их глубинной «совместимости».

Ван Л. полагает, что китайский менеджмент базируется на таком принципе, как «дела зависят от человеческого отношения». Автор относит к главным ценностям менеджмента в Китае:

– «изменчивость и гибкость»;

– основу в управлении персоналом составляет потенциал человека;

– культура организации связана с семейными особенностями: доверительные отношения внутри семьи» [2, с. 379].

При авторитарном и жестком стиле руководства, тем не менее, главным качеством управленца в КНР, по мнению исследователя, «считается его виртуозное мастерство управления, которое вырабатывается многолетним опытом» [2, с. 379]. Другой отличительной чертой руководителя выступает его подозрительность к своим сотрудникам: контроль осуществляется за каждым шагом исполнителя. Китайский профсоюз поддерживает данную политику, вследствие чего общество характеризуется отсутствием забастовок или конфликтов с руководством.

Н.Н. Нырова рассматривает проблематику «подводных камней» управления человеческими ресурсами в КНР. В частности, она подчеркивает, что то, что «дозволено «хуацяо» (зарубежному этническому китайцу) – не дозволено другому иностранцу» [5, с. 62]. В стране имеет место дифференциация инвесторов по странам. Российские предприятия выступают за построение личных хороших контактов с китайскими партнерами для достижения успеха совместной деятельности. Однако при освоении зарубежных рынков КНР действует по-другому, а именно, используют свою рабочую силу, создавая при этом специальные поселения.

Лю Ю. и Сухорукова Н.Ф. занимаются проблематикой становления УП в КНР, спецификой организационной культуры китайских компаний. Они считают, что лозунг Мао Цзе Дуна: «Использовать древность во благо современности» – актуален и в наши дни, т.к. подчеркивает синергию традиционной культуры УП КНР и запросов глобального рынка. В своей работе они выстроили эволюционную цепочку становления системы управления персоналом в этой стране: «от создания, развития и застоя традиционной системы управления кадрами предприятия, соответствовавшей принципам плановой экономики» до перехода к современным системам УП» [4, с. 34].

Исследователи также указывают на такую специфическую особенность организационно культуры Китая, как политический строй. Известно, что Китайская Народная Республика – это социалистическая страна, «в которой существует социалистическая общественная собственность, допускающая сосуществование разных экономи-

ческих укладов, поэтому организационная культура китайских предприятий имеет много политических составляющих» [4, с. 36]. Доминирование в течение длительного времени плановой экономики, вмешательство правительства в деятельность компаний способствовали тому, что стратегия, планы и цели организации были предопределены как правительством, так и государственными чиновниками, что, в свою очередь, повлияло на самостоятельность деятельности предприятий и привело к смещению акцента на краткосрочные стратегические цели и результаты.

Другой специфической особенностью Китая являются основные ценности организации, а именно, мораль и этика конфуцианства. По мнению китайской системы управления персоналом, мораль – это основа деятельности, и предприятия «стремятся к гармонии человеческих отношений, моральному обучению, равенству между людьми, трудолюбию, экономии, честности и другим традиционным китайским добродетелям» [4, с. 36]. Именно с этих позиций объясняется тот факт, что экономическая эффективность не считается главным основанием оценки результатов деятельности персонала. В основном, внимание уделяется соблюдению этических норм как основной критерий при отборе персонала и его последующей оценке.

Крепкие семейные отношения внутри компании – это еще одна особенность организационной

структуры предприятий в Китае. Идея конфуцианства «Семья – основа» отчетливо прослеживается в системе УП [4]. Руководитель компании самостоятельно принимает решения в отношении найма, вознаграждения работников и т.д. Следовательно, персонал организации во всем подчиняется своему руководителю и абсолютно ему лоялен. С другой стороны, китайцы ценят межличностные взаимоотношения. Китайская организационная культура подчеркивает межличностное отношение в области продвижения, построения деловой карьеры при наличии связей, например, с чиновниками.

Существующие теоритические подходы к управлению персоналом, методология и инструментарий имеют большое распространение на госпредприятиях Китая. Вместе с тем, все они подразумевают функционирование в условиях стабильной внешней среды, чего нельзя сказать о китайской экономике, поэтому не могут быть применимы в полной мере, без адаптации в юго-восточном регионе. Теоретический анализ публикаций по проблематике правления персоналом в Китае позволяет нам констатировать наличие специфических особенностей, присущих данной стране. Знание этих особенностей необходимо учесть при построении партнерских отношений с восточным регионом, т.к. они существенно влияют на работу службы кадровой политики и управления персоналом.

Литература:

1. *Борисова У.С.* Вовлеченность персонала организации: социологически анализ / У.С. Борисова, Л.Н. Васильева // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2017. № 5. С. 13–15.
2. *Ван Л.* Особенности управления персоналом в Китае // *Молодой ученый.* 2016. № 28. С. 378–380.
3. *Кулапов М.Н.* Точки соприкосновения российского и китайского опыта в подготовке кадров / М.Н. Кулапов, С.В. Демин // *Инновации и инвестиции.* 2013. С. 122–124.
4. *Лю Ю.* Управление персоналом на предприятиях Китайской Народной Республики / Лю Ю., Н.Ф. Сухорукова // *Инженерная педагогика.* 2015. № 17. Том 3. С. 31–40.
5. *Нырова Н.Н.* «Подводные камни» управления персоналом в Китае // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2009. № 4. С. 62–67.
6. *Фей К.Ф.* Универсальны методы управления человеческими ресурсами? Сравнение России, Китая, Финляндии / К.Ф. Фей, А.Г. Павловская, Н. Танг // *Российский журнал менеджмента.* 2004. № 1. С. 53–70.
7. *Olivier Meier.* Spotlight on China: HR and Remuneration Challenges. URL : <https://mobilityexchange.mercer.com/Insights/article/Spotlight-on-China-HR-and-Remuneration-Challenges>
8. The inside story of HR in mainland = история HR на материковом Китае. URL : [Chinahttps://www.hays.cn/en/Theinsidestory/HAYS_1898185](https://www.hays.cn/en/Theinsidestory/HAYS_1898185)

Literature:

1. *Borisova U.S.* The involvement of the staff of the organization: a sociological analysis / U.S. Borisova, L.N. Vasilyeva // *Society: sociology, psychology, pedagogy.* 2017. № 5. P. 13–15.
2. *Van L.* Features of personnel management in China // *Young scientist.* 2016. № 28. P. 378–380.
3. *Kulapov M.N.* The points of contact of the Russian and Chinese experience in personnel training / M.N. Kulapov, S.V. Demin // *Innovations and investments.* 2013. P. 122–124.
4. *Liu Y.* Human resource management in enterprises of the People's Republic of China / Liu Y., N.F. Sukhorukova // *Engineering Pedagogy.* 2015. № 17. Vol. 3. P. 31–40.
5. *Nyrova N.N.* «Pitfalls» of personnel management in China // *Russian Foreign Economic Bulletin.* 2009. № 4. P. 62–67.
6. *Fey K.F.* Do the methods of human resource management universal? Comparison of Russia, China, Finland / K.F. Fey, A.G. Pavlovskaya, N. Tang // *Russian Management Journal.* 2004. № 1. P. 53–70.
7. *Olivier Meier.* Spotlight on China: HR and Remuneration Challenges. URL : <https://mobilityexchange.mercer.com/Insights/article/Spotlight-on-China-HR-and-Remuneration-Challenges>
8. The inside story of HR in mainland = история HR на материковом Китае. URL : [Chinahttps://www.hays.cn/en/Theinsidestory/HAYS_1898185](https://www.hays.cn/en/Theinsidestory/HAYS_1898185)

Рачипа Андрей Валерьевич

доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой социологии,
истории и политологии,
Институт управления в экономических,
экологических и социальных системах,
Южный федеральный университет,
профессор-совместитель кафедры 109 «б»,
ФГБОУ «Московский авиационный
институт (национальный
исследовательский университет)»
rachipa@sfnu.ru

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

**ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОЙ
МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКОЙ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Аннотация. В рамках данной статьи авторами предложены следующие группы принципов эффективного управления молодежной политикой на региональном уровне: реализация принципа субсидиарности, стремление к единству с учетом региональных особенностей; взаимодействие государства с академическим сообществом с целью получения и внедрения новых знаний в практику управления ГМП; управление молодежной активностью (бренд активного участия молодежи), внедрение проектного метода как основы в системе управления ГМП; кадровое обеспечение как важный элемент управления ГМП.

Ключевые слова: модель управления, молодежь, молодежная политика, принципы управления молодежной политикой, региональный уровень, государство, Ростовская область.

Andrey V. Rachipa

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Head of Department of Sociology,
History and Political Science,
Institute of Management in Economic,
Ecological and Social Systems,
Southern Federal University,
Part-time professor of Department 109 «b»,
FGBOU «Moscow Aviation Institute
(National Research University)»
rachipa@sfnu.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of chair of History of Russia,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of chair of Human Resource
Management and Sociology,
Rostov State
Economic University (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**PRINCIPLES OF EFFICIENT
MODEL OF MANAGEMENT
IN YOUTH POLICY
AT THE REGIONAL LEVEL**

Annotation. In this article, the authors proposed the following groups of principles for the effective management of youth policy at the regional level: the implementation of the principle of subsidiarity, the desire for unity, taking into account regional characteristics; State interaction with the academic community in order to obtain and introduce new knowledge into the practice of managing the GMP; management of youth activity (brand of active participation of youth), the introduction of the project method as a basis in the management system of the GMP; staffing as an important element of the management of the GMP.

Keywords: management model, youth, youth policy, youth policy management principles, regional level, state, Rostov region.

В социально-экономическом развитии любого общества особую роль играет молодежь как особая социальная группа со своими специфическими функциями, определяющими тенденции дальнейшего преобразования системы общественных отношений. А это влечет за собой необходимость проведения «модернизации подсистем государственного механизма управления молодежной политики и социальной помощи молодежи как наиболее неустойчивой чувствительной группы» [1, с. 58].

Об актуальности развития молодежной политики и управления ею, говорили и европейские ученые. Так, на 4-й конференции в Вене было принято решение о проведении молодежной политики и сосредоточено внимание на таких моментах управления, как:

– содействие созданию необходимых условий для интеграции молодежи и участия в жизни общества;

– содействие солидарности среди молодежи, особенно через каналы межкультурной коммуникации и обмена;

– дальнейшее развитие политики участия молодежи на местном, региональном, национальном уровнях [2].

Дефицит научных исследований по управлению молодежной политикой на региональном уровне обуславливает необходимость обращения к данной проблематике.

Показателями регионализации выступают не только принятие в субъектах Российской Федерации законов о молодежи и молодежной политике, создание органов по делам молодежи в структуре законодательной и исполнительной власти, финансирование расходов на молодежную политику из территориальных бюджетов, но и повышенная активность субъектов Федерации в разработке и реализации государственной молодежной политики [3]. На федеральном уровне были утверждены основы государственной молодежной политики (ГМП) РФ до 2025 г.

В социальной политике на региональном уровне четко просматривается молодежный аспект. В ходе 14-го заседания Законодательного Собрания Ростовской области депутаты приняли областной закон «О Государственной молодежной политике в Ростовской области». Реализация ГМП на региональном уровне является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Ростовской области, она реализуется по многим направлениям, в числе которых [4]:

– создание социальных, правовых, организационных условий для воспитания духовно богатой личности с высоко нравственными устоями, активной гражданской позицией, а также формирование у молодежи ценностных ориентиров и норм, уважительного отношения к традициям и истории российского общества;

– проведение мероприятий, направленных на привитие чувства уважения к символам РФ: Го-

сударственному флагу, Гербу, Гимну РФ; а также флагу, Гербу, Гимну Ростовской области, официальным символам муниципальных образований; военной, казачьей символике и реликвиям;

– культивирование условий для усиления патриотической направленности работы СМИ при освещении событий и явлений общественной жизни, предотвращения пропаганды насилия, искажения и фальсификации истории отечества и др.

Государственная молодежная политика выступает как механизм реализации интересов молодежи, поскольку на основе нормативно-правовых документов, организационных структур она способствует активизации потенциала молодежи и ее социального облика.

Сегодня региональная молодежная политика складывается в достаточно сложных условиях, хотя именно она нацелена на практическую реализацию в регионе «комплекса мер и выработку конкретных механизмов реализации жизненных интересов и устремлений граждан, удовлетворения их потребностей, оказания молодежи помощи в том, чтобы она заняла достойное место в обществе» [5].

Как подчеркивает Н.С. Смирнова, «существующая модель управления молодежной политикой, при рассмотрении ее на федеральном и региональном уровнях, демонстрирует некоторую утрату черт целостности. Организационные структуры представлены широким спектром различных образований, обладающих не равными обязанностями и полномочиями и претерпевающих частные перестановки» [6, с. 68]. В основу своей деятельности они закладывают разные нормативные акты, не опираясь при этом на единую, разработанную с привлечением экспертов, теоретическую программную базу и без качественной оценки эффективности управления. Неоднородность и некоторая непродуманность действий государства в вопросах, касающихся молодежи, привели к кризису идентичности молодых поколений [7] и потере контроля над процессами воспитания, социализации и становления молодых личностей. Как подчеркивает Г.А. Лукс, российская молодежь является «интернальной стратой, особенно нуждающейся в активной социальной политике государства по отношению к себе, она становится субъектом активно проводимой социальной политики, реализатором творческой жизнедеятельности» [7, с. 21].

Меры по трансформации системы управления и разработке принципов эффективной модели управления в сфере государственной молодежной политики (ГМП) должны дифференцироваться в зависимости от сложной, непредсказуемой и уязвимой природы молодежи [8].

Управление молодежной политикой на региональном уровне определяется как концептуально важное по причине того, что федеральный центр должен играть ведущую роль в выработке стратегий и правового регулирования отношений. Регионы же, помимо участия в разработке

стратегий, непосредственно разрабатывают и реализуют программы и проекты в данной сфере, определяя адекватные механизмы взаимодействия с молодежью. ГМП в регионах должна базироваться на внедрении эффективных и результативных инновационных проектов, грамотной кадровой политике, активном привлечении молодежи к участию.

Конкретизируем две группы ключевых акторов ГМП, на которые будем полагаться в рамках данной публикации:

– молодежь – это активный социальный субъект;

– государство – гарант прав и свобод молодежи;

– государство и молодежь – две группы акторов ГМП, партнеры в одной сети, причем, государству необходимо руководствоваться ключевым принципом, согласно которому молодежная политика не должна строиться по остаточному принципу.

По нашему мнению, в основе модели управления молодежной политикой должна стоять задача по формированию свободного социально-культурного пространства [9], которое позволило бы креативной молодой личности воплощать свои идеи в жизнь через социальное проектирование или включение в производимые ранее социальные практики.

Выделим следующие группы принципов эффективного управления молодежной политикой в регионах:

– в-первых, взаимодействие государства с академическим сообществом, ориентация на развитие и поддержку процесса получения и внедрения новых знаний как специалистами по работе с молодежью, так и самой молодежью. Вопрос оформления и презентации собственной идеи до сих пор остается актуальным для обеих групп акторов ГМП. Здесь же можно указать на присутствующую пока проблему отсутствия академической интервенции, поскольку в сфере молодежной политики государство еще, к сожалению, держится вне научно-исследовательского дискурса, не ориентируется на научные разработки и рекомендации, и не применяет на практике;

– во-вторых, создание целостной, гибкой системы управления ГМП на всех уровнях и налаживание коммуникации между молодежью и институтами, вовлеченными в реализацию ГМП. Важно стремление к единству, и без стандартизации, с учетом региональных особенностей;

– в-третьих, реализация принципа субсидиарности с передачей максимальных полномочий регионам и местным органам власти по реализации молодежной политики, что позволит сделать бы первых – лидерами по разработке новейших программ и проектов, а вторых – подключать к активному конструктивному взаимодействию с молодежью, имея возможность работать по схеме «facetoface» (лицом к лицу);

– в-четвертых, управление молодежной политикой – это управление общественной активностью, необходим переход от «youthhearing» и

«passiverecipient» к «realparticipation» молодых людей, т.е., от пассивного слушателя и получателя в лице молодежи к ее реальному участию [2].

Безусловно, что бренд активного участия молодежи в общественной жизни необходимо все больше продвигать и рекламировать, необходимо также нацеливаться на идеологическое формирование молодежи [10], идею стремления к самореализации личности и преодоления патерналистских настроений. Создание в молодежной среде благоприятного имиджа полезного социального действия и принятия статуса молодежи как полноценного партнера в практике решения актуальных региональных вопросов может стать прекрасной возможностью для решения тех социально-экономических проблем [11], с которыми государство не справляется или не имеет реальных возможностей для их решения;

– в-пятых, внедрение проектного метода как основы в системе управления ГМП. Проектный метод, по нашему мнению, позволит отказаться от неэффективных и устаревших механизмов системы управления в области молодежной политики. Социальные проекты, разработанные и реализованные самой молодежью, жизнеспособны уже только потому, что их принимает сама молодежь в ответ на свои насущные проблемы и актуальные потребности. Проектный метод – универсальный механизм взаимодействия с молодыми лидерами и молодежными организациями, позволяющий государству быть более динамичным в процессе работы с молодежью;

– в-шестых, кадровое обеспечение – важнейший элемент управления ГМП. Необходима как многоуровневая непрерывная система подготовки кадров, так и нормативная база, определяющая социальный статус и пакет гарантий. Использование программ обмена специалистами и новые технологии практического обучения должны стать важными элементами процесса кадрового обеспечения.

По мнению М.В. Толмачевой, интеграция молодежи в общественно-политическую жизнь Ростовской области предусматривает развитие политической грамотности и правовой культуры молодежи, повышение ее активности как электоральной группы на выборах разного уровня, военно-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, а также международное сотрудничество в области ГМП [12, с. 58].

Таким образом, для выстраивания модели эффективного управления ГМП на региональном уровне необходимо пересмотреть существующую парадигму молодежной политики к России. Необходимо вести работу с молодежью с целью объяснения ей выгоды и престижности полезного социального действия, отказаться от примитивных и устаревших форм организации работы с молодежью и активно применять инновационный проектный подход. Трансформация системы управления молодежной политикой не должна выражаться только в реформировании государственных структур и создании новых

элементов. Это должна быть целостная общественно-государственная сеть, выстроенная на государственном уровне, в рамках которой возможна реализация интегрированной (трансверсальной) молодежной политики, где многочис-

Литература:

1. *Никишина И.В.* Формирование государственного механизма управления региональной молодежной политикой / И.В. Никишина, Н.В. Никитина // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2008. № 1. С. 58–63.

2. *Lasse Siurala.* A European framework for youth policy. Council of Europe Publishing, 2006. 57 p.

3. *Першуткин С.Н.* Транзитный социум: Молодежная политика и социализация : монография. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005 г.

4. Областной закон Ростовской области от 25.12.2014 № 309-ЗС «О государственной молодежной политике в Ростовской области» (принят ЗС РО 18.12.2014) из информационного банка «Ростовская область».

5. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р. URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/>

6. *Смирнова Н.С.* Проблемы эффективной модели управления молодежной политикой на региональном уровне / Регионализация молодежной политики в России: история, опыт, практика: сборник докладов по итогам научно-практической конференции / под ред. О.А. Ивановой, М.В. Никитиной. СПб., 2013. С. 68–70.

7. *Лукс Г.А.* Социальное инновационное проектирование в региональной молодежной политике. Самара, 2003. 278 с.

8. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, G.A. Vorobyev, V.V. Kasyanov, T.M. Chapurko, I.I. Pavlenko, S.I. Samygin // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8. № 5. P. 602–609.

9. *Касьянов В.В.* Социология культуры. Москва-Краснодар, 2013.

10. *Volkov Y.Y.* Definition of the subjectivity of financial in sociological science / Y.Y. Volkov, D.V. Krotov, A.V. Rachipa, D.S. Zagutin, Z.A. Zhapuev // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 5. P. 8–17.

11. *Касьянов В.В.* Государственная идеология современной России // Общество: философия, история, культура. 2011. № 3–4.

12. *Толмачева М.В.* Современная молодежная политика: опыт и проблемы (на материале Ростовской области) // Власть. 2010. № 3. С. 58–63.

ленными акторами межсекторной координации станут молодежь и молодежные объединения, органы регионального и местного управления, политические партии, представители бизнес-структур, эксперты научного сообщества.

Literature:

1. *Nikishina I.V.* Formation of the state mechanism of management of regional youth policy / I.V. Nikishina, N.V. Nikitina // Scientific and technical statements SPbGPU. 2008. № 1. P. 58–63.

2. *Lasse Siurala.* A European framework for youth policy. Council of Europe Publishing, 2006. 57 p.

3. *Pershutkin S.N.* Transit society: Youth policy and socialization : monograph. Novosib. state un-t Novosibirsk, 2005.

4. The regional law of the Rostov region of December 25, 2014 № 309-ZS «On the State Youth Policy in the Rostov Region» (adopted by the ZO RO December 12, 2014) from the information bank «Rostov Region».

5. Strategy of the state youth policy in the Russian Federation: Order of the Government of the Russian Federation of December 18, 2006 № 1760-p. URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/>

6. *Smirnova N.S.* Problems of an effective model of youth policy management at the regional level / Regionalization of youth policy in Russia: history, experience, practice: a collection of reports on the results of a scientific-practical conference / ed. O.A. Ivanova, M.V. Nikitina. SPb., 2013. P. 68–70.

7. *Lux G.A.* Social innovative design in the regional youth policy. Samara, 2003. 278 p.

8. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, G.A. Vorobyev, V.V. Kasyanov, T.M. Chapurko, I.I. Pavlenko, S.I. Samygin // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8. № 5. P. 602–609.

9. *Kasyanov V.V.* State ideology of modern Russia // Society: philosophy, history, culture. 2011. № 3–4.

10. *Volkov Y.Y.* Definition of the subjectivity of financial in sociological science / Y.Y. Volkov, D.V. Krotov, A.V. Rachipa, D.S. Zagutin, Z.A. Zhapuev // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 5. P. 8–17.

11. *Kasyanov V.V.* Sociology of culture. Moscow-Krasnodar, 2013.

12. *Tolmacheva M.V.* Modern youth policy: experience and problems (on the material of the Rostov region) // Power. 2010. № 3. P. 58–63.

Стригуненко Юлия Владимировна
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД России
rosy27@mail.ru

Yulia V. Strigunenko
Candidate of Sociological Sciences,
Senior teacher of Department
of Philosophy and Sociology,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
rosy27@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОРСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

TO A PROBLEM OF PROFESSIONAL ADAPTATION OF YOUNG POLICE OFFICERS IN MODERN RUSSIA (ON MATERIALS OF AUTHOR'S SOCIAL RESEARCH)

■ ■ ■
Аннотация. В статье излагаются результаты авторского социологического исследования. В соответствии с поставленными задачами и концептуальной основой исследование было направлено на изучение адаптации курсантов образовательных организаций системы МВД России как фактора, способствующего отклоняющемуся поведению, и носило групповой характер. Основными исследовательскими методами явились анкетирование, тестирование и опрос.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, профессиональная дезадаптация, девиантное поведение, норма, тренинги, психологическая работа, профилактика девиантного поведения сотрудников полиции, курсанты образовательных организаций системы МВД России.

■ ■ ■
Annotation. In article results of author's social research are stated. According to objectives and a conceptual basis the research was directed to studying of adaptation of a chiming clock of the educational organizations of a system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as the factor promoting deviant behavior and had group character. The main research methods were questioning, testing and poll.

Keywords: professional adaptation, professional disadaptation, deviant behavior, norm, trainings, psychological work, prevention of deviant behavior of police officers, cadets of the educational organizations of a system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

■ ■ ■
Социологическое исследование профессиональной дезадаптации на теоретическом уровне познания сталкивается с рядом методологических затруднений, описанных в свое время классиком социологии М. Вебером, который создал теорию «идеальных типов» [1]. Согласно мнению немецкого социолога, общетеоретические конструктивные модели, создаваемые исследователями без соответствующих процедур эмпирической верификации, могут считаться классическими идеальными типами – именно такие элементы и составляют основу научно-теоретического познания. Вместе с тем, для социологического анализа любой проблемной ситуации чрезвычайно важно использовать методы сбора и обработки первичной информации. Именно сопоставление теоретической и эмпирической информации и дает возможность верифицировать данные, найти объективные закономерности социальных явлений, процессов и т.п.

■ ■ ■
Учитывая обозначенные гносеологические проблемы, нами в данной статье будут представлены практические результаты сравнительного социологического анализа профессиональной дезадаптации сотрудников полиции, а также проанализированы методические, методико-процедурные и организационно-технические проблемы подобных исследований.

Исследование проводилось в одном из ведомственных вузов МВД России в октябре-ноябре 2018 года. Исследуемая выборка составила 60 курсантов первого курса: 30 юношей в возрасте от 18 до 20 лет и 30 девушек в возрасте от 18 до 20 лет, а так же 10 курсовых офицеров первого курса в возрасте от 35 до 40 лет. В соответствии с поставленными задачами и концептуальной основой исследования, оно было направлено на изучение адаптации курсантов образовательных организаций системы МВД России как фактора, способствующего отклоняющемуся

поведению, и носило групповой характер. Основными исследовательскими методами явились анкетирование, тестирование и опрос.

В комплекс методик вошли следующие:

1. Авторский опросник для офицерского состава.
2. Диагностика социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд).
3. Определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел).

Авторская анкета-опросник помогла нам собрать информацию о том, как в поведении курсантов первого курса может проявляться нарушение адаптации, а в последующем – и зачатки девиантного поведения.

Диагностика социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд) направлена на выявление особенностей адаптационного периода личности через интегральные показатели: «адаптация», «самоприятие», «приятие других», «эмоциональная комфортность», «интернальность», «стремление к доминированию».

Предлагаемая методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) является стандартизированным тест-опросником, предназначенным для измерения готовности (склонности) подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения. Опросник представляет собой набор специализированных психодиагностических шкал, направленных на измерение готовности (склонности) к реализации отдельных форм отклоняющегося поведения.

Полученные в ходе исследования эмпирические данные были подвергнуты математической обработке (вычисление среднего арифметического, измерение частоты встречаемости). Для обработки данных была использована программа Excel и Spss 16.0.

Исследуя литературу по поставленной проблеме и склонность курсантов первого курса к девиантному поведению, мы смогли сделать вывод о том, что под девиантным поведением понимается поступок, действие человека, не соответствующее официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам) [2].

Исследуя склонности к отклоняющемуся поведению у курсантов, мы использовали методику определения склонности к отклоняющемуся поведению А.Н. Орел. У нас получилось семь шкал, которые мы подробно расписали ниже.

- Шкала установки на социальную желательность.

63,3 % испытуемых старались дать ответ, соблюдая при этом даже малозначительные социальные нормы, но настороженно относясь к ситуации самого обследования. 16,6 % испытуемых старались дать социально-желательные ответы.

20 % испытуемых проявили склонность скрывать свои цели и нормы. Так же они обладают способностью корректировать свои ответы в направлении социальной желательности.

- Шкала склонности к преодолению норм и правил.

50 % испытуемых проявили склонность к конформным установкам испытуемого, склонность следовать стереотипам и принятым нормам поведения, о чём свидетельствует специфика службы. В некоторых случаях при условии сочетания с достаточно высоким интеллектуальным уровнем испытуемого и тенденции скрывать свои реальные нормы и ценности такие оценки могут отражать фальсификацию результатов. Но такая тенденция не прослеживалась в нашей выборке. У 25 % испытуемых прослеживается чрезвычайная выраженность неконформистских тенденций, проявление негативизма. И у оставшихся 25 % респондентов наблюдаются неконформистские установки, склонность противопоставлять собственные нормы и ценности групповым, тенденции «нарушать спокойствие», искать трудности, которые можно было бы преодолеть.

- Шкала склонности к аддиктивному поведению.

У большего количества испытуемых отсутствует тенденция к развитию аддиктивного поведения и сохраняется социальный контроль.

- Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению.

55 % респондентов показали отсутствие готовности к реализации саморазрушающего поведения, отсутствие тенденции к соматизации тревоги, отсутствию склонности к реализации комплексов вины в поведенческих реакциях. 20 % испытуемых имеют низкую ценность собственной жизни, склонности к риску, выраженной потребности в острых ощущениях, о садо-мазохистских тенденциях. 25 % – могут сочетать в себе все вышеперечисленные качества, тем самым обладая золотой серединой по этой шкале.

- Шкала склонности к агрессии и насилию.

Процент респондентов с тенденцией к агрессивному поведению очень низкий и составил лишь 1 % от общего числа испытуемых.

- Шкала волевого контроля эмоциональных реакций.

58,3 % респондентов способны контролировать свои эмоциональные реакции, обладают жёстким самоконтролем, 41,6 % – имеют слабость волевого контроля, нежелание или неспособность контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций. Кроме того, они склонны реализовывать негативные эмоции непосредственно в поведении, без задержки, что говорит о несформированности волевого контроля своих потребностей и чувственных влечений.

- Шкала склонности к деликвентному поведению.

У 51,6 % испытуемых не наблюдается выраженность деликвентного поведения и прослеживается высокий показатель по шкале социальной желательности и социального контроля. У 28,3 % – имеют деликвентные тенденции у испытуемого и низкий уровень социального контроля, а у 20 % имеется высокая готовность к реализации деликвентного поведения.

Второй этап нашего исследования состоял в изучении и обработке авторской анкеты. Изучив результаты авторских анкет-опросников, которые заполнялись офицерским составом, нам удалось установить, что признаки девиации в поведении курсантов проявляются часто.

Об этом сказали 10 % человек. Так же 60 % человек реже замечали девиацию в поведении курсантов и 30 % – никогда не замечали.

Полученные данные могут быть связаны с тем, что при поступлении абитуриенты проходят профессиональный отбор, где, возможно и выявляется склонность к девиантному поведению. Абитуриенты, которые получают высший балл по показателям возможного развития девиации не проходят дальше. Возможно, из-за сложности к адаптации у небольшого числа курсантов в поведении проявляются девиантные наклонности, которые замечают офицеры. Если предотвратить их на начальном этапе развития, то и адаптация курсанта пройдет легко. Ведь не только работники психологической службы несут ответственность за правильный процесс адаптации и предотвращение девиантных наклонностей, но и командный офицерский состав.

Примечательно то, что вариант ответа «затрудняюсь ответить» не был выбран не одним из опрошенных офицеров. Это может говорить о том, что они чутко и внимательно относятся к своим подопечным, стараются помочь им преодолеть трудности и адаптироваться, учат и направляют на верный путь. Принимая на себя частично воспитательную роль, курсовые офицеры знают курсантов своего подразделения достаточно хорошо: их психические, физиологические и психологические особенности, способности, характер и так далее. Это позволяет старшим офицерам более тесно взаимодействовать с курсантами, помогая им освоиться в новой для них среде, избегая каких-либо нарушений этого процесса.

После анкетирования была проведено фокусированное интервью, в процессе которого нам удалось выяснить, что офицеры, кому удалось заметить проявления девиантного поведения у курсантов, не смогли вовремя его предотвратить с помощью личной беседы или психологической консультации.

Для исследования адаптивного уровня у курсантов первого курса нами была выбрана диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда. Так же, с помощью

этого опросника нам удалось изучить те качества личности, которые помогают успешно/не успешно адаптироваться курсантам: принятие себя, принятие других, эмоциональный комфорт, эмоциональный дискомфорт, внутренний контроль, внешний контроль, доминирование, ведомость, эскейпизм (уход от проблем).

Эта методика исследования даёт нам возможность получить количественные показатели критериев, регистрации изменений, происходящих в процессе адаптации по каждому из них.

Ввиду того, что в картине динамики адаптационного процесса все большее значение получают собственно личностные психологические силы развития, такие как локус контроля, особенности самооценивания, самопринятие себя и других, стремление к доминированию, эмоциональный комфорт и другое, возникает вопрос о надёжной и валидной психологической диагностике этих составляющих, которые, кроме того, целесообразно рассматривать в качестве критериев оценки эффективности адаптации.

67 % курсантов получили средний балл адаптивной способности. Это говорит о том, что у курсантов, попадающих в новые условия, начинается процесс «распада» старых привычек и формирование новых. Но если старые привычки сломлены, а новые не смогли сформироваться, то начинается процесс дезадаптации. С таким же понятием, как «социальная аномия» мы сталкиваемся в курсе социологии. Под социальной аномией Э. Дюркгейм понимает состояние общества, в котором разложение, дезинтеграция и распад определённой системы устоявшихся ценностей и норм, ранее поддерживавших традиционный общественный порядок, отныне не соответствует новым, сформулированным и принятым государством идеалам.

По результатам нашего исследования выборка респондентов показала средние значения по каждому из наиболее значимых для процесса адаптации личностных качеств. Это говорит о том, что процесс адаптации у курсантов проходит с некоторыми затруднениями, так как резко меняется их образ жизни, распорядок дня и так далее.

По результатам проведённых исследований мы разделили выборку на три группы.

Первая группа (26 %) состояла из испытуемых, которые получили балл адаптивных способностей выше среднего. Вторая группа (58 %) состояла из испытуемых, которые получили средний показатель, а третья (16 %) – с показателем ниже среднего.

У респондентов с наивысшим показателем уровня адаптивных способностей развиты такие качества как принятие других, внутренний комфорт, внешний контроль, доминирование и так далее. Именно эти психологические качества помогают адаптации проходить легко. Такой кур-

сант может с лёгкостью адаптироваться к любым условиям, находить общий язык с новыми людьми и занять высокое положение в коллективе сверстников. Так же, развитие таких качеств у испытуемых из этой группы, которые негативно влияют на адаптацию, имеет очень низкий уровень.

Респонденты, кто показал средние результаты по всем из качеств личности, которым сопровождается адаптация, составили вторую группу. Эти люди способны к адаптации, но она протекает у них более сложно. Они подвержены развитию девиантного поведения, но своевременное его предотвращение позволит человеку легче адаптироваться.

Третью группу составили те респонденты, у которых преобладание негативных качеств личности при адаптации преобладает над позитивными. Им очень тяжело адаптироваться к новым условиям, и вероятность развития у них девиантного поведения намного больше. У этой группы форма девиантного поведения может перерасти в тяжёлые, если не проводить своевременную профилактику.

Успешная адаптация курсантов в образовательных организациях системы МВД России затрагивает все аспекты функционирования личности и зависит не только от личностных её качеств, но и от деятельности профессорско-преподавательского состава, участия психолога.

Литература:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003.
2. Гилинский Я.И. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения / Я.И. Гилинский, В.Г. Афанасьев. СПб. : Питер, 1993. 272 с.

Совершенствование психологической работы с молодежью включает в себя первичную диагностику адаптивного потенциала абитуриентов в учебные заведения МВД РФ с целью учёта, анализа и оценки их качеств личности, а так же прогнозирования успешности адаптивного процесса, и, в последующем, психологические консультации, беседы или тренинги.

Возможно, что тренинги на сплочение коллектива (группы) с участием курсовых офицеров, помогут улучшить процесс адаптации. Как мы знаем, человек существо биосоциальное, и успешное взаимодействие с коллективом поможет ему взаимодействовать и с окружающей средой.

Необходимо понимать роль не только того, что происходит с ребёнком, того, что он чувствует, но и знать норму, как патологического поведения, так и психологическое проявление нарушений в его поведении. Также важно знать возрастные и половые особенности психики молодого человека, основные причины нарушения адаптационного процесса и развития девиаций.

Таким образом, в рамках данного исследования можно сделать вывод, что адаптация курсантов в образовательной организации как процесс поэтапного формирования профессионально значимых качеств личности офицера, обусловлена совокупностью взаимоотношений и взаимодействием преподавателей и курсантов, способствующих профессиональному самовыражению и самореализации будущего специалиста

Literature:

1. Weber M. Protestant ethics and spirit of capitalism. M., 2003.
2. Gilinsky Ya.I. Sociology of the deviant (deviating) behavior. SPb. : St. Petersburg, 1993. 272 p.

Фомин Андрей Анатольевич
аспирант кафедры истории,
теории и прикладной социологии
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
tahhep2010@gmail.com

ВЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ряда классических и современных трактовок власти. Особое внимание уделяется их отличию от анализа власти, ее субъекта и объекта в рамках постмодернистской социологической парадигмы. Показываются базовые тенденции трансформации взаимодействия субъекта и объекта власти в условиях постмодерна и их трактовка в контексте постмодернистской социологической парадигмы.

Ключевые слова: объект, предмет, дискурс, модерн, постмодернизм, власть.

Власть – это категория, которая отражает существенные и закономерные связи и отношения людей, в целом. По мысли М. Фуко, понятие «власть» является независимым от каких-либо сфер человеческой жизнедеятельности. Фуко интерпретировал власть как феномен, который связан абсолютно с любой формой власти. Такие понятия как «право», «политика» и «мораль» являются только аспектами такого многогранного понятия, как общественный институт власти. М. Фуко это понимал и, безусловно, размышляя о власти, принимал во внимание и тот способ мышления, который присущ человеку западной цивилизации в определенные исторические периоды.

Несмотря на появившиеся в последние годы в социологии и в некоторых других социальных и гуманитарных дисциплинах попытки новой интерпретации категории «власть», следует признать, что во многих исследованиях все ещё доминирует классический подход к её пониманию. Главным признаком классических концепций власти является категория «подчинение». Так, в бихевиористской концепции можно выделить американских ученых Ч. Мирриама [1, с. 175–184], Т. Лассуэлла [2, с. 270]. Представленные исследователи выводили властные отношения из привычных моральных оценок политики.

Определение власти с точки зрения позитивистского подхода предусматривает асимметричность отношений между субъектами.

Andrey A. Fomin
Postgraduate Student
of the Department of History,
Theory and Applied Sociology,
Saratov State University
of name N.G. Chernyshevsky
tahhep2010@gmail.com

POWER IN THE CONTEXT OF THE POSTMODERN SOCIOLOGICAL PARADIGM

Annotation. The article discusses the features of a number of classical and modern interpretations of power. Special attention is paid to their difference from the analysis of power, its subject and object within the framework of the postmodern sociological paradigm. The basic tendencies of transformation of the interaction of the subject and the object of power in the postmodern conditions and their interpretation in the context of the postmodern sociological paradigm are shown.

Keywords: object, subject, discourse, postmodernism, modern, power.

Если взять данный факт за основу, что один субъект может влиять на другие и с помощью этого влияния добиваться цели, несмотря на сопротивление других субъектов, то первый субъект имеет власть над вторым субъектом.

В марксистском подходе выделяются базовые детерминанты, которые заложены в социально-экономическом неравенстве. Основной причиной разделения общества на враждующие классы является социальное неравенство, и институту власти необходимо сохранить целостность структуры в условиях постоянно растущей социальной дифференциации и борьбы.

Если рассматривать такое явление, как власть с точки зрения системной концепции, то оно является основой систематизации отношений в политической власти. Сторонники этого подхода понимают её как анонимное, надперсональное, безличное свойство социальной системы.

В системном подходе выделяют три подхода к пониманию власти. В первом подходе власть рассматривается как свойство или атрибут макросоциальной системы [3, с. 479–487]. Во втором подходе рассмотрение власти происходит по конкретным уровням семья, организация [4, с. 35–43]. Третий – как взаимодействие индивидов в рамках специфической социальной системы (М. Роджерс [5, с. 28]). «Мы можем определить власть, – писал Т. Парсонс, – как реальную

способность единицы системы аккумулировать свои «интересы» в контексте системной интеграции и в этом смысле осуществлять влияние на различные процессы в системе». Некоторые представители системного подхода (К. Дойч [6, с. 713–721], Н. Луман [7, с. 25]) рассматривают власть как один из способов социального общения, с помощью которого можно регулировать социальные конфликты.

Главной задачей политической власти является разрешение противоречий в обществе, таких как поддержание порядка и многообразие интересов общества. Системное понятие «власть» помогает интерпретировать ее структуру и соединить ее характеристики в одно целое. Основными составляющими власти являются объект, субъект, средства и процессы, которые приводят в действие все ее элементы.

Структурно-функциональный подход представляет собой разновидность предшествующей модели власти. Власть в этом подходе рассматривается как основной способ самоорганизации человеческой общности, который основан на разделении управления и исполнения.

Общество по своей природе иерархично и дифференцирует такие социальные роли как управление и исполнение. Под властью понимается набор различных ролей и статусов, с помощью которых происходит контроль над ресурсами и средствами влияния. Из этого следует, что власть тесно связана с занятием руководящих должностей, которые предоставляют возможность воздействовать на людей с помощью таких механизмов, как поощрение и наказание.

Классический подход, о котором писал даже Аристотель, развивался очень стремительно и наполнялся такими новыми, новаторскими предложениями, как экономика (К. Маркс [8, с. 32]), психология (З. Фрейд [9, с. 49]) или философия (Ф. Ницше [10, с. 416]). Несмотря на долгий путь развития и множество различных подходов к классическому пониманию власти, анализ власти все равно сводился к исследованию политической власти.

В условиях постепенного перехода общества к стадии постмодерна, существенно трансформируются и властные отношения, в связи с чем достаточно актуальным представляется и новый взгляд на, казалось, уже устоявшийся прежде феномен власти и властных отношений. Для начала нужно определить, как интерпретируются понятия «объект» и «субъект» в этих двух концепциях.

В модернистской парадигме объект выступает как жертва или приемщик власти. Иначе говоря, объект в модерне это тот, кто вынужден принимать воздействие власти через различные механизмы ее проявления.

Если рассматривать творчество М. Фуко как некое постмодернистское видение сущности власти и властных отношений, то субъект и объект власти представляются уже несколькими другими

категориями; кроме того, меняется основной механизм использования власти. Благодаря использованию и взаимодействию таких понятий, как дискурс, сеть отношений, субъективация, можно выделить три основные черты субъекта власти. Феномен власти превращается из постоянной функции в сеть отношений, по этой причине, объект не обладает властью.

Во-первых, власть у субъекта не является постоянной. Власть превращается из постоянной функции в сеть отношений [11, с. 68]. Жиль Делез предложил такую сеть властных отношений, в которой субъект располагает властью и может использовать различные механизмы для ее осуществления только на непостоянной основе.

Во-вторых, отсутствие опоры у субъекта власти, с помощью которой он в последствии мог бы получить властное положение. Иначе говоря, властная позиция оператора власти является не постоянной. В качестве примера можно привести монарха, советников и других персонажей, у которых в границах различных дискурсов имелся «фундамент», с его помощью они осуществляли власть и обладали некоторыми механизмами для ее осуществления до тех пор, пока дискурсивные практики позволяли им быть субъектом власти. Иначе говоря, недостаточно иметь власть и осуществлять ее, но и нужно постоянно заботиться о ее сохранении и укреплении. В постмодернистской концепции оператор власти для сохранения и поддержания своего властного положения как можно на долгий срок активно использует дискурсивные практики.

В-третьих, всякий субъект власти активно использует дискурс – особое пространство; в нем определяются правила высказываний и система различных правил, по которым можно формировать знание, в целом.

Принимая во внимание такую взаимосвязь субъекта с дискурсом, можно определить, что дискурс влияет на властные отношения в двух режимах, или выполняет две важнейшие социально-политические функции:

- 1) поддержание оператора власти на его текущей позиции;
- 2) контроль знания для обеспечения подчинения субъекту власти.

Постмодернистский объект власти обладает другими чертами. По этой концепции объект власти выступает не в роли точки концентрации власти, а как точка сопротивления любому насаждению власти. В постмодернизме проявляет активную позицию во властных отношениях. Субъект же власти в постмодернистской концепции в отличие от объекта занимает активную позицию и может сопротивляться любому властному давлению, оказанному на него. Помимо прочего, он не только оказывает сопротивление властным технологиям, но и влияет на выстраивание дискурса.

В модернистской концепции объект власти, используя, в основном, дисциплинарные и матери-

альные ресурсы, старается оказывать давление на объект власти. Носитель власти намного меньше использует дискурс для осуществления контроля над людьми. Субъект власти в модерне выстраивает дискурс и контроль над знаниями таким образом, чтобы изолировать объект власти от пространства дискурса и сохранить свое главенствующее положение. Субъект использует дискурс, в основном, для поддержания собственного положения, а не для контроля над объектом.

В модернистском подходе к анализу власти для контролирования объекта властных отношений используются технологии запрета и исключения. Эти технологии оказывают воздействие в основном через такие социально-дисциплинарные институты как армия, полиция, церковь и тому подобные. Субъект власти полностью блокирует доступ объекту власти к влиянию на знания.

В постмодернизме властные отношения выстраиваются таким образом, чтобы субъект власти использовал дискурс для подавления воли к сопротивлению у объекта и отсутствию у него механизмов сопротивления власти. С помощью таких методов, как дозирование или выдача только определенных, выверенных знаний объекту, субъект власти может гарантировать себе сохранение властного положения и принудить объект к чему угодно без использования пенициарных мер. В постмодернистском анализе власти большее значение уделяется сбору информации об объекте вместо использования контроля над определенным индивидом. Можно сказать, что работа институтов в таком направлении достаточно влияет на подчинение и создание такой картины мира, в которой объект власти может сопротивляться, но из-за недостатка знаний не может воспользоваться возможностью к сопротивлению [12, с. 37]. Ключевым отличием постмодернистского субъекта власти является, то, что через дискурс власть воздействует на людей, формируя различные знания.

Обращаясь к характеристике одного из агентов власти применительно к отечественной практике, отметим, что дискурс субъекта властных отношений в России претерпел значительную трансформацию со времени распада СССР. Во многом дискурс правящего класса советского общества отличали такие характерные особенности, как определенная логическая, синтаксическая, риторическая упорядоченность, формальное следование канонам и формальная научность построения текста, во многом унаследованные от классической школы риторического искусства древнегреческого оратора Исократа. Как известно, именно в школе Исократа были разработаны основные принципы композиции речи, которые должны были содержать 4 базовых части:

а) предисловие, включающее в себя изложение содержания и целей речи;

б) основные положения речи, составляющие её предмет, которые должны быть представлены достаточно убедительно;

в) опровержение мнений противника с целью доказательства правильности собственных положений;

г) заключение, которое должно подводить краткий итог сказанному, чтобы напомнить слушателям основные положения речи и (при необходимости) направить их негодование (и даже гнев) против иных суждений [13, с. 270–271].

В большинстве случаев дискурс советской правящей элиты, кроме формальной научности (в плане формального использования канонов классической школы ораторского искусства), отличали и такие отрицательные черты, как значительная доля консерватизма и высокая степень идеологичности, которая была типична для советского общества, где, по образному выражению Ф.М. Бурлацкого, действовали две категории политических руководителей: идеологи и военные [14, с. 547].

Кроме названных выше характеристик, политический дискурс субъекта власти в СССР, как правило, был лишен образных приемов, в нем не было и особой системы риторических средств (кроме державно-патриотической риторики), делающих его более привлекательным, понятным для большинства населения. Все это приводило к внешнему конформизму, формальному принятию основных постулатов, но порождало некоторую значительную долю внутреннего его неприятия, что не способствовало созданию доверия к действовавшим тогда институтам власти у социума, порождало формальную политическую зависимость от них, и впоследствии разрушило и саму политическую систему.

В настоящее время можно говорить о формировании значительно отличающейся от прежней системы характерных черт политической дискурса элиты. Одной из важнейших его особенностей становится ярко выраженная дуалистичность.

С одной стороны, дискурс элиты во многом противоречит прежним классическим канонам, заложенным школой Исократа, его отличает большая простота и образность, временами граничащая с некоторым просторечием, использованием жаргонов и слов, применяемых в обычной, социально-бытовой обстановке.

В целом, ярко выраженная простота, образность современного политического дискурса выявляют его более прагматический характер, свойственный именно политическим текстам. Как справедливо отмечает А.Г. Алтунян, для политического текста характерна именно принципиальная направленность на потенциального читателя, слушателя. Функция политического текста, по его мнению, полностью исчерпывается его прагматической функцией, в то время как поэтический текст – всегда больше, чем обращение к потенциальной аудитории [15, с. 10].

Таким образом, дуализм современного политического дискурса элиты выражается, с другой стороны, в том, что присущие ему простота, образность, прагматизм и метафоричность во мно-

гом детерминируют ярко выраженную его персонафицированность. Вместе с тем, несмотря на его социальную риторику он, как нам представляется, не является внутренне обоснованным, ставшим основой социальных действий и поведения, а скорее внешне-объективизированным, достаточно неоднородным и неоднозначно воспринятым современным обществом. Содержание речей современных политиков стало больше отражать потребности общества. Как показали социологические опросы, проведенные в различных регионах страны, больше всего предствителей различных слоев и групп беспокоят низкий уровень жизни, преступность отсутствие стабильности [16, с. 8]. Результатом этого стал рост среди ценностных ориентаций населения требований порядка, понимаемого достаточно широко – от организации мер по своевременной выплате зарплат, пенсий, пособий до создания эффективного механизма государственного управления и установки гарантий безопасности граждан. В 1995 году ему отдавали предпочтение 20 % респондентов, в 2003 году – от 12 до 20 %, а в ходе опроса, проведенного в феврале 2008 года ВЦИОМ, – 18 % респондентов по различным регионам. В начале 2010 года, за «порядок, достигнутый даже с нарушением демократических принципов» высказались 72 % из 1600 опрошенных ВЦИОМ респондентов. Учитывая это и стремясь расширить свою социальную базу, представители политической элиты вынуждены вносить необходимые правки в «формулу элитного правления» [17, с. 14]. Результатом этого является и особый характер политической зависимости, носящей все ещё внешне объективированный, односторонний, традиционно-персонафицированный характер, свойственный во мно-

Литература:

1. Мерриам Ч. Новые аспекты политики / Ч. Мерриам; Пер. Т.Н. Самсоновой // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Зарубежная политическая мысль, XX в. Ред.-сост. Г.К. Ашин, Е.Г. Морозова. М. : Мысль, 1997. Т. 2. С. 175–184.
2. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. М. : РАГС, 2005. С. 270.
3. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М., 1997. Т. 2. С. 479–487.
4. Крозье М. Современное государство – скромное государство: другая стратегия изменения / М. Крозье; Отв. ред. Т.А. Алексеева // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 35–43.
5. Технология власти: (Филос.-полит. анализ) / Отв. ред.: Р.И. Соколова [и др.]. М. : ИФ РАН, 1995. С. 28.
6. Дойч К. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Политология : хрестоматия / К. Дойч; Под ред. М.А. Василка. М. : Гардарики, 1999. С. 713–721.

гом монолистическому типу общественного развития.

Подводя итоги работы, отметим следующее. Прежде всего, если анализ власти в модернистских концепциях предполагает наличие субъекта и объекта власти, а также некий ресурс, позволяющий им взаимодействовать по формуле «распоряжение – исполнение – наказание», то в постмодернистском анализе в концепцию власти включается дискурс как особое пространство, которое определяет правила высказывания и целую систему различных иных правил. На основе этих правил формируется знание, в целом. Также в анализе власти вместо двойной связи объект – субъект, вводится понятие сеть отношений.

В постмодернистском анализе власти взаимосвязи между объектом и субъектом власти подвержены изменениям. Носитель власти является в таком случае оператором с определенным набором свойств. Он использует дискурс для сохранения своего положения в иерархии власти и осуществления власти над объектом, также, оператор наделяется властью лишь временно, до того момента, пока сила дискурса не перестанет поддерживать его власть. Также, объект может изменять свои характеристики. Он наделяется такими свойствами, как: влияние на властный дискурс, сопротивляться власти и применять на субъект власти практики неповиновения и сопротивления.

Относительно властных отношений, понятие «дискурс» имеет вполне четкий смысл. Дискурс может работать в двух направлениях: в режиме поддержки субъекта власти и в оказании воздействия на объект.

Literature:

1. Merriam Ch. New policy aspects / Ch. Merriam; Per. T.N. Samsonov Anthology of world political thought : in 5 tons. Foreign political thought, XX century. Edited by G.K. Ashin, E.G. Morozov. M. : Thought, 1997. V. 2. P. 175–184.
2. Lasswell G. Psychopathology and politics. M. : RAGS, 2005. P. 270.
3. Parsons T. On the concept of «political power» // Anthology of world political thought / T. Parsons; resp. ed. T.A. Alekseeva. M., 1997. T. 2. P. 479–487.
4. Crozier M. The modern state is a modest state: another strategy of change / M. Crozier; resp. ed. T.A. Alekseeva // Anthology of world political thought M., 1997. T. 2. P. 35–43.
5. Technology power: (Filos.-polit. Analysis) / Ed. Ed.: R.I. Sokolova [et al.]. M. : Institute of Physics, RAS, 1995. P. 28.
6. Deutsch K. Conflict resolution (Constructive and destructive processes) / K. Deutsch; ed. M.A. Vasiliika // Political science: reader. M. : Gardariki, 1999. P. 713–721.

7. *Луман Н.* Власть. М., 2002. С. 25.
8. *К. Маркс.* Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 23. С. 32.
9. *Фрейд З.* «Я» и «Оно»: труды разных лет / З. Фрейд; Пер. с нем. Тбилиси : Мерани, 1991. С. 49.
10. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки ценностей / Ф. Ницше; Пер. с нем. М. : Культурная революция. 2005. С. 416.
11. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Практикс, 2006. Ч. 1. С. 68.
12. *Фуко М.* Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб. : Наука, 2007. С. 37.
13. *Борухович В.Г.* История древнегреческой литературы. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. С. 270–271.
14. *Бурлацкий Ф.М.* Глоток свободы. М., 1997. Кн. 1. С. 547.
15. *Алтунян А.Г.* От Булгарина до Жириновского. Идеино-стилистический анализ политических текстов. М., 1999. С. 10.
16. См.: Коммерсант-Власть. 2003. № 3. С. 8.
17. *Покатов Д.В.* Дискурс политической элиты как детерминанта зависимости социума. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Поведенческие зависимости в повседневной жизни: социальные проекции». Саратов : Из-во Сар. ун-та, 2014. С. 14.
7. *Luman N.* Power. M., 2002. P. 25.
8. *K. Marx.* Works. 2nd ed. / K. Marx, F. Engels. Vol. 23. P. 32.
9. *Freud Z.* «I» and «It»: the works of different years / Z. Freud; Translation from German. Tbilisi : Merani, 1991. P. 49.
10. *Nietzsche F.* Will to power. Experience revaluation values / F. Nietzsche; Translation from German. M. : Cultural Revolution. 2005. P. 416.
11. *Fuco M.* Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews. M. : Praxis, 2006. Part 1. P. 68.
12. *Fuco M.* Psychiatric power: a course of lectures given at the College de France in the 1973–1974 academic year. SPb. : Science, 2007. P. 37.
13. *Borukhovich VG* History of ancient Greek literature. Saratov: Publisher Sarat. Univ., 1982. P. 270–271.
14. *Burlatsky F.M.* A sip of freedom. M., 1997. Prince 1. P. 547.
15. *Altunyan A.G.* From Bulgarin to Zhirinovsky. The ideological and stylistic analysis of political texts. M., 1999. P. 10.
16. See: Kommersant-Power. 2003. № 3. P. 8.
17. *Pokatov D.V.* Discourse of the political elite as a determinant of the dependence of society. Materials of the All-Russian scientific-practical conference «Behavioral dependencies in everyday life: social projections». Saratov : Because of Sar. University, 2014. P. 14.

Эфе Танай

аспирант социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
efetanay@hotmail.com

ДИНАМИКА ТУРЕЦКОЙ МИГРАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, что по данным Министерства Иностранных Дел Турции, численность турецкого населения, проживающего за рубежом, составляет более 6 млн человек, из которых около 5,5 млн проживают в странах Западной Европы. Это число может увеличиться до 9 миллионов, если учитывать 3 миллиона турецких мигрантов, вернувшихся в Турцию. Начиная с конца 19 века, турецкие и османские граждане начали организовывать общины в Европе. Позже, в 1960-х годах гастарбайтеры стали переезжать в Германию, Бельгию, Австрию, Францию, Нидерланды и Швецию в поисках работы. С тех пор количество турок сильно возросло на большей части территории Европы. Существенным отличием между иммиграцией из Турции в Европу в 1960-х годах и в настоящее время стало увеличение социального разнообразия.

Ключевые слова: история, турецкая миграция, образование, Европа, Германия, трудовая иммиграция, Бельгия, Франция, Австрия, Турецкие иммигранты.

История турецкой миграции в Европу: история и современность.

В Европе, как известно, проживает около 6 миллионов турок. Пока некоторые из них продолжают жить по турецким паспортам, другие являются лишь владельцами паспортов тех стран, в которых они живут. Массовая иммиграция турок в Европу началась в 1960-х годах из-за возросшего спроса на рабочую силу. За десятилетия большинство этих людей уже получили гражданство тех стран, куда они когда-то приехали на заработки. Исторически сложилось, что большинство турецкого населения на территории Евросоюза проживает именно в Германии.

Турецко-германские отношения укреплялись на протяжении 19 века. Османская империя и Пруссия были союзниками на протяжении нескольких десятилетий. Многие османские граждане из высших социальных слоёв получали образование в Европе. Некогда могущественная Османская империя ослабевала, а страны Европы сплывались. В то время набирала обороты

Efe Tanay

Graduate Student of Sociological faculty,
Moscow State University
name of M.V. Lomonosov
efetanay@hotmail.com

DYNAMICS OF TURKISH IMMIGRATION: SOCIAL ASPECT

Annotation. At this article I have studied the following question: According to Turkish Foreign Ministry the population of Turkish people living abroad exceeds 6 million people, around 5,5 million of which live in Western European countries. This number increases to 9 million, taken into account 3 million Turkish migrants who returned Turkey. Beginning from the late 19th century Turkish and Ottoman citizens started structuring their communities in Europe. Later, in the 1960s guest workers started moving to Germany, Belgium, Austria, France, Nederland and Sweden. Since then the existence of Turkish citizens went higher all around Europe but in the recent years the movement from Turkey to Europe, consists a much more different people than in the 1960s.

Keywords: history, Turkish immigration, education, Europe, Germany, work migration, Belgium, France, Austria, Turkish immigrants.

промышленная революция, а технологическое отставание османов от европейских государств становилось всё очевиднее. Чтобы совершить технический прорыв, нужны были новые решения в различных областях науки и техники: для поиска этих решений османские граждане и стали отправляться в Европу.

Утверждается, что около 1905 года различные группы детей-сирот были отправлены в Германию для обучения определенным работам, и результаты их трудовой деятельности можно найти на некоторых крупных предприятиях страны [11, с. 28]. В то время, как численность османского населения в Европу росла, у них возникали характерные потребности. В 1867 году группа молодых турок (Jön Türkler – Jeunes Turcs) была организована в Европе в качестве оппозиции Османскому султанату. Считается, что группа учредила в Европе более ста газет до 1908 года, и, если к ним добавить журналы, то число возрастёт до 152 [3, с. 36]. Самая первая турецкая газета в Европе была основана 1 января 1867 года Филипом Эфенди и управлялась

Али Суави, а газета «Мухбир» (агент – Информатор) была издана в Стамбуле. Газетаспонсировалась принцем Египта, живущим в Париже, Мустафой Фазылом Пашой, и начала издаваться в Лондоне [7]. Большинство вновьприбывающих в Европу из Османской империи были диссидентами правительства и Султаната. Они пользовались тем преимуществом, что находились далеко и могли позволить себе быть гораздо более критичными, чем они могли когда-либо осмелиться на Родине. Все эти оппозиционные новостные издания были запрещены в Османской империи, но благодаря привилегиям на почтовые услуги для некоторых европейских стран, эти издания смогли быть доставлены в страну из Европы и проданы также на территории Османской империи [3, с. 36]. Несмотря на то, что группа *Jeunes Turcs* (*Jön Türkler*) набирала обороты, в основном, во Франции, позже они переехали в Лондон из-за конфликтов о свободе слова, с которыми они столкнулись во Франции. Эти оппозиционные интеллектуалы Османской империи пользовались возможностями во Франции, в то время как они могли свободно делать публикации о критике своей родной страны. В качестве причины переезда в Лондон из Парижа приводится суровый французский пресс-кодекс [3, с. 37]: французское правительство заявляет, что не допустит публикаций, направленных против Османского султаната и способных оскорбить его. [10, с. 262]. В моменты конфликта интересов эти интеллектуалы уезжают и в другие страны, в поисках места для публикации свободной и независимой прессы. Оппозиционную группу «младотурки», сумевшую за 39 лет издать около 100 газетных серий вплоть до 1908 года, можно считать доказательством того, что они смогли найти возможности для самовыражения.

Эмиграция из Турции очень сильно замедлилась в период между Первой и Второй Мировыми войнами, с окончанием Второй Мировой войны она вновь начала ускоряться, на этот раз, помимо Европы, и в США [4]. Турецкая иммиграция в Европу началась с низкоквалифицированных рабочих, необходимых для экономического развития после Второй Мировой войны. Тогда, среди приезжих были, в основном, мужчины из городских и сельских районов Турции [12]. Турецкий народ имел шанс начать все заново после сокрушительных потерь Первой Мировой войны, объединившись под руководством Ататюрка. Турецкая Демократическая Республика была основана Ататюрком, и в отличие от последних лет существования Османской империи, большинство турок в Европе были спровоцированы сторонниками свежей и энергичной республики. Новая Республика предприняла много революционных шагов, в том числе, создала новейшие и самые современные институты той эпохи. Ататюрк был Пашой Османской империи, он был хорошо образован, свободно владел французским и английским языками, несколько раз бывал в Европе и был сторонником перемен. Реформы Ататюрка (*Turkish: Atatürk Devrimleri*) представляли собой ряд политических, правовых, религиозных, культурных, социальных и экономических изменений в политике, которые были направлены на преобразование новой Турецкой Респуб-

лики в светское, современное национальное государство и осуществлялись под руководством Мустафы Кемала Ататюрка. Уровень грамотности рос, и в 1930 году, еще до принятия подобных законов во многих западных странах, турецкие женщины получили право голоса.

Одна из главных реформ, которую осуществил Ататюрк, коснулась образования. 29 октября 1924 года 22 студента сдали экзамен и в январе 1925 года были направлены в Германию, Францию и Бельгию для получения высшего образования с полной стипендией Турецкой Республики. Они были элитными студентами новой республики и по возвращении основали очень важные учреждения и ценные центры в университетах, а также в различных областях. Позже это стало государственной традицией, и турецкое правительство очень ценило данную программу. Для этой первой группы Ататюрк сделал очень известное высказывание «*sizi birer kivilcim olarak gönderiyoruz, volkan olup dönmelisiniz*», что можно перевести как «я посылаю вас всех, как искру, и вы должны стать вулканом и вернуться».

Поднимаясь из руин, новая Турецкая Республика эволюционировала из своих устаревших систем. Реформы начались с модернизации Конституции, включая принятие новой Конституции 1924 года, которая заменила Конституцию 1921 года, и адаптацию европейских законов и судебной практики к потребностям новой республики. За этим последовала полная секуляризация и модернизация администрации с уделением особого внимания системе образования. Период модернизации и развития наглядно показывал, что страна имеет проевропейскую ориентацию, но детальный взгляд на этот период показывает, что прочной политической связи между Турцией и Европой не было. Другими словами, Турция была вдохновлена Европой, но не просила от неё никакой поддержки или указаний.

Имея безупречную военную карьеру, Ататюрк стал самой уважаемой фигурой в стране, и он продемонстрировал, что имеет талант государственного деятеля. В период его руководства были приняты современные законы и закреплены новые гражданские права для народа. В 1930 году турецкие женщины получили возможность голосовать и право занимать государственные должности всеобщих выборах. К примеру, во многих европейских странах такие законы были приняты позднее: Испания (1931 год), Франция (1944 год), Бельгия (1946 год), Италия (1946 год), Югославия (1946 год) и Швейцария (1971 год).

После смерти Ататюрка в 1938 году и разрушительной Второй Мировой войны, отношения с Европой изменились к лучшему, и Турция начала сближаться со своими западными соседями. Однако до начала 1960-х годов крупной иммиграции в Европу из Турции не наблюдалось.

Трудовая иммиграция в 1960-е годы.

Турция подписала свое первое соглашение с Западной Германией в 1961 году. Вскоре и другие европейские государства: (Нидерланды

(1964 год), Бельгия (1965 год), Австрия (1965 год), Франция (1967 год) и Швеция (1967 год)) обеспечили правовую основу для турецкой иммиграции [9]. Большинство турок в Европе с тех самых пор проживает в Германии. Только в Берлине живёт 5 % от общего числа турецких иммигрантов в Европе. В Лондонской агломерации живёт 64 % от общего числа турецких иммигрантов в Великобритании, в Стокгольме – 50 % от общего числа в Швеции, а в Копенгагене – 50 % от общего числа в Дании. Такие города, как Вена, Брюссель и Цюрих, также имеют значительное турецкое иммигрантское население [8].

Турецкие иммигранты в разные европейские страны, как правило, прибывают из разных регионов Турции. Например, 25 % турецких иммигрантов в Бельгии являются выходцами из провинции Афьон, в основном, из небольшого городка Эмирдаг. Аналогичным образом, наибольшее число турецких иммигрантов в Нидерландах являются выходцами из провинции Караман, а наибольшее число в Швеции – из города Кулу в провинции Конья. В Дании наибольшее число турецких иммигрантов составляют выходцы из, преимущественно, курдского юго-восточного региона Турции [6].

Турецкие иммигранты, выезжающие в Европу в 1960-х гг., практически не владели языками принимающих стран [5]. Это ограничивало их социальную мобильность и препятствовало культурной интеграции. Считалось, что турецкие рабочие находятся там временно. Приезжая в Германию, турецкие граждане рассчитывали вскоре вернуться домой. Немецкое правительство предполагало, что это пребывание продлится в течение короткого периода, и рабочие в скором времени вернуться в свои родные страны [2]. Поэтому планов по интеграции ни одна, ни другая сторона не строили. Вслед за первыми группами рабочих, которые прибыли в 1960-е годы, начали переезжать их семьи, и эти люди сформировали свои собственные небольшие кварталы. Из-за убеждения, что первые рабочие не будут проживать там постоянно, правительство не предпринимало никаких действий по их интеграции. Второе и третье поколения, рождённые в Германии, не были столь изолированы, так как они изучали немецкий язык с детства. До 1973 года турецкое население в Германии продолжало расти, но в тот год из-за нефтяного кризиса Германия приостановила прием рабочих из стран Европейского Союза. Получив 600 тысяч турецких рабочих, Германия в 1973 году аннулировало свое соглашение с Турцией, а Франция, Нидерланды и Бельгия – в 1974 году. Несмотря на то, что примерно 150 тысяч турецких гастарбайтеров вернулись в Турцию, чтобы воспользоваться возможностями социального обеспечения, подавляющее большинство этого не сделало. В 1983–1985 годах был принят новый закон, призванный стимулировать возвращение людей в страны их происхождения. 374 тысяч человек вернулись в Турцию с экономической поддержкой, которая была предоставлена правительством Германии. К 1985 году численность турецкого населения в Германии сократилась до 1 миллиона 400 человек, но в конце 1990 года она вновь возросла до

1 миллиона 700 человек [2]. В настоящее время в Германии продолжают проживать более 3 миллионов турок, из которых около 1 миллиона – немецкие граждане турецкого происхождения.

Турецкие иммигранты, прибывшие в Европу в период с 1961 по 1973 год, были, в основном, молодыми мужчинами и мужчинами среднего возраста, однако, после объединения семей и заключения браков удалось добиться большей гендерной сбалансированности. Сегодня доля женщин среди турецких иммигрантов в различных европейских странах составляет 45,3 % в Германии, 46,4 % – в Нидерландах и 48,8 % – в Бельгии [8]. Большинство мужчин – турецких иммигрантов женились на невестах из Турции и, особенно, из родных городов своих родственников. Культура бракосочетания турецких невест позволила общине увеличить население турок. Как и невест, женихов, также предпочтительно подбирали из семей тех же городов в Турции. Успешность таких браков – совсем другой вопрос. Второе поколение турецких иммигрантов в Европе выросло приобщённым к западной культуре, совершенно не похожей на турецкую, в которой росли и жили их супруги, совершившие переезд в связи с замужеством. Как следствие, многие из браков, организованных родителями, не имели успеха из-за культурных различий. Тем не менее, именно эти браки были основным источником новой турецкой иммиграции в Европу после 1990-х годов [1].

Современная турецкая иммиграция в Европу.

Количество турок в Европе растёт из года в год. В последнее время люди переезжают в Европу в надежде на более независимую жизнь. Большинство из этих турок предпочитают оставаться в качестве экспатрианта (эмигранта), а не иммигранта. Данное разделение между иммигрантами и эмигрантами стало заметным в последние десятилетия, особенно после того, как все больше и больше высококвалифицированных людей, обладающих важными и редкими профессиями либо солидным капиталом, начали переезжать в Европу из Турции.

Экспат – это лицо, временно или постоянно проживающее в стране, отличной от их родной страны. В общем употреблении этот термин часто относится к специалистам из области консалтинга, а также к людям искусства, занимающим должности за пределами своей страны. Они попадают в страны пребывания либо самостоятельно, либо направляются за границу, благодаря своим работодателям, которые могут быть частными компаниями, университетами, правительствами или неправительственными организациями. Экспаты, как правило, рассчитывают вернуться на Родину.

Сегодня появляется все больше людей с высшим образованием в Турции, имеющих намерение переехать за границу. Эти – новые турки, выходцы из другого социального класса в Турции, большинство из них имеют средний или высокий доход, поэтому некоторые из этих людей предпочитают получать гражданство за ин-

вестиции. Турция заняла третье место в мире по эмиграции миллионеров в 2017 году после Китая – 10000 человек и Индии – 7000 человек, согласно новому докладу о мировом богатстве 2018 года [13], [14]. В 2017 году Турция потеряла 6000 миллионеров, а самыми популярными направлениями для турецких иммигрантов стали страны Европейского Союза и Объединенные Арабские Эмираты. Турция идет сразу за Китаем и Индией в списке, но по соотношению численности населения и миграции лидирует Турция. Исход за последние два года вырос примерно до 6000 человек в год по сравнению с 1000 человек в 2015 году.

С другой стороны, политические потрясения в Турции уже давно затрагивают все экономические и социальные слои. По мнению нынешнего президента Турецкой Республики Реджепа Тайипа Эрдогана, Турция теряет свои самые блестящие умы перед Западом [15]. Многие интеллектуалы с высшим образованием предпочитают продолжать свою карьеру в Европе и на Западе, в целом. Вслед за интеллектуалами происходит сильный отток светского населения, поскольку влияние религиозного национализма становится все более жестким. По данным DAAD (Германской службы академических обменов), в 2017 году в Германии проживает более 150 академиков, которые были уволены со своих должностей в Турции [16]. С момента подписания «Курдской петиции» в 2016 году 698 турецких ученых обратились в Нью-Йоркскую организацию учёных для переезда за границу в более безопасное место [17]. Количество просителей убежища в Англии в 2016 году возросло в 3 раза, по сравнению с тем же периодом в предыдущие годы. В Германии количество запросов от турецких граждан на предоставление убежища возросло в 6 раз по сравнению с другими годами. Согласно статье «Financial Times», в 2016 году в университеты Лондона обратилось на 40 % больше граждан Турции, чем в предыдущие годы [18].

Нестабильность является одной из главных причин, почему эти богатые и образованные люди ищут свое будущее в Европе и в других странах. Постоянные теракты в 2014 и 2015 годах, попытка государственного переворота и экономическая неопределенность стали одной из первых причин того, почему турки вновь решились попробовать свои силы за рубежом.

Будущее турецкой иммиграции.

В отличие от первой волны гастарбайтеров в 1960-х гг., эта новая иммиграция является более образованной. Многие переезжают, чтобы получить высшее образование в Европе, а затем остаются там для работы. Успешные предприниматели переезжают в Европу со своими капиталами для поиска объекта инвестиций. Большинство из этих людей переезжают в Европу в качестве эмигрантов, а затем ищут возможности остаться в стране. В начале 2019 года экономическая нестабильность в Турции продолжает расти и всё больше людей ищет возможности для трудоустройства в Европе. Такие страны, как Испания и Мальта предлагают гражданство тем, кто

приобретает недвижимость или инвестирует в местный бизнес, и это одно из лучших мест, где турецкая элита может получить паспорт Европейского Союза.

Выпускники ведущих вузов Турции всегда имели значительное число студентов, предпочитающих учиться за рубежом, но последние статистические данные показывают, что в некоторых вузах в 2016 году их число превышает 50–70 %, что значительно выше по сравнению с предыдущими годами [19].

Турецкие знаменитости также переезжают в европейские страны: всемирно известный певец Бурак Озчивит. Оба они заключили браки с невестами из Германии турецкого происхождения в 2016 и 2017 годах.

Среди турецких граждан, переезжающих в Европу в последние годы, помимо ученых, знаменитостей, предпринимателей и студентов, есть и значительное число квалифицированных рабочих. Необходимо отметить, что многие турки новой волны, мигрирующие в Европу, являются экономически независимыми. Они продолжают перемещаться и после переезда в Европу, иногда на другие континенты. Некоторые из них вписываются в определение экспатрианта (экспат), а не иммигранта, и они не получают паспорт другой страны, а некоторые из них возвращаются обратно в Турцию после 5–15 лет опыта работы за рубежом.

По данным МИД Турции, численность турецкого населения, проживающего за рубежом, превышает 6 млн человек, из которых около 5,5 млн проживают в странах Западной Европы. Это число увеличивается до 9 миллионов с учетом 3 миллионов турецких мигрантов, которые вернулись в Турцию. В то время как некоторые люди покидают Турцию, многие турки возвращаются, чтобы воспользоваться преимуществами социального обеспечения в своей стране, которые они не могут найти в Европе. После выхода на пенсию некоторые турки возвращаются в родные города своего происхождения. Эта практика более распространена среди турок первой волны. В то время как с одной стороны, турецкая элита выезжает из страны, другие группы, такие как консервативные сторонники президента Эрдогана, возвращаются в Турцию.

По данным исследования Ассоциации TAVAK в Германии средний возраст среди турецкого населения составляет 41 год, средний срок нахождения в стране 14,5 лет. 53 % заявляют, что планируют однажды вернуться в Турцию. В докладе под названием «Те, которые возвращаются» сказано, что люди, заявившие о том, что вернутся в Турцию навсегда, дали 3 основные причины; «дискриминация в отношении иностранцев», «дорогие стандарты жизни» и «отсутствие возможности привести семью» [20].

Значительное большинство этих людей возвращается со своими сбережениями, которые они

привозят из Европы. Их сбережения в европейской валюте способны обеспечить более высокий уровень жизни в небольшом городе Турции на фоне падения турецкой валюты. Значительной политической причины для возвращения

Литература:

1. *Ayhan Kaya*. «Citizenship and the Hyphenated Germans: German-Turks», in *Citizenship and Identity in a Globalizing World: European Questions and Turkish Experiences*. ed. Fuat Keyman and Ahmetiçduygu (London : Routledge, 2005), 219-42.
2. *Cem Kılıç*. «Almanya'ya Türk işçi göçünün 55.yılı», *Milliyet*, 04.11.2016.
3. *Çelikbudak H.* (2014). *Beyaz Yerler Siyah Olacak-Türkçe Gazetelerin Avrupa Macerası*, Doğan Kitap, İstanbul.
4. *İlhan Kaya*. «Avrupalı Türkler: Misafir işçilikten Avrupa vatandaşlığına», *Doğu Coğrafya Dergisi* 12, № 19 (2008. P. 149-166
5. Janina Söhn and Veysel Özcan. «The Educational Attainment of Turkish Migrants in Germany». *Turkish Studies* 7. № 1 (2006). P. 101-24.
6. *Kaya İlhan*. «Comparing and Contrasting Turkish Immigration to the United States and Europe» in *International Journal of Turkish Studies*. 2013. Vol. 19. № 1-2.
7. *Koca M.* (2017), *Kişisel görüşme (Röportaj)*, Almanya.
8. Manço «Turks in Europe: From A Garbled Image to The Complexity of Migrant Social Reality».
9. *Maurice Crul*. «Pathways to Success for the Second Generation in Europe», *Migration Information Center*
10. *Nalcioğlu B.U.* (2005). *Tanzimat Dönemi Türk Gazeteciliği Ve Türk Basınının İlkleri*. URL : [http://journals.manas.edu.kg/mjsr/oldarchives/Vol07_Issue14_2005/453 .pdf](http://journals.manas.edu.kg/mjsr/oldarchives/Vol07_Issue14_2005/453.pdf), E.T. 12/10/ 2017
11. *Pohl M.* (2011). «Almanya'ya Türk İşçi Göçünün 50. Yılı», Ed. LatifÇelik. *Kültür, Tarih ve Entegrasyon Araştırmaları Enstitüsü*, Almanya.
12. *Ural Manço*. «Turks in Europe: From a garbled image to the complexity of migrant social reality». URL : <http://www.flwi.ugent.be/cie/umanco/umanco5.htm>
13. URL : <https://www.worldwealthreport.com/>
14. URL : <http://t24.com.tr/haber/milyoner-gocu-2018-raporu-2017de-6-bin-turk-milyoner-ulkeyi-terketti,547960>
15. URL : https://www.ntv.com.tr/turkiye/cumhurbas-kani-erdogan-parlak-beyinlerimizi-batiya-kaptiriyoruz,evwGSqEEMUCUmin3Ce6_bQ

людей не существует, однако, Турция и её население становится более консервативной и склоняется к политике правого крыла, а турки, живущие в Европе, разделяют светские ценности и становятся более левыми.

Literature:

1. *Ayhan Kaya*. «Citizenship and the Hyphenated Germans: German-Turks», in *Citizenship and Identity in a Globalizing World: European Questions and Turkish Experiences*. ed. Fuat Keyman and Ahmetiçduygu (London : Routledge, 2005), 219-42.
2. *Cem Kılıç*. «Almanya'ya Türk işçi göçünün 55.yılı», *Milliyet*, 04.11.2016.
3. *Çelikbudak H.* (2014). *Beyaz Yerler Siyah Olacak-Türkçe Gazetelerin Avrupa Macerası*, Doğan Kitap, İstanbul.
4. *İlhan Kaya*. «Avrupalı Türkler: Misafir işçilikten Avrupa vatandaşlığına», *Doğu Coğrafya Dergisi* 12, № 19 (2008. P. 149-166
5. Janina Söhn and Veysel Özcan. «The Educational Attainment of Turkish Migrants in Germany». *Turkish Studies* 7. № 1 (2006). P. 101-24.
6. *Kaya İlhan*. «Comparing and Contrasting Turkish Immigration to the United States and Europe» in *International Journal of Turkish Studies*. 2013. Vol. 19. № 1-2.
7. *Koca M.* (2017), *Kişisel görüşme (Röportaj)*, Almanya.
8. Manço «Turks in Europe: From A Garbled Image to The Complexity of Migrant Social Reality».
9. *Maurice Crul*. «Pathways to Success for the Second Generation in Europe», *Migration Information Center*
10. *Nalcioğlu B.U.* (2005). *Tanzimat Dönemi Türk Gazeteciliği Ve Türk Basınının İlkleri*. URL : [http://journals.manas.edu.kg/mjsr/oldarchives/Vol07_Issue14_2005/453 .pdf](http://journals.manas.edu.kg/mjsr/oldarchives/Vol07_Issue14_2005/453.pdf), E.T. 12/10/ 2017
11. *Pohl M.* (2011). «Almanya'ya Türk İşçi Göçünün 50. Yılı», Ed. LatifÇelik. *Kültür, Tarih ve Entegrasyon Araştırmaları Enstitüsü*, Almanya.
12. *Ural Manço*. «Turks in Europe: From a garbled image to the complexity of migrant social reality». URL : <http://www.flwi.ugent.be/cie/umanco/umanco5.htm>
13. URL : <https://www.worldwealthreport.com/>
14. URL : <http://t24.com.tr/haber/milyoner-gocu-2018-raporu-2017de-6-bin-turk-milyoner-ulkeyi-terketti,547960>
15. URL : https://www.ntv.com.tr/turkiye/cumhurbas-kani-erdogan-parlak-beyinlerimizi-batiya-kaptiriyoruz,evwGSqEEMUCUmin3Ce6_bQ

16. URL : <https://www.cnnturk.com/dunya/dw/turkiye-den-beyin-gocu-artiyor>

17. URL : <http://www.bbc.com/news/world-europe-42433668>

18. URL : <https://www.ft.com/content/e7142eb6-7e90-11e6-8e50-8ec15fb462f4>

19. http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/egitim/554056/Yurtdisina_kacis_basladi.html

20. TAVAK Vakfı, Geri Dönerler.

16. URL : <https://www.cnnturk.com/dunya/dw/turkiye-den-beyin-gocu-artiyor>

17. URL : <http://www.bbc.com/news/world-europe-42433668>

18. URL : <https://www.ft.com/content/e7142eb6-7e90-11e6-8e50-8ec15fb462f4>

19. http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/egitim/554056/Yurtdisina_kacis_basladi.html

20. TAVAK Vakfı, Geri Dönerler.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Абрамян Аркадий Кимович
бакалавр,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации,
департамент правового регулирования
экономической деятельности
arkadiy_ab@mail.ru

Никифоров Роман Дмитриевич
бакалавр,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации,
департамент правового регулирования
экономической деятельности
roman-nikiforov-91@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

■ ■ ■

Аннотация. Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточной практической разработанностью механизма собирания и закрепления доказательств адвокатом (стороной защиты) в уголовном судопроизводстве. При этом нужно подчеркнуть, что без реализации принципа состязательности и равноправия сторон права вряд ли можно создать правовое государство. Для этого нужно разработать перспективную и эффективную программу по реализации реформы судебной системы нашего государства, основной характеристикой которого обязано стать верховенство и торжество закона при осуществлении правосудия. Судебная система должна работать на правовой основе, когда существует реальная возможность реализации и защиты прав подозреваемого и обвиняемого, объективного рассмотрения уголовного дела без обвинительного уклона. Научная новизна заключена в предположении, что институт адвокатуры должен иметь равные возможности с государственным обвинением по сбору доказательств, в совершенствовании его процессуального статуса.

Ключевые слова: институт адвокатуры, защитник в уголовном процессе, методы реализации прав адвоката, адвокатский запрос, адвокатский опрос.

■ ■ ■

Вопрос о праве адвоката собирать доказательства, необходимые для эффективной защиты подозреваемого или обвиняемого, является одним из самых дискуссионных вопросов

Arkadiy K. Abramian
Bachelor,
Financial University at the Government
Russian Federation,
Department of Legal Regulation
of Economic Activity
arkadiy_ab@mail.ru

Roman D. Nikiforov
Bachelor,
Financial University at the Government
Russian Federation,
Department of Legal Regulation
of Economic Activity
roman-nikiforov-91@mail.ru

PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE POWERS OF A LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

■ ■ ■

Annotation. The relevance of the chosen topic is due to the lack of practical development of the mechanism for collecting and securing evidence by a lawyer (defense) in criminal proceedings. It should be emphasized that without the implementation of the principle of competition and equality of the parties to the law it is hardly possible to create a rule-of-law state. To this end, it is necessary to develop a promising and effective program for the implementation of the reform of the judicial system of our state, the main characteristic of which should be the rule and rule of law in the administration of justice. The judicial system should operate on a legal basis, when there is a real opportunity to realize and protect the rights of the suspect and the accused, to objectively consider the criminal case without an accusatory bias. The scientific novelty lies in the assumption that the institution of advocacy should have equal opportunities with the public prosecution to collect evidence, to improve its procedural status.

Keywords: advocacy Institute, criminal defense lawyer, lawyer enforcement methods, solicitor's request, lawyer's survey.

■ ■ ■

теории и практики российского уголовного процесса. Так, по мнению Лушкина Сергея Александровича, механизм собирания и формы закрепления адвокатом доказательств отсутствует [5],

а ведь эффективность оказываемой адвокатом правовой помощи определяется не только уровнем его профессиональной подготовки, но и его процессуальным статусом.

Действительность показывает, что, несмотря на большой перечень полномочий, определенных законодательством, адвокат не может в полной мере осуществлять полномочия по собиранию доказательств в уголовном судопроизводстве. Так, чтобы получить документы и справки из иных органов, не упомянутых в Федеральном законе «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», адвокату нужно обращаться с ходатайством к следователю или судье. Так как запрашиваемые справки и иные документы могут повлиять на исход дела не в пользу стороны обвинения, чаще всего указанные ходатайства отклоняются, чем нарушаются принципы равноправия сторон [7]. Аналогичная ситуация обстоит с требованием адвоката о допросе новых свидетелей и проведении повторных экспертиз. Хотя статья 86 УПК и определяет полномочия защитника по собиранию доказательств, в таких ситуациях единственный его выход – это обжаловать действия следователя в прокуратуру или суд. Однако зачастую, адвокаты не решаются на данный шаг, опасаясь вызвать агрессию со стороны следователя и усугубления положения подзащитного, а ведь собирание доказательств является первым этапом в процессе доказывания и, что уже говорит об изначальной деформации принципа состязательности и равноправия сторон. Следует отметить, что статья 87 УПК РФ наделяет судью, следователя и дознавателя правом на проверку доказательств, но умалчивает о полномочиях в этой сфере оценки адвоката, что тоже лишает процессуальный статус равноценности статусу следователя. Адвокат Сидоров Анатолий Станиславович удачно отметил, что в части 2 статьи 74 УПК РФ в качестве доказательств не упомянут опрос лиц, предметов, документов, «собранных» адвокатом на основании статьи 86 УПК РФ [6]. Стоит заметить и то, что опрос, в отличие от допроса, не обеспечивается государственным принуждением и следственным действием не является. Дача показаний на допросе в большинстве случаев – обязанность, при опросе – лишь право. Законодатель также не уточняет, какое лицо может быть опрошено: свидетель, потерпевший или понятые; нет и определенных строгих требований к тому, каков по содержанию протокол опроса. Важной проблемой является регламентация передачи предметов документов от опрашиваемого адвокату. Для того, чтобы устранить в уголовном процессуальном праве существующий пробел, можно ввести получение адвокатом письменного заявления от владельца данного предмета; при необходимости можно нотариально заверить подпись лица, подавшего данное заявление. Спорным на практике остается вопрос о необходимости предупреждения адвокатом опрашиваемого лица об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Судя по нормам закона, регламентирующим производство опроса, адвокат не обязан предупреждать об

уголовной ответственности за дачу ложных показаний опрашиваемое им лицо, как и сообщать о своем статусе. Такое положение дел позволяет опрашиваемому лицу сообщать адвокату ложные сведения без какой либо ответственности для опрашиваемого лица. Примечательно, что опрошенное лицо вправе и в будущем отказаться от своих уже данных показаний, что приводит к невозможности использования полученных сведений в качестве доказательства.

На наш взгляд, существуют пути решения данной проблемы. Одним из них является параллельное расследование с оформлением юридически значимых результатов. По мнению Т.Т. Алиева, Н.А. Громова и Л.В. Макарова, «подобные идеи о возможности «параллельного расследования», по сути своей, иллюзорны. Реализовать данную концепцию можно, лишь славя систему российского уголовного процесса [4]. Мы же предлагаем учесть опыт зарубежных государств. Это – передача права сбора доказательств независимому от сторон органу юстиции – участковому судье как в Германии или судебному следователю, как это делается во Франции. При этом органы уголовного преследования лишаются этих процессуальных полномочий и уравниваются со стороной защиты. Если этого не сделать, то можно сказать о декларативном характере Уголовного процессуального законодательства Российской Федерации в сфере собирания доказательств адвокатом, так как он не имеет полномочий по признанию полученной информации в качестве доказательства и должен для этого обращаться к уполномоченному лицу, т.е, он не собирает, а лишь содействует сбору доказательств. С объективной точки зрения на сегодняшний день сторона защиты лишь имеет право оспаривать доказательства, которые представлены стороной обвинения. Необходимо отметить, что отсутствие подлинных гарантий независимости адвоката превращает его из защищенного законом профессионала в лицо, крайне зависимое от следственного органа.

Одним из действенных способов сбора доказательств, направленных на оказание квалифицированной юридической помощи, является адвокатский запрос. Такое право адвоката регламентировано п. 1 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Также, согласно п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, с момента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе собирать и представлять доказательства, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ. УПК РФ наделяет адвоката правом собирать доказательства путем истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии не позднее чем в месячный срок со дня получения запроса адвоката. Вместе с тем, данное право адвоката трудно реализуемо в современных условиях. Существует проблема отказов в предоставлении, запрашиваемых адвокатом в

рамках адвокатского запроса сведений, составляющих государственную, коммерческую, врачебную [2], налоговую или другую охраняемую законом тайну, т.к. адвокат как субъект, право-

мочный получать указанные сведения, отсутствует. Также отсутствует и ответственность за непредставление запрашиваемых сведений, что является проблемой реализации данного права.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018).
2. Обзор судебной практики ВС РФ от 23.11.2005 г. «Обзор судебной практики ВС РФ за третий квартал 2005 года» // БВС РФ. 2006. № 3. С. 27.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017).
4. *Алиев Т.Т.* Уголовно-процессуальное доказывание / Т.Т. Алиев, Н.А. Громов, Л.В. Макаров. М., 2002. С. 49.
5. *Лушкин С.А.* Собираение доказательств защитой. URL : <http://cyberleninka.ru/article/v/sobiranie-dokazatelstv-zaschitoy> (дата обращения 11.11.2018).
6. *Сидоров А.С.* URL : <https://advokatsidorov.ru/sobiranie-dokazatelstv-advokatom.html> (дата обращения 11.11.2018).
7. *Якоби И.В.* «Адвокат в уголовном процессе: проблемы уголовно-процессуальной регламентации и практики». URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/advokat-v-ugolovnom-protseste-problemy-ugolovno-protsessualnoy-reglametatsii-i-praktiki> (дата обращения 11.11.2018).

Literature:

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (edition of 30.10.2018).
2. Review of judicial practice of Russian Armed Forces of 23.11.2005. «Review of judicial practice of Russian Armed Forces for the third quarter 2005» // BVS Russian Federation. 2006. № 3. P. 27.
3. Federal law of 31.05.2002 № 63-FZ «About lawyer activity and legal profession in the Russian Federation» (edition of 29.07.2017).
4. *Aliyev T.T.* Criminal procedure proof / T.T. Aliyev, N.A. Thunders, L.V. Makarov. M, 2002. P. 49.
5. *Lushkin S.A.* Collecting of proofs protection. URL : <http://cyberleninka.ru/article/v/sobiranie-dokazatelstv-zaschitoy> (date of the address 11.11.2018).
6. *Sidorov A.S.* URL : <https://advokatsidorov.ru/sobiranie-dokazatelstv-advokatom.html> (date of the address 11.11.2018).
7. *Jacobi I.V.* «The lawyer in criminal proceedings: problems of a criminal procedure regulation and practice». URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/advokat-v-ugolovnom-protseste-problemy-ugolovno-protsessualnoy-reglametatsii-i-praktiki> (date of the address: 11.11.2018).

Виноградов Михаил Юрьевич
аспирант юридического факультета,
Псковский государственный университет
mihail200967@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов внутренних дел сквозь призму решений Европейского Суда по правам человека; изучаются подходы Европейского Суда по правам человека к вопросам соблюдения прав и свобод личности при организации работы правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности; выявляются проблемы законодательной регламентации полномочий, прав и обязанностей органов государственной власти по отношению к урегулированию возникающих в общественной жизни вопросов и определяются перспективы развития законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, органы государственной власти, органы внутренних дел, права и свободы личности, безопасность граждан, судебные решения.

Важнейшим принципом деятельности органов внутренних дел является принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина (ст. 5 Федерального закона от 07 февраля 2011 года «О полиции» [2]). При этом в числе разнообразных форм обеспечения данного принципа особое внимание, совершенно обоснованно, должно уделяться соотношению деятельности органов внутренних дел с правозащитными идеями Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), которым наработана достаточная практика принятия решений в пользу защиты, провозглашенных в Европейской Конвенции о правах человека и основных свободах (далее – Конвенция), неотъемлемых прав личности, ведь, не редко, деятельность МВД России связана с применением мер принуждения и иных полномочий, ограничивающих права и свободы граждан.

Законность ограничения прав и свобод личности, связанного с применением мер государственного принуждения и иных правоограничивающих полномочий органов внутренних дел, достаточно часто исследуется ЕСПЧ в связи с принятой к рассмотрению жалобой.

Mikhail Yu. Vinogradov
Postgraduate Student of the Law Faculty,
Pskov State University
mihail200967@mail.ru

IMPACT OF DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS ON ACTIVITY OF LAW-ENFORCEMENT BODIES

Annotation. The article discusses the activities of the bodies of internal Affairs through the prism of decisions of the European Court of human rights; examines the approaches of the European Court of human rights to the respect for the rights and freedoms of the individual in the organization of work of law enforcement bodies in ensuring public order and public safety; the problems of legislative regulation of powers, rights and duties of public authorities in relation to the settlement of issues arising in public life are identified and the prospects for the development of legislation and law enforcement practice are determined.

Keywords: European Court of human rights, public authorities, internal Affairs bodies, rights and freedoms of the individual, security of citizens, court decisions.

Изучение правоприменительной практики показывает, что ежегодно в МВД России поступают многочисленные обращения Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека по вопросам рассмотрения в ЕСПЧ жалоб граждан на неправомерные действия должностных лиц органов внутренних дел (именно указанное должностное лицо наделено функциями после получения нотификации по жалобе против Российской Федерации незамедлительно информировать заинтересованные федеральные органы государственной власти и запрашивать у них необходимые для формирования позиции Российской Федерации по делу сведения [3]).

И в дальнейшем Министерством юстиции РФ в соответствии с Указом Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» от 20 мая 2011 г. № 657 [4] осуществляется мониторинг правоприменения в целях выполнения постановлений ЕСПЧ, в связи с которыми необходимы принятие (издание), изменение или признание утратившими силу (отмена) отдельных нормативных правовых актов.

В целом, только в 2017 году в МВД России поступило 136 запросов Уполномоченного по 256 жалобам граждан (в 2016 году – 65; в 2015 году – 79; в 2014 году – 112). При этом, как свидетельствуют результаты рассмотрения ЕСПЧ поступивших из Российской Федерации жалоб, большинство жалоб обоснованы и говорят о нарушениях прав и свобод граждан или их необоснованных ограничениях. И это не может не отражаться на имидже органов внутренних дел, в связи с чем подобная ситуация требует незамедлительного разрешения.

При этом, конечно, нельзя не отметить, что многие проблемы возникают из-за несовершенства законодательства, из-за неопределенности законодательных положений [5].

Наиболее часто предметом рассмотрения ЕСПЧ являются:

– административное выдворение из страны иностранного гражданина или лица без гражданства, отказ в признании беженцем, предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации;

– ненадлежащие условия содержания подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания органов внутренних дел и центрах временного содержания иностранных граждан;

– необоснованное задержание по подозрению в совершении преступлений и жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел;

– нарушение права на свободу собраний и объединений, свободомыслия;

– нарушение права на справедливое и своевременное расследование преступлений и др.

Как видно, ситуации, с которыми приходится сталкиваться гражданам, связаны с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности, с раскрытием и расследованием преступлений, то есть, с теми сферами, где возможно наиболее осязаемое ограничение прав и свобод личности. А значит, государством должны быть предприняты максимальные усилия по снижению степени рисков необоснованного ущемления прав граждан, ориентируясь на решения ЕСПЧ. При этом перекладывать решение возникающих вопросов на плечи федеральных органов исполнительной власти, в частности, МВД России не даст должного результата. Первоначальное решение выявленных ЕСПЧ проблем должно осуществляться на законодательном уровне. И только в дальнейшем будет обоснованным давать указание МВД России о необходимости принятия мер в целях обеспечения исполнения решений ЕСПЧ путем устранения допущенных нарушений положений Конвенции, включая восстановление нарушенных прав заявителей, и (или) предотвращения таких нарушений (как это, к сожалению, происходит в настоящее время).

Рассмотрев жалобы 23 заявителей из разных российских регионов ЕСПЧ счел, что, наложив

серьезные ограничения на проведение запланированных публичных мероприятий, органы власти и местного самоуправления нарушили право заявителей на свободу мирных собраний (что потребовало, в свою очередь, от сотрудников органов внутренних дел применения мер государственного принуждения к лицам, «нарушившим» законодательство о собраниях и митингах).

Установлено, что соответствующие ограничения не были пропорциональными и необходимыми в демократическом обществе и основывались на законодательстве, которое предоставляет органам власти слишком дискреционные полномочия и не содержит достаточных гарантий против их произвольного применения.

Так, Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [1] (далее – Закон о собраниях), предусматривая необходимость согласования организаторами публичных мероприятий времени и места их проведения с органами власти, а также возможность данных органов предлагать другие места для соответствующих акций, не содержит четких критериев обоснованности соответствующих предложений. Это приводит к тому, что отказы в согласовании времени и места проведения публичных мероприятий не отвечают требованиям Конвенции и не являются пропорциональными какой-либо преследуемой законной цели.

В частности, несостоятельны отказы в согласовании в проведении времени и места публичных мероприятий лишь на основании того, что они могли воспрепятствовать нормальному движению транспорта, работе коммунальных служб, коммерческой деятельности, повседневной жизни граждан, проведению ремонтных работ и др. (это, само по себе, не оправдывает действия по вмешательству в право на свободу собраний со стороны властей, которые должны проявлять определенную степень терпимости).

Так же несостоятельны отказы властей в согласовании времени и места проведения публичных акций ввиду ссылок на необходимость предупреждения правонарушений и обеспечения безопасности (например, ввиду риска террористических атак), так как сами отказы не содержат ссылок на какие-либо свидетельства и доказательства, подтверждающие существование каких-либо рисков, или оценку того, были ли соответствующие риски достаточно серьезными, чтобы обосновать ограничения свободы собрания.

Рассмотрев установленный в части 1 и 2 ст. 8 Закона о собраниях запрет на проведение публичных мероприятий в определенных местах (на территориях, непосредственно прилегающих к зданиям судов, учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы и др.), а также предусмотренную данным законом возможность установления региональными законами дополнительного перечня мест, где запрещены публичные мероприятия, ЕСПЧ отметил недостаточность оснований для оправдания существо-

вания таких общих запретов. Соответственно, отказ в согласовании проведения публичных мероприятий в подобных местах, без учета конкретных обстоятельств дела, не может рассматриваться как необходимый по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

Анализ законодательства других государств-участников Конвенции показывает, что лишь небольшая часть из них установила законодательные ограничения на проведение публичных мероприятий в определенных местах и, соответственно, как правило, все места доступны для публичных акций.

ЕСПЧ напомнил, что соблюдение порядка, регулирующего проведение публичных мероприятий, хотя и является важным, но не должно быть самоцелью и, если демонстранты не совершают актов насилия, государственным органам важно проявлять достаточную степень толерантности по отношению к мирным собраниям.

Кроме того, ЕСПЧ признаны несоответствующими положениям Конвенции действия сотрудников полиции по доставлению организаторов и участников публичных мероприятий в органы полиции для составления протокола об административном правонарушении, поскольку ст. 27.2 КоАП предусматривает, что правонарушитель может быть доставлен в отделение полиции в этих целях только при невозможности составления протокола на месте выявления правонарушения.

Как нарушение конвенционных требований и российского законодательства оценено и задержание некоторых заявителей – участников публичных акций, поскольку не было представлено никакого обоснования применения ст. 27.3 КоАП, а именно того, что задержание было необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении.

Не отрицая необходимость применения мер безопасности в ходе публичных мероприятий,

Литература:

1. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.
2. Федеральный закон «О полиции» от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
3. Указ Президента Российской Федерации «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека заместителе Министра юстиции Российской Федерации» от 29 марта 1998 г. № 310 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1540.

ЕСПЧ счел, что регламентация соответствующей деятельности в российском законодательстве и фактическое применение соответствующих норм закона не отвечает конвенционным требованиям.

Так, к мерам обеспечения безопасности, доступным органам власти, охраняющим порядок при проведении публичных мероприятий, относится досмотр участников мероприятия и их личных вещей (пункт 18 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции»). Это неизбежно предусматривает оцепление или ограждение места проведения публичного мероприятия для предотвращения входа тех лиц, которые еще не были досмотрены, или тех, кто отказался проходить досмотр. Данное положение законодательства сформулировано в общих терминах и не дает указаний на обстоятельство, в которых полиция может использовать закрепленные за ней полномочия. В законодательстве отсутствует требование, чтобы соответствующие меры обеспечения безопасности рассматривались как пропорциональные ситуации и «необходимые в демократическом обществе» и исключали возможность их произвольного применения.

Необходимо отметить, что сотрудники органов внутренних дел (а также, суды и иные правоохранительные органы) принимают необходимые меры к обеспечению общественного порядка и сохранению общественной безопасности, руководствуясь национальным законодательством, действуя в рамках закона и во исполнение закона. Вместе с тем, названная деятельность МВД России признается на международном уровне в качестве фактора, ограничивающего права и свободы российских граждан. При этом МВД России рекомендуется принять меры по устранению допущенных нарушений положений Конвенции, включая восстановление нарушенных прав заявителей и предотвращение таких нарушений, несмотря на то, что средств и необходимых полномочий в этой сфере у МВД России на сегодняшний день нет.

Literature:

1. Federal law «On meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing» of June 19, 2004 № 54-FZ (ed. from 11.10.2018) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2004. № 25. Art. 2485.
2. Federal law «On police» of February 07, 2011 № 3-FZ (ed. from 01.04.2009) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.
3. Decree of the President of the Russian Federation «On the Commissioner of the Russian Federation to the European Court of human rights Deputy Minister of justice of The Russian Federation» of March 29, 1998 № 310 // Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 14. Art. 1540.

4. Указ Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (вместе с «Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации») от 20 мая 2011 г. № 657 (ред. от 25.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.

5. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2017 год // Текст документа опубликован на сайте URL : <http://government.ru> (дата обращения 02.03.2019).

4. Decree of the President of the Russian Federation «On monitoring of law enforcement in the Russian Federation» (together with «Regulations on monitoring of law enforcement in the Russian Federation») dated may 20, 2011 № 657 (ed. from 25.07.2014) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 21. Art. 2930.

5. Report on the results of monitoring of law enforcement in the Russian Federation for 2017 // the Text of the document published on the website URL : <http://government.ru> (date of application 02.03.2019).

Ермилов Валерий Борисович
преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
ErVB-advokat@yandex.ru

Valery B. Ermilov
Teacher of Department
Public-legal disciplines,
Vladimir legal institute
Federal Service
Executions of Punishments
ErVB-advokat@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ «БЕНЕФИЦИАРА» В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ОРГАНИЗАЦИИ

CIVIL LIABILITY OF THE «BENEFICIARY» IN THE EVENT OF BANKRUPTCY OF THE ORGANIZATION

Аннотация. В статье анализируется термин «бенефициар», раскрываются критерии, позволяющие отнести лиц к таковым в деле о банкротстве организации. При этом применение данного термина осложняется отсутствием его в законодательстве о банкротстве. Автором раскрываются основания и условия привлечения к гражданско-правовой ответственности «бенефициара» юридического лица в деле о несостоятельности (банкротстве). В заключение автор приходит к выводу, что при признании бенефициара должника контролирующим лицом и привлечении его к субсидиарной ответственности повысит практический эффект по увеличению конкурсной массы.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, «бенефициар» организации должника.

Annotation. The article analyzes the term «beneficiary», reveals the criteria allowing to refer persons to those in the case of bankruptcy of the organization. At the same time, the use of this term is complicated by the lack of it in the bankruptcy legislation. The grounds and conditions of bringing to civil liability of the «beneficiary» of a legal entity in insolvency (bankruptcy) are disclosed. In conclusion, the author comes to the conclusion that the recognition of the debtor's beneficiary as a controlling person and bringing it to subsidiary liability will increase the practical effect of increasing the bankruptcy estate.

Keywords: insolvency (bankruptcy), subsidiary liability, controlling person of the debtor, "beneficiary" of the debtor's organization.

Законодательство о банкротстве, находясь в стадии реформирования, претерпевает существенные изменения, и в последние годы одним из самых острых стал вопрос о гражданско-правовой ответственности лиц контролирующих должника.

Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве) с 30 июля 2017 года дополнен новой главой III. 2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», в связи с чем, в подходе привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника произошли кардинальные изменения.

В целях обеспечения единства практики применения судами Закона о банкротстве 21 декабря 2017 года, Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [2], дал разъяснения по всем изменениям, которые внесены Законом № 266-ФЗ от 29 июля 2017 г. [3].

Важность данного Постановления для кредиторов и должников состоит в том, что именно им будут руководствоваться все суды, которые рассматривают дела по субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника.

В соответствии с пунктом 5 статьи 61.10 Закона о банкротстве, кардинально расширился круг «Контролирующих должника лиц» и субъектов субсидиарной ответственности. Новое правило позволяет арбитражному суду отнести к таковым любого, кто имел реальную возможность определять действия должника, при этом природа возникновения указанной возможности (юридическая или фактическая) не имеет значения. Суд по собственному усмотрению сам определяет контролирующее должника лицо, не ограничиваясь признаками, перечисленными в указанной статье.

Вместе с тем, введение в законодательство новых положений, не исключает имеющиеся проблемы правового регулирования, что, в свою очередь, значительно осложняет привлечение к гражданско-правовой ответственности лиц при банкротстве организаций.

Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц позволяет возместить ущерб кредиторам, когда организация становится несостоятельной (банкротом), однако, упомянутый механизм работает неэффективно.

Одной из сложных проблем в деле о банкротстве организаций является привлечение к гражданско-правовой ответственности реальных собственников, бенефициаров.

В российском гражданском законодательстве не дается понятия «бенефициарный собственник». Понятие «бенефициарный владелец» дается в статье 3 Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [4].

Понятие «бенефициарный владелец юридического лица» используется в законодательстве уже несколько лет, но в последние годы оно все активнее входит в деловой оборот.

Термин «бенефициар» (beneficiary) имеет несколько пояснений и произошел от французского слова *benefice*, что в переводе означает прибыль, пользу.

На наш взгляд, недостаточно использовать указанный термин, необходимо дать четкое понятие «бенефициар должника» в Законе о банкротстве.

В данном случае, речь идет о физическом лице, которое напрямую или через участие в других организациях пользуется правами владельца и является собственником компании, хотя при этом юридически право собственности принадлежит другим лицам.

Как правило, в учредительных документах бенефициарный собственник не фигурирует, а также, каких-либо сведений в учредительных документах о нем не содержатся. Однако бенефициарный собственник организации полностью контролирует все действия номинального директора на основании конфиденциального соглашения заключенного между ними.

В связи с этим, на практике недостаточно выявить и доказать бенефициара должника, а необходимо еще найти его активы. Для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц следует в каждом конкретном случае и с учетом конкретных обстоятельств исследовать доказательства, свидетельствующие об осуществлении лицом фактического контроля над должником.

Арбитражные суды крайне редко привлекают к ответственности истинных бенефициаров – физических лиц, которые получают прибыль от деятельности организаций или управления имуществом.

Из пункта 9 статьи 61.11 Закона о банкротстве следует, что арбитражный суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности лицо, привлекаемое к

субсидиарной ответственности, если это лицо докажет, что оно при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления номинально), и если, благодаря предоставленным этим лицом сведениям, установлено фактически контролировавшее должника лицо, в том числе, отвечающее условиям, указанным в подпунктах 2 и 3 пункта 4 статьи 61.10 настоящего Федерального закона, и (или) обнаружено скрывавшееся последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица.

Новеллу Закона о банкротстве можно сравнить по аналогии «сделкой со следствием» для контролирующего лица – «номинала». Несмотря на то, что «номинальный» учредитель или руководитель должника, по сути, не теряет статуса контролирующего лица, потому что теоретически сохраняет возможность управления организацией, он может частично или полностью освободиться от субсидиарной ответственности, если поможет установить настоящих бенефициаров.

Таким образом, чтобы снизить или исключить «номинальному учредителю (участнику), директору свою ответственность, недостаточно просто указать на «теневого» собственника (бенефициара). Лицу, осуществляющему функции органа управления, необходимо доказать, что он является «номинальным», раскрыть сведения об имуществе и доходах реального контролирующего лица либо поделить схему вывода активов, что поможет применить обеспечительные меры.

Арбитражные суды при рассмотрении дел о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя должника иногда сталкиваются с тем, что директор не отрицает, что, имея право подписи, он заключал договора, открывал счета в банках, при этом, по утверждению такого директора, он не в курсе, например, о местонахождении действующего офиса, в каком банке расположен текущий счет, реальное руководство организацией не осуществлял. При этом он указывает на то, что являлся лицом, которое лишь формально выступало руководителем организации, однако, не имело полномочий для принятия управленческих решений.

При таких обстоятельствах, даже если директор и называет себя «номинальным директором», это не освобождает его от гражданско-правовой ответственности как руководителя организации.

Однако получение судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности номинального руководителя не ведет к достижению основной цели, а именно, к привлечению к ответственности реального бенефициара должника, за счет которого будет произведено удовлетворений кредиторов.

Для номинальных директоров и учредителей Закон о банкротстве предусматривает возмож-

ность избежать субсидиарной ответственности, если они помогут выявить реальных бенефициаров должника и их имущество.

При наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности нескольких лиц (например, когда имел место сговор между реальным бенефициаром, главным бухгалтером, генеральным и финансовым директором) такие лица отвечают солидарно.

Стоит отметить, что основанием для привлечения к субсидиарной ответственности бенефициара должника является взаимосвязь, существующая между принятыми управленческими и хозяйственными решениями и сложившейся неплатежеспособностью компании, которая привела к ее банкротству.

Суды не привлекают к субсидиарной ответственности контролирующих компанию лиц, в том числе, ее бенефициаров в случае, если материалами дела установлено, что причинная связь между сделками должника, неисполнением обязательств перед кредиторами и банкротством отсутствует, а негативные последствия сделок обусловлены рисками предпринимательской деятельности.

Бенефициар должника организации не отвечает за банкротство компании, если докажет отсутствие в этом своей вины. Для этого он должен подтвердить следующие обстоятельства (п. 10 ст. 61.11):

– бенефициар должника действовал в интересах компании в соответствии с принятыми условиями гражданского оборота, добросовестно и разумно;

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2018. № 3.
3. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Российская газета». 04.08.2017. № 172.
4. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // «Собрание законодательства РФ». 13.08.2001, № 33 (Часть I). Ст. 3418.

– бенефициар должника не нарушал имущественные права кредиторов;

– действия бенефициара должника направлены на предотвращение причинения еще большего ущерба интересам кредиторов.

В заключение хотелось бы отметить, что институт субсидиарной ответственности – это важная гарантия защиты прав кредиторов в делах о банкротстве, а вопросы, связанные с теоретическими и практическими проблемами реализации привлечения к гражданско-правовой ответственности лиц при банкротстве организаций, требуют совершенствования законодательства в данной области.

Для восстановления нарушенных прав кредиторов в деле о банкротстве необходимо привлекать к субсидиарной ответственности именно бенефициаров должника, так как именно последние и принимают решения о противоправных действиях.

Если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия бенефициарасобственника организации, то в случае недостаточности имущества должника бенефициар несет субсидиарную ответственность по его обязательствам.

Таким образом, при признании бенефициара должника контролирующим лицом и привлечении его к субсидиарной ответственности повысит практический эффект по увеличению конкурсной массы, восстановлению прав кредиторов.

Literature:

1. Federal law of 26.10.2002 № 127-FZ (ed. of 29.05.2009) «On insolvency (bankruptcy)» // «Assembly of the legislation of the Russian Federation», 28.10.2002. № 43. Art. 4190.
2. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 № 53 «About some questions connected with attraction of the controlling debtor of persons to responsibility at bankruptcy» // «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation». 2018. № 3.
3. Federal law of 29.07.2017 № 266-FZ «On amendments to the Federal law «On insolvency (bankruptcy)» and the Code of administrative offences of the Russian Federation» // «Rossiyskaya gazeta». 04.08.2017. № 172.
4. Federal law of 07.08.2001 № 115-FZ (ed. of 18.03.2009) «On combating legalization (laundering) of proceeds from crime and financing of terrorism» // «Collection of legislation of the Russian Federation», 13.08.2001. № 33 (Part I). Art. 3418.

Игнатов Александр Николаевич
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of the Krasnodar University
the Ministry of Internal Affairs of Russia
aleksandrignatov@mail.ru

ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

TYPES OF CORRUPTION CRIMES COMMITTED BY EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS

Аннотация. Учитывая общественную опасность и масштабность криминальных форм проявления коррупции, противодействие ее проявлениям в органах внутренних дел является одной из первостепенных задач. В свою очередь, это требует четкого определения объекта превентивного воздействия – конкретных видов преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, имеющих как непосредственно коррупционный характер, так и направленных на реализацию и обеспечение преступной коррупционной деятельности.

Ключевые слова: коррупция, использование служебного положения, преступление, сотрудники органов внутренних дел.

Annotation. Given the public danger and the scale of criminal forms of corruption, countering its manifestations in the internal affairs officers is one of the primary tasks. In turn, this requires a clear definition of the object of preventive impact – types of corruption-related crimes committed by employees of the internal affairs officers, which are both directly of a corruption nature and aimed at the implementation and maintenance of criminal corruption activities.

Keywords: corruption, use of official position, crime, internal affairs officers.

Статья 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ, определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение данных деяний, от имени или в интересах юридического лица. Несмотря на юридическую определенность, за указанным законодательным определением коррупции кроется широкий спектр коррупционных проявлений.

В публичных общественных отношениях всегда одна из сторон наделена властными полномочиями и эту сторону следует признавать субъек-

том властных полномочий. Субъект властных полномочий доминирует над остальными участниками публичных общественных отношений (физические и юридические лица), по средствам делегированных государству либо органу местного самоуправления народом и населением полномочий, части своих прав и свобод. Реализация функций органов публичной власти осуществляется по средствам наличия аппарата принуждения. Деятельность публичной власти и ее субъектов должна базировать на принципе «разрешено то, что прописано в законе, что не прописано – то запрещено». В реальности коррупция в органах публичной власти – явление системное. Основным фактором системности коррупции в органах публичной власти является ее целостность и взаимосвязь с другими системами и обществом как метасистемой, выражающаяся в ее негативном влиянии на них и на сами органы публичной власти, в том числе [4].

Традиционно для российского управленческого аппарата, независимо от иерархического уровня, характерны такие проявления коррупции, как:

– получение за свою служебную деятельность или в связи с ней, за покровительство или попустительство по службе незаконного вознаграждения в виде денег, иных материальных ценностей и услуг, в том числе в завуалированной форме путем выплаты незаконных премий, комиссионных, явно завышенных гонораров, оплаты самому должностному лицу или членам его семьи якобы выполнявшейся работы, поездок под деловым предлогом за границу, приобретения недвижимости за границей, открытия для них счетов в иностранных банках, выдачи беспроцентных долгосрочных кредитов;

– совместительство в коммерческих структурах, подконтрольных государственному или муниципальному служащему или заинтересованных в сотрудничестве с ним;

– организация коммерческих структур должностными лицами, использующими при этом свой статус, участие в руководстве этими структурами, обеспечение им привилегированного положения;

– использование служебного положения в процессе приватизации государственных предприятий в целях приобретения их в частную собственность или завладения значительным числом акций самим чиновником, близкими ему лицами или иными частными лицами, в чьих интересах действует должностное лицо;

– незаконная передача из корыстных или иных побуждений коммерческим организациям финансов и кредитов, предназначенных для общегосударственных нужд;

– использование не предусмотренных правовыми актами преимуществ в получении кредитов, ссуд, приобретении ценных бумаг, недвижимости и иного имущества;

– использование в личных или групповых целях предоставленных для служебной деятельности помещений, средств транспорта и связи, электронно-вычислительной техники, денежных средств и другого государственного или муниципального имущества;

– «бюрократический рэкет» при регистрации уставов и других учредительных документов, создаваемых организацией, лицензировании соответствующей деятельности, оформлении таможенных документов, получении кредитов и т.д. [1, с. 13].

Не меньшую распространенность среди служебных публичных лиц получили такие проявления коррупции, как:

– использование служебного положения для воздействия на средства массовой информации с целью получения личной и корпоративной выгоды;

– лоббирование при принятии нормативных актов в интересах заинтересованных групп;

– использование служебного положения для перекачки государственных средств в коммерческие структуры и обналичивания денег [11, с. 54];

– учреждение органами исполнительной власти коммерческих структур, различных фондов;

– вознаграждение за получение выгодных контрактов,

– установление неправомерно высоких гонораров за публикации или лекции;

– устройство на работу родственников, друзей, знакомых [8, с. 20–21].

Кроме того, в юридической литературе к коррупционным проявлениям в деятельности государственных служащих, которые по своему сущностному содержанию носят характер коррупционного правонарушения, но не легитимированы в качестве таковых, отнесены:

– использование государственным служащим своих служебных полномочий при решении разнообразных вопросов, связанных с удовлетворением материальных потребностей служащего либо его родственников;

– предоставление не предусмотренных законом преимуществ (протекционизм, семейственность) при поступлении на государственную службу и продвижении по государственной службе;

– неправомерное предпочтение физическим лицам, индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам в предоставлении публичных услуг, а также в оказании содействия в осуществлении предпринимательской деятельности;

– использование в личных или групповых интересах информации, полученной при выполнении служебных обязанностей, если такая информация не подлежит официальному распространению;

– требование от физических и юридических лиц информации, предоставление которой этими лицами не предусмотрено законом;

– нарушение установленного законом порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц и пр. [9; 10; 12; 13, с. 310–325; 14].

Как можем видеть, коррупция проявляется в самых разнообразных сферах властно-публичных отношений, а субъектами коррупционных проявлений, в частности, коррупционных преступлений как наиболее опасной формы проявления коррупции являются практически все носители властных (в широком понимании) полномочий. К сожалению, коррупция не чужда и правоохранительным органам, в том числе, органам внутренних дел – наиболее многочисленному и многофункциональному в правоохранительной сфере органу.

Выделение отдельных видов преступности по критерию субъекта преступлений является устоявшимся в криминологии методологическим

приемом. Личность преступника является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения, что позволяет выделять отдельные виды преступлений исходя из субъективных характеристик лиц, их совершающих [2, с. 7]. Определение субъекта преступления в качестве основы выделения преступлений, совершаемых работниками правоохранительных органов как отдельного вида преступлений, способствует дальнейшему целенаправленному изучению данной категории преступников, позволяет объективно познать суть данного явления, рассмотреть и проанализировать специфику совершаемых ими преступлений, а также дифференцировать меры противодействия [3].

Сотрудник органов внутренних дел в рамках закона наделен специфическими полномочиями, имеет соответствующие знания материального и процессуального законодательства, а также специальные навыки (в том числе, оперативно-разыскной деятельности) и умения, которые могут быть использованы как при совершении преступления, так и при сокрытии следов преступления и т.д., что существенно повышает общественную опасность преступлений, совершаемых данной категорией лиц и крайне отрицательно сказывается на эффективности деятельности по минимизации уровня преступности в целом [5, с. 5]. Учитывая общественную опасность и масштабность криминальных форм проявления коррупции, противодействие ее проявлениям в органах внутренних дел является одной из первостепенных задач. В свою очередь, это требует четкого определения объекта превентивного воздействия – круга преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, имеющих как непосредственно коррупционный характер, так и направленных на реализацию и обеспечение преступной коррупционной деятельности [7, с. 131–134], а также конкретных их видов.

Законодательного закрепления понятия «коррупционная преступность» и «коррупционные преступления» в законодательных актах России, к сожалению, нет, однако следует отметить, что Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ утвержден перечень статей (Перечень № 23) Уголовного кодекса РФ (далее, УК РФ), (Указание Генпрокуратуры России N 870/11, МВД России № 1 от 27.12.2017 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»), используемый при формировании статистической отчетности и содержащий статьи УК РФ, предусматривающие преступления коррупционной направленности, согласно которому к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического ли-

ца, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;

2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

3) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

4) совершение преступления только с прямым умыслом.

Также, в порядке исключения, в качестве таковых признаются преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения указанными лицами выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды.

Сотрудники органов внутренних дел являются лицами, занимающими должности в органах внутренних дел, т.е. являются должностными лицами. При этом сотрудники органов внутренних дел как должностные лица, в соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, могут иметь данный статус в связи с осуществлением функций представителя власти, а также в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций

Что касается связи преступного деяния со служебным положением субъекта, то использование лицом, в том числе, сотрудником органов внутренних дел своего служебного положения охватывает:

1) использование служебным лицом любых фактических возможностей, которые вытекают из полномочий, присущих ему в связи с занимаемой должностью, профессиональной либо трудовой деятельностью;

2) использование служебным лицом атрибутов служебного лица (служебное удостоверение, форменная одежда и т.п.);

3) использование служебным лицом специальных средств, огнестрельного оружия и прочих орудий и технических средств, доступ к которым служебное лицо имеет, в связи с осуществлением им служебной деятельности (занимаемой должностью, профессиональной либо трудовой деятельностью);

4) использование служебным лицом соответствующих знаний, умений и навыков, а также информации, которыми служебное лицо владеет, в связи с осуществлением им служебной деятель-

ности (занимаемой должностью, профессиональной либо трудовой деятельностью) [6].

Именно такой подход к пониманию использования лицом своего служебного положения наиболее полно, на наш взгляд, отражает уголовно-правовую и криминологическую сущность категории, так называемых «служебных» преступлений. А в части уголовно-правовой и криминологической оценки преступных коррупционных деяний сотрудников органов внутренних дел позволяет относить к данной категории преступлений в ряде случаев такие деяния, совершаемые с использованием служебного положения и имеющие корыстную направленность, коррупционный характер которых признан на международном уровне, как, например, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ), принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ) и пр.

Совокупность установленных выше признаков позволяет, на наш взгляд, определить круг преступных деяний, которые следует отнести к категории преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, и выделить следующие группы (в соответствии с критериями, определенными Перечнем № 23) преступлений, ответственность за которые предусмотрена УК РФ:

1) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности без дополнительных условий:

– нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ч. 1 ст. 1411 УК РФ);

– оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 1, 2 ст. 184 УК РФ);

– коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ);

– посредничество в коммерческом подкупе (ст. 2041 УК РФ);

– мелкий коммерческий подкуп (ст. 2042 УК РФ);

– контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно, стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких

животных и водных биологических ресурсов (п. «а» ч. 2 ст. 2261 УК РФ);

– контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (п. «б» ч. 2 ст. 2291 УК РФ);

– незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ);

– получение взятки (ст. 290 УК РФ);

– дача взятки (ст. 291 УК РФ);

– посредничество во взяточничестве (ст. 2911 УК РФ);

– мелкое взяточничество (ст. 2912 УК РФ);

2) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности, при наличии определенных условий:

а) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности, при установлении факта коррупционной направленности основного преступления:

– легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ);

– легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 1741 УК РФ);

– приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ);

– организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ч. 3 ст. 210 УК РФ);

б) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности, в соответствии с международными актами при установлении факта коррупционной направленности преступного деяния:

– воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ч. 3 ст. 294 УК РФ);

– посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ);

– угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ);

– принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ);

– заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод ст. 307 УК РФ;

– подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ);

в) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности, при установлении факта совершения преступного деяния с корыстным мотивом:

– воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «а», «б» ч. 2, ч. 3 ст. 141 УК РФ);

– фальсификация избирательных документов, документов референдума (ч. 2, 3 ст. 142 УК РФ);

– незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ч. 2 ст. 258.1 УК РФ);

– злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ);

– нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ);

– внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285.3 УК РФ);

– превышение должностных полномочий (ч. 1, 2, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ);

– служебный подлог (ст. 292 УК РФ);

– привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ч. 3 ст. 299 УК РФ);

– фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 2, 4 ст. 303 УК РФ);

г) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности при установлении факта совершения преступного деяния должностным лицом (сотрудником органов внутренних дел):

– хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (п. «в» ч. 3, ч. 4 ст. 226 УК РФ);

– контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия

массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ч. 3 ст. 226.1 УК РФ);

– нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (ч. 2 ст. 228.2 УК РФ);

– хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ);

– контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ч. 3, 4 ст. 229.1 УК РФ);

д) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности при установлении факта совершения преступного деяния должностным лицом (сотрудником органов внутренних дел) и с корыстным мотивом:

– незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ч. 3, 4 ст. 183 УК РФ);

– незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «б» ч. 3 ст. 228.1 (дата возбуждения уголовного дела 01.01.2013), п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ);

– незаконное производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконное сбыт или пересылка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (п. «б» ч. 2 ст. 228.4 УК РФ);

– незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ч. 3 ст. 256 УК РФ);

– незаконная охота, совершенная лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 258 УК РФ);

– незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в

Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ч. 3 ст. 258.1 УК РФ);

– незаконная рубка лесных насаждений п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 260 УК РФ;

– фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 1, 3 ст. 303 УК РФ);

– организация незаконной миграции (ст. 3221 УК РФ);

– фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 3222 УК РФ);

– фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 3223 УК РФ);

е) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности при установлении факта совершения преступного деяния должностным лицом (сотрудником органов внутренних дел) с использованием своего служебного положения:

– мошенничество (ч. 3–7 ст. 159 УК РФ);

– мошенничество в сфере кредитования (ч. 3, 4 ст. 1591 УК РФ);

– мошенничество при получении выплат (ч. 3, 4 ст. 1592 УК РФ);

– мошенничество с использованием платежных карт (ч. 3, 4 ст. 1593 УК РФ);

– мошенничество в сфере страхования (ч. 3, 4 ст. 1595 УК РФ);

– мошенничество в сфере компьютерной информации (ч. 3, 4 ст. 1596 УК РФ);

– присвоение или растрата (ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ);

– хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ч. 3, 4 ст. 229 УК РФ);

Литература:

1. *Волженкин Б.В.* Коррупция: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. 44 с.

2. *Игнатов А.Н.* Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1(39). С. 6–11.

ж) преступления, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности при установлении факта совершения преступного деяния должностным лицом (сотрудником органов внутренних дел) с использованием своего служебного положения и с корыстным мотивом:

– незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ч. 5 ст. 2281 УК РФ);

з) преступления, которые могут способствовать совершению преступлений коррупционной направленности, относящиеся к преступлениям коррупционной направленности при установлении факта совершения преступного деяния связанного с подготовкой, в том числе, мнимой, условий для получения должностным лицом (сотрудником органов внутренних дел) выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества либо незаконного представления такой выгоды:

– мошенничество (ст. 159 УК РФ);

– мошенничество в сфере кредитования (ст. 1591 УК РФ);

– мошенничество при получении выплат (ст. 1592 УК РФ);

– мошенничество с использованием платежных карт (ст. 1593 УК РФ);

– мошенничество в сфере страхования (ст. 1595 УК РФ);

– мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 1596 УК РФ);

– воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ);

– принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ).

Таким образом, проведенный с учетом специфики субъекта преступления и уголовно-правовых характеристик соответствующих деяний анализ действующих форм статистической отчетности позволил определить конкретные виды преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел.

Literature:

1. *Volzhenkin B.V.* Corruption: A series of "Modern standards in criminal law and criminal procedure." SPb., 1998. 44 p.

2. *Ignatov A.N.* The concept of common crime // Bulletin of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(39). P. 6–11.

3. *Игнатов А.Н.* Типология сотрудников правоохранительных органов, совершающих насильственные преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 20. С. 92–97.
4. *Игнатов А.Н.* Коррупция в органах публичной власти как системное явление / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Российская криминологическая ассоциация. 2015. С. 163–164.
5. *Игнатов А.Н.* Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного насилия в органах внутренних дел : науч.-практ. пособие / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров. Краснодар, 2017. 152 с.
6. *Игнатов А.Н.* К определению содержания и уголовно-правовой оценке понятия «использование служебного положения» / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров, А.А. Венедиктов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 87–93.
7. *Игнатов А.Н.* Преступления коррупционной направленности, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел: определение категории / А.Н. Игнатов, А.З. Хун // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71). № 2. С. 131–134.
8. *Костенников М.В.* К вопросу о понятии коррупции в российском праве // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2010. № 1(14). С. 16–21.
9. *Кудашкин А.В.* Еще раз о правовом понятии коррупции / А.В. Кудашкин, Т.Л. Козлов // Современное право. 2010. № 6. С. 3–8.
10. *Куракин А.В.* Современные формы проявления коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Гражданин и право. 2008. № 2. С. 15–25.
11. *Попова В.В.* К вопросу о понятиях «коррупция» и «преступления коррупционной направленности» // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 3. С. 52–56.
12. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел : учебное пособие / С.В. Иванцов и др. М. : Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2015. 157 с.
13. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учебник / Под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 639 с.
14. Служебная дисциплина и формирование антикоррупционного поведения сотрудников ОВД : учебное пособие / Под ред. профессора С.Н. Бочарова и профессора С.В. Иванцова. М. : ДГСК МВД России, 2016. 64 с.
3. *Ignatov A.N.* Typology of law enforcement officers who commit violent crimes // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2011. № 20. P. 92–97.
4. *Ignatov A.N.* Corruption in public authorities as a systemic phenomenon / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // Corruption: the state of opposition and ways to optimize the struggle. Russian Criminological Association. 2015. P. 163–164.
5. *Ignatov A.N.* Criminological characteristics and the prevention of unlawful violence in the internal affairs officers : scientific and practical grant / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov. Krasnodar, 2017. 152 p.
6. *Ignatov A.N.* On the legal definition of criminal law evaluation of the concept of «use of official position» / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov, A.A. Venediktov // Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. 2016. T. 2(68) № 1. P. 87–93.
7. *Ignatov A.N.* Crimes of corruption committed by employee of the internal affairs officers: definition of a category / A.N. Ignatov, A.Z. Hun // Scientific notes of V.I. Vernadskycrimean federal university. Juridical science. 2019. T. 5(71). № 2. P. 131–134.
8. *Kostennikov M.V.* On the issue of the concept of corruption in Russian law // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1(14). P. 16–21.
9. *Kudashkin A.V.* Once again about the legal concept of corruption / A.V. Kudashkin, T.L. Kozlov // Modern Law. 2010. № 6. P. 3–8.
10. *Kurakin A.V.* Modern forms of corruption in the civil service of the Russian Federation // Citizen and Law. 2008. № 2. P. 15–25.
11. *Popova V.V.* On the issue of the concepts of «corruption» and «crimes of corruption» // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 3. P. 52–56.
12. Prevention of corruption in the internal affairs bodies and the formation of anti-corruption behavior of employees and employees of the internal affairs bodies : a tutorial / S.V. Ivantsov et al. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. V.Ya. Kikoty, 2015. 157 p.
13. Prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies: a textbook / ed. V.Ya. Kikoty, S. Ya. Lebedeva. 3rd ed., Pererab and add. M. : UNITY-DANA, 2017. 639 p.
14. Service discipline and the formation of anti-corruption behavior of police officers : a tutorial / ed. Professor S.N. Bocharov and Professor S.V. Ivantsov. M. : DGSK MIA of Russia, 2016. 64 p.

Качмазова Альбина Владимировна
старший преподаватель
кафедры уголовно права и процесса,
Горский государственный
аграрный университет,
г. Владикавказ
kachmazovaalbina@mail.ru

Albina. V. Kachmazova
Senior Lecturer Department
of Criminal Law and Procedure,
Gorsky State Agrarian University,
g. Vladikavkaz
kachmazovaalbina@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ И (ИЛИ) ОБ ОПОВЕРЖЕНИИ РАНЕЕ РАСПРОСТРАНЁННОЙ ИНФОРМАЦИИ

CRIMINAL LIABILITY FOR FAILURE TO EXECUTE A COURT ORDER TO STOP THE DISSEMINATION OF INFORMATION AND (OR) TO REFUTE PREVIOUSLY DISTRIBUTED INFORMATION

Аннотация. Статья посвящена новелле отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия фактам неисполнения судебных постановлений – части 1 статьи 315 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данной нормой под уголовно-правовой запрет поставлено неисполнение судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации. Определено содержание непосредственного объекта этого преступления, которое является более конкретизированным в сравнении с объектом традиционного состава неисполнения судебного постановления, раскрыты иные юридически значимые признаки данного общественно опасного деяния.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, квалификация преступлений, правосудие, судебное постановление, злость, неисполнение, административная преюдиция.

Традиционная для отечественного уголовного законодательства норма об ответственности за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ) имела довольно длительную историю своего существования в неизменном виде. Юридически значимые признаки данного преступления были обстоятельно изучены в теории уголовного права, что во многом обуславливало весьма стабильную практику применения этого уголовно-правового запрета. Необходимо заметить, что названная норма уголовного закона не вызывала серьёзных нареканий со стороны специалистов.

Annotation. The article is devoted to the novel of the domestic criminal legislation in the sphere of counteraction to the facts of non-execution of judgments – part 1 of article 315 of the Criminal code of the Russian Federation. This provision under the criminal law prohibition is put non-execution of the judicial resolution on the termination of distribution of information and (or) about a denial of earlier distributed information. The content of the direct object of this crime, which is more specific in comparison with the object of the traditional composition of non-execution of the judgment, disclosed other legally significant features of this socially dangerous act.

Keywords: criminal liability, crime, qualification of crimes, justice, judicial decision, malice, non-execution, administrative prejudice.

Науке уголовного права известны лишь многочисленные и обоснованные предложения по криминализации неисполнения судебных постановлений не только специальными субъектами, но и любыми лицами, включая граждан [1, с. 97]. В этих условиях конструкция ст. 315 УК РФ была существенно преобразована Федеральным законом от 02.10.2018 № 348-ФЗ. Ранее действовавшая диспозиция ст. 315 УК РФ стала её частью второй, а в первой части ныне регламентирована ответственность за злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению лицом, под-

вергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, совершённое в отношении того же судебного акта.

В юридической литературе основной непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, обычно трактуется как общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением правосудия. Зачастую, в качестве дополнительного непосредственного объекта выделяются общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения конституционных прав граждан, общества, юридических лиц и государства [2, с. 183].

Можно предположить, что изложенные представления о непосредственном объекте рассматриваемого преступления вполне допустимо распространить и на новеллу, закреплённую в ч. 1 ст. 315 УК РФ. Ведь, речь в ч. 1 ст. 315 УК РФ так же, как и в ч. 2 ст. 315 УК РФ, ведётся о злостном неисполнении судебного постановления. Вместе с тем, стоит обратить внимание на конструирование ч. 1 ст. 315 УК РФ с использованием административной преюдиции, поскольку основанием для возникновения уголовной ответственности, в данном случае, выступает факт административного наказания виновного по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ в отношении того же судебного акта.

В свою очередь, административное предписание, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, устанавливает ответственность за неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации в срок, вновь установленный судебным приставом-исполнителем после наложения административного штрафа.

Следует отметить, что изложенная формулировка административного правонарушения не позволяет с достаточной полнотой уяснить его содержание, которым предопределяется и суть уголовно-правового запрета, закреплённого ч. 1 ст. 315 УК РФ. Имеются основания полагать, что смысл указанного административно-правового предписания сводится к ответственности за повторное нарушение лицом обязанности по исполнению требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах (глава 13 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). В соответствии со ст. 105 названного Закона, «в случаях неисполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе, в срок, установленный для добровольного исполнения, а также неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и устанавливает должнику новый срок для исполнения. При неисполнении должником требова-

ний, содержащихся в исполнительном документе, без уважительных причин во вновь установленный срок судебный пристав-исполнитель составляет в отношении должника протокол об административном правонарушении в соответствии с КоАП РФ и устанавливает новый срок для исполнения. Если для исполнения указанных требований участие должника необязательно, то судебный пристав-исполнитель организует исполнение в соответствии с правами, предоставленными ему Федеральным законом» [3].

Однако и законодательство об исполнительном производстве не раскрывает содержание соответствующих требований неимущественного характера, что обуславливает необходимость обращения к положениям гражданского законодательства, исходно определяющего имущественные и неимущественные права. К последним относятся нематериальные блага, предусмотренные ч. 1 ст. 150 ГК РФ: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона. Но поскольку в ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ имеется прямое указание на распространение информации, то, очевидно, ею предполагается, прежде всего, игнорирование требований о прекращении распространения информации или опровержения таковой, касающейся чести, достоинства, деловой репутации, частной жизни, личной и семейной тайны. Гражданско-правовые инструменты для защиты перечисленных видов информации и соответствующих прав граждан регламентированы ст. 152 и ст. 1522 ГК РФ. Этими правовыми нормами предусмотрена возможность запрещения по судебному решению распространения такой информации и (или) опровержения ложных сведений.

Таким образом, уголовно-правовая норма, сформулированная в ч. 1 ст. 315 УК РФ, призвана охранять не любые правоотношения, возникающие по поводу обязательности исполнения судебного постановления, а лишь такие, которые связаны с исполнением судебных постановлений, защищающих честь, достоинство, деловую репутацию, а равно частную жизнь. Нематериальные блага в виде деловой репутации могут принадлежать как гражданину, так и юридическому лицу (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

На основании изложенного непосредственный объект состава преступления, закреплённого ч. 1 ст. 315 УК РФ, образуют общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением обязательности исполнения судебных постановлений о защите чести, достоинства, деловой репутации, а равно частной жизни лица.

С объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 315 УК РФ, тождественен таковой в традиционном составе неисполнение приговора суда, решения суда или иного

судебного акта (ч. 2 ст. 315 УК РФ) и выражается в злостном неисполнении судебного постановления либо в воспрепятствовании его исполнению.

В теории уголовного права преобладает точка зрения о том, что злостность при неисполнении судебных постановлений подразумевает невыполнение каких-либо обязанностей после письменного предостережения о недопустимости повторения или продолжения нарушения установленного судом порядка в отношении определенных правоотношений [2, с. 183; 4, с. 582, 5, с. 46; 6, с. 90]. В этой связи возникает закономерный вопрос о понимании злостности в структуре объективной стороны исследуемого состава преступления. Дело в том, что, исходя из положений законодательства об исполнительном производстве, к моменту привлечения лица к административной ответственности по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ он уже трижды предупреждается об обязанности исполнения соответствующего судебного постановления. Следовательно, либо законодатель указывает на то, что изложенное количество предупреждений уже подразумевает злостность неисполнения судебного постановления, либо требуется установление ещё каких-либо дополнительных признаков, свидетельствующих о таком поведении виновного. Однако, как мы полагаем, к числу таких дополнительных признаков может быть отнесено только продолжение игнорирования требований судебных приставов-исполнителей. Но это, на наш взгляд, это было бы несколько абсурдным, так как трёхкратного предупреждения более чем достаточно для констатации целеустремлённого намерения лица не исполнять судебное постановление. Поэтому мы считаем, что признак злостности в диспозиции ч. 1 ст. 315 УК РФ фактически раскрывается через ссылку на применение к лицу наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ.

По законодательной конструкции объективная сторона состава преступления, регламентированного ч. 1 ст. 315 УК РФ, имеет формальный характер – преступление окончено с момента назначения лицу административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ и продолжения неисполнения судебного постановления.

Важной особенностью состава неисполнения судебного постановления о защите чести, дос-

тоинства, деловой репутации, а равно частной жизни лица, в сравнении с общественно опасным деянием, запрещённым ч. 2 ст. 315 УК РФ, являются признаки субъекта. Если субъектом злостного неисполнения судебного постановления, предусмотренного ч. 2 ст. 315 УК РФ, выступает только лицо, наделённое специальными должностными (служебными) полномочиями, то субъект неисполнения судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации общий – любое вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, подвергнутое административному наказанию по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ.

Анализ уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 315 УК РФ, позволяет предположить, что они могут находиться, условно говоря, в перекрёстной конкуренции. В норме, закреплённой ч. 1 ст. 315 УК РФ, уточнены признаки объекта преступления, а в ч. 2 ст. 315 УК РФ – субъекта.

Вместе с тем, сравнение санкций названных норм уголовного закона, позволяет утверждать, что неисполнение представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации не может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 315 УК РФ, так как по ч. 2 этой статьи предусмотрено более строгое наказание. Поэтому в данной ситуации применению подлежит ч. 2 ст. 315 УК РФ как специальная норма по отношению к ч. 1 ст. 315 УК РФ.

Подводя итог, следует отметить, что законодателем дифференцирована уголовная ответственность за неисполнение судебного постановления о прекращении распространения информации и (или) об опровержении ранее распространённой информации в зависимости от признаков субъекта совершённого преступления. При этом квалификация по ч. 2 ст. 315 УК РФ возможна, как при наличии, так и при отсутствии административного наказания по ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, применённого в отношении виновного.

Литература:

1. *Городнова О.Н.* Оптимизация норм уголовного законодательства как цель обеспечения неотвратимости наказания и совершенствования исполнительного производства // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3. С. 97.
2. *Сасин А.А.* Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта как преступление против правосудия // Общество и право. 2011. № 4. С. 183.
3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 08.10.2007. № 41. Ст. 4849

Literature:

1. *Gorodnova O.N.* Optimization of norms of criminal legislation as the purpose of ensuring inevitability of punishment and improvement of enforcement proceedings // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2011. № 3. P. 97.
2. *Sasin A.A.* non-Execution of court sentence, court decision or other judicial act as a crime against justice // Society and law. 2011. № 4. P. 183.
3. Federal law of 02.10.2007 № 229-FZ «On enforcement proceedings» // Collection of legislation of the Russian Federation. 08.10.2007. № 41.

(в ред. Федерального закона от 06.03.2019 № 24-ФЗ, опубликованного на Официальном интернет-портале правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> 06.03.2019).

4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / Отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019.

5. *Тепляшин П.* Квалификация неисполнения приговора, иного решения суда по признаку злобности / П. Тепляшин, Е. Летягина // Уголовное право. 2008. № 5. С. 46.

6. *Харьковский Д.А.* Уголовно-правовая характеристика неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Юрист-правовед. 2006. № 4. С. 90.

Art. 4849 (as amended by the Federal law of 06.03.2009 № 24-FZ, published on the Official Internet portal of legal information. URL : <http://www.pravo.gov.ru> 06.03.2009).

4. Criminal law of Russia. The General and Special part : textbook for students / Ed. edited by A.I. Rarog. 2nd ed. M. : Prospect, 2019.

5. *Teplyashin P.* Qualification of non-execution of sentence, other court decision on the basis of malice / P. Teplyashin, E. Ietyagina // Criminal law. 2008. № 5. P. 46.

6. *Harkovskii D.A.* Criminal-legal characteristic of non-execution of a court sentence, court decision or other judicial act // Lawyer-jurist. 2006. № 4. P. 90.

Кашкаров Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Крымский юридический институт
филиал Университета прокуратуры
Российской Федерации
kashkarov79@yandex.ru

Кашкаров Алексей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России
kashkarov79@yandex.ru

**ОТГРАНИЧЕНИЕ
ПРЕДИКАТНЫХ СОСТАВОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ ИНЫХ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
ИНСТИТУТОВ**

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы применения предикатных составов преступления, отграничения предикатных составов преступления от иных уголовно-правовых институтов, характеризующихся сложными проявлениям преступной деятельности. Автор отмечает, что предикатные составы по своей природе сродни составам преступлений, именуемые в теории уголовного права как «преступления с административной преюдицией».

Ключевые слова: преступление, состав преступления, уголовно-правовой институт, предикатный состав преступления, административная преюдиция, соучастие в преступлении, множественность преступлений.

Теорией уголовного права используются различные инструменты и техники для описания и законодательного закрепления повышенной уголовной ответственности за сложные проявления преступной деятельности в условиях объективной реальности. К такого рода уголовно-правовому инструментарию относятся: множественность преступлений (совокупность преступлений), совершение преступлений в соучастии, административная преюдиция, а также предикатные преступления.

Вопросам административной преюдиции в теории уголовного права в последнее время уделяется достаточно много внимания, о чем свиде-

Alexander A. Kashkarov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor Chair
of Criminal Law Disciplines,
Crimean Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
kashkarov79@yandex.ru

Alexey A. Kashkarov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Crimean branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
kashkarov79@yandex.ru

**DELIMITATION
OF PREDICATE OFFENSES
FROM OTHER CRIMINAL LAW
INSTITUTIONS**

Annotation. The article discusses the problematic issues of the application of predicate offenses, the delimitation of predicate offenses from other criminal law institutions, characterized by complex manifestations of criminal activity. The author notes that the predicate compositions in nature akin to the crimes referred to in the theory of criminal law as crimes with administrative prejudice.

Keywords: crime, corpus delicti, criminal law institution, predicate corpus delicti, administrative prejudice, complicity in a crime, multiplicity of crimes.

тельствует существенное количество публикаций по данной теме [5, с. 280–286; 7, с. 5–17], чего нельзя сказать о предикатных составах преступления.

Вместе с тем, анализ норм и положений действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) даёт нам основание утверждать, что законодатель при конструировании норм Особенной части УК РФ активно использует такой инструмент законодательной техники, как указание на предикатные (предшествующие, одновременные, последующие либо преступления без ранее возникшего намерения совершить другое преступление) составы пре-

ступлений. Использование данного инструмента законодательной техники объяснимо тем, что преступное поведение имеет различные формы объективного выражения во вне, которое усложнено совершением предикатного преступления. Исследователями отмечается, что «конструкция с предшествующим преступлением для целей теоретического анализа может быть выделена в Особенной части УК РФ в самостоятельной группе преступлений, отличающейся единством признаков соответствующих составов и единими правилами их квалификации» [4, с. 3]. Отметим, что с приведённым высказыванием можно согласиться отчасти, так как, по нашему убеждению, единство признаков всех предикатных преступлений, предусмотренных в действующем УК РФ, может выражаться только лишь в общности характеристики субъективных признаков, которые далее нами будут раскрыты, но, при этом, объективные признаки будут иметь существенные различия.

Позволим себе отметить, что предикатные составы по своей природе сродни составам преступлений, именуемым в теории уголовного права как «преступления с административной преюдицией». Отмечая их общность, следует исходить из того, что полная идентичность у них отсутствует. Такого рода обстоятельство объяснимо тем, что при совершении предикатного преступления виновное лицо совершает предшествующие уголовно наказуемое деяние, а при привлечении к уголовной ответственности за совершение преступления с административной преюдицией, совершаемому преступлению в обязательном порядке должен предшествовать административный деликт. Наиболее ярким примером, который демонстрирует отличия такого рода – это законодательное закрепление как общественно опасных деяний, объективная сторона которых выражается в вовлечении несовершеннолетнего в совершение: 1 – преступления (ст.150 УК РФ) и 2 – антиобщественных действий (ст.151 УК РФ). В первом случае преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, выступает в качестве предикатного ко всем совершённым общественно опасным деяниям, в будущем вовлечённым несовершеннолетним, при условии, что виновное лицо будет признано либо опосредованным исполнителем нового преступления, либо одним из соучастников нового преступления, совершённого вовлечённым несовершеннолетним лицом. Во втором случае уголовная ответственность наступает за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, то есть, все последующие действия после вовлечения носят аморальный характер, однако, по своей сути, являются фоновыми явлениями и процессами, которые, по своей сути, преступными деяниями не являются. Здесь же позволим себе отметить, что схожую позицию отмечают другие исследователи, используя при этом иную аргументацию [1, с. 253–254].

Кроме того, административная преюдиция предполагает привлечение виновного лица к административной ответственности до совершения нового тождественного общественно опасного деяния, за которое предусмотрена уже уголовная

ответственность. Такого рода взаимосвязь не образует единства общественно опасных деяний, взаимосвязь административного правонарушения и преступления при административной преюдиции обусловлена исключительно повышенной общественной опасностью (виновного) лица, а именно, его правовым статусом – ранее привлечённым к административной ответственности. Предикатный состав преступления при условии, что он совершён также как и основной состав преступления одним и тем же субъектом преступления, в отличие от состава преступления, отягощённого административной преюдицией, образует определённого рода единство общественно опасных деяний, которое прослеживается в характеристике субъективной стороны предикатного состава преступления.

Определяя взаимосвязь предикатных составов преступления и множественности, следует согласиться с мнением Н.М. Журавлёвой, которая отмечает, что институт множественности предполагает наличие двух и более самостоятельных составов преступлений при условии, что каждый из них не обуславливает существование или возникновение нового состава преступления [3, с. 193]. Добавим только, что по данным преступлениям не должны истечь сроки давности привлечения виновного к уголовной ответственности, даже если за это предшествующее лицо отбыло наказание. Более того, отметим, что в предикатных составах преступления производное (предшествующее либо последующее) общественно опасное деяние находится в определённой субъективной взаимосвязи с основным составом преступления. Такого рода субъективная взаимосвязь возникает посредством законодательного закрепления цели преступления (той идеальной интеллектуальной модели, которая сложилась в сознании лица), и как отмечает Д.А. Ашин, предикатное преступление может быть тем преступлением, ради которого совершается основное преступление (ст. 209, 210 УК РФ), а оно может быть выполнено с целью сокрытия основного преступления или облегчить его совершение (п. «в», «з», «к», ч. 2 ст. 105 УК РФ) [1, с. 260]. Кроме того, субъективная связь предикатного преступления с основным может выражаться осознанностью и осведомлённостью субъекта преступления относительно объективных процессов, которые происходили до начала выполнения объективной стороны предикатного преступления. Осознанность и осведомлённость субъекта предикатного преступления законодателем раскрывается посредством законодательного закрепления в диспозиции нормы термина «заведомо», который встречается в ст. 174 УК РФ и ст. 175 УК РФ.

В теории уголовного права отмечается, что вторичные преступления чаще встречаются после фактического исполнения объективной стороны основного преступления, реже на стадии оконченного покушения и еще реже может сопутствовать времени совершения основного преступления, а в некоторых случаях даже предшествовать основному [10, с. 37].

Анализ действующих уголовно-правовых норм, которыми предусмотрены наказания за предикатные преступления, позволяет сделать вывод о том, что в зависимости от субъекта преступления, его совершившего, предикатные составы преступления можно разделить на две группы.

В первую входят лица, обеспечивавшие реализацию, исполнение объективной стороны предшествующего преступления, либо являлись его соучастниками (например, преступления, предусмотренные ст. ст. 150, 1741 УК РФ).

Во вторую – лица, которые не участвовали в реализации, исполнении объективной стороны предшествующего преступления либо совершаемого преступления, и если рассматривать преступления с материальными составами, то их действия не находились в причинной связи между самими деяниями и наступившими вредными последствиями, то есть, имеют лишь «прикосновенность» к совершенному ранее преступлению. В данном случае речь идёт либо об уже совершенных преступлениях, как это законодателем предусмотрено в диспозициях ст. ст. 174, 175 УК РФ, либо о еще совершаемом преступлении, как предусмотрено ст. 2056 УК РФ. Отмечается, что при соучастии присутствует обязательный признак – наличие причинной связи между действиями соучастников и наступившим преступным результатом [8, с. 181].

Иными словами, «прикосновенность к совершенному преступлению» представляет собой такую деятельность лица, не участвовавшего в совершении преступления, которая тем или иным образом связана с преступлением, но не является содействием его выполнению и не находится в причинной связи с преступным результатом» [9, с. 133].

Признавая составы преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за прикосновенность к преступлению частью предикатных составов преступлений, отметим, что А.А. Пинтковский еще в 1961 году указывал на то, что прикосновенность к преступлению является дос-

Литература:

1. *Ашин Д.А.* Виды предикатных преступлений в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 251–261.
2. *Ашин Д.А.* Ретроспективный анализ конструкции предикатных преступлений в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 250–261.
3. *Журавлёва Н.М.* Конструкция предшествующего преступления в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 190–203.
4. *Журавлёва Н.М.* Предшествующие преступления как криминообразующий признак в Уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.

таточно устойчивым правовым понятием [6, с. 560]. В пользу нашего убеждения относительно признания составов прикосновенности к преступлению часть предикатных составов приведем высказывание Д.А. Ашина, который на основании анализа доктринальных положений советского уголовного права пришел к выводу о том, что в теории уголовного права советского периода понятие «предикатные составы преступления» не использовались, однако, сохранялась, определенного рода, преемственность с дореволюционной наукой уголовного права, и некоторые исследователи обсуждали вопросы о недонесении, укрывательстве и скупке краденного как инструментария «прикосновенности к преступлению» [2, с. 258–259].

Продолжая характеристику предикатных составов на основании признака «субъект преступления», мы полагаем, что к числу предикатных составов следует относить и преступления, которые предусматривают уголовную ответственность специальных субъектов преступлений, отбывающих уголовные наказания либо обоснованно подозреваются в совершении преступления и находятся либо под стражей, либо под арестом (ст. ст. 313–315 УК РФ). Признавая указанные преступления в качестве предикатных, следует учитывать, то, что предшествующими преступлениям в данной ситуации выступают ранее совершенные преступления лицами, которые определены субъектами преступлений в ст. ст. 313–315 УК РФ, а в отдельных случаях, характеристика субъекта преступления должна быть отягощена наличием факта привлечения к административной ответственности, как предусмотрено в диспозиции ч. 2 ст. 3141 УК РФ.

Подводя итог данной публикации, можно констатировать, что такого рода уголовно-правовой институт как предикатные составы преступления является сложным и требующим системного исследования. Положения данной публикации могут быть использованы в дальнейшем для более детального анализа данного уголовно-правового института.

Literature:

1. *Ashin D.A.* Types of predicate crimes in the criminal law of Russia // Actual problems of Russian law. 2010. № 3. P. 251–261.
2. *Ashin D.A.* Retrospective analysis of the construction of predicate crimes in the criminal law of Russia // Actual problems of Russian law. 2009. №4. P. 250–261.
3. *Zhuravleva N.M.* The construction of the previous crime in criminal law // Actual problems of Russian law. 2011. № 4. P. 190–203.
4. *Zhuravleva N.M.* Preceding crimes as a criminally constituent feature in the Criminal Law of Russia : dissertation. dis. ... cand. legal sciences. M., 2011. 22 p.

5. *Кашкаров А.А.* Уголовный проступок: некоторые аргументы «за» / А.А. Кашкаров, А.Н. Игнатов, Д.В. Волков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4(27). С. 282–286.

6. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1961. С. 560.

7. *Пудовочкин Ю.Е.* Проблемы политического в преступлении и преступного в политике (методологические размышления) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2(7). С. 5–17.

8. *Рудой Л.А.* Отграничение прикосновенности к преступлению от соучастия в преступлении по Российскому уголовному праву // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 4. С. 180–184.

9. *Рудой Л.А.* Прикосновенность к преступлению. Регламентация института в законодательстве России // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 5. С. 131–134.

10. *Шарапов Р.Д.* Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместного умысла // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3(34). С. 36–41.

5. *Kashkarov A.A.* Criminal misconduct: some arguments «for» / A.A. Kashkarov, A.N. Ignatov, D.V. Volkov // A criminalist's library. Science Magazine. 2016. № 4(27). P. 282–286.

6. *Piontkovsky A.A.* The doctrine of crime under Soviet criminal law. M. : Gosyurizdat, 1961. P. 560

7. *Pudovochkin Yu.E.* Problems of the political in crime and the criminal in politics (methodological reflections) // Library of the criminologist. Science Magazine. 2013. № 2(7). P. 5–17.

8. *Rudoy L.A.* The delimitation of implications for crime from complicity in a crime under Russian criminal law // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 4. P. 180–184.

9. *Rudoy L.A.* Sense of crime. The regulation of the institute in the legislation of Russia // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 5. P. 131–134.

10. *Sharapov R.D.* Joint criminal activity without signs of complicity: implication to a crime, participation in a crime in the absence of joint intent // Jurisprudence and law enforcement practice. № 3 (34). 2015. P. 36–41.

Куемжиева Елена Геннадьевна

кандидат юридических наук,
профессор,
доцент кафедры гражданского права
юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
kuemzhieva-elena@yandex.ru

Elena G. Kuemzhieva

Candidate of Law Sciences,
Professor,
Associate Professor
of civil Law of legal faculty,
Kuban State Agricultural University
of I.T. Trubilin
kuemzhieva-elena@yandex.ru

Пастухов Михаил Михайлович

студент 3 курса
юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
pastukhov_mixail@mail.ru

Mikhail M. Pastukhov

Student 3 courses
Law Department,
Kuban State Agrarian University
name of I.T.Trubilin
pastukhov_mixail@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ЗЕМЕЛЬНЫЙ СПОР»

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF «LAND DISPUTE»

Аннотация. В данной статье рассмотрены различные подходы касательно вопроса легального определения термина «земельный спор». Был проведен анализ различных точек зрения относительно теоретического и практического значения закрепления данного понятия в Земельном кодексе Российской Федерации. На основании различных позиций по данному вопросу, было сделано предложение по его успешному решению. По итогам работы было предложено авторское определение земельного спора.

Annotation. This article discusses various approaches to the question of the legal definition of the term «land dispute». An analysis of various points of view regarding the theoretical and practical significance of fixing this concept in the Land Code of the Russian Federation was carried out. Based on the various positions on this issue, a solution to this issue was proposed.

Ключевые слова: земельный спор, земельный участок, земля, судебная практика по земельным спорам, земельные правоотношения.

Keywords: land dispute, land plot, land, judicial practice on land disputes, land legal relations.

На сегодняшний день определение единого порядка судебного разрешения такой категории дел, которую условно можно обозначить как «земельные споры», имеет определенные проблемы, поскольку отсутствует единообразное толкование понятия «земельный спор». Законодатель использует данное понятие в Земельном кодексе Российской Федерации, а именно в ст.64, однако, его официального толкования в ЗК РФ, или ином нормативно правовом акте не предусмотрено [1].

Понятие «земельный спор» может показаться бездискуссионным, поскольку очевидны две его составляющие. Понятие «спор» представляет собой конфликт, разногласие и столкновение интересов, понятие «земельный» характеризует, относящиеся к соответствующей сфере, общественные отношения. Из этого следует, что понятие «земельный спор» можно определить, как спор, который возникает из земельных правоотношений. Однако, как отмечают Т.В. Волкова и С.Ф. Афанасьев основной методологической проблемой является неопределенность понятия «земельное правоотношение», а также его содержание [3]. Исходя из этого, в научной периодике последних лет идут попытки сформулировать стандартный и универсальный критерий отнесения того или иного спора, конфликта, разногласия к категории земельных.

Как отмечает Дикусар В.М., отсутствие легального определения земельного спора представляет собой существенный пробел в системе российского законодательства, которое порождает как теоретические проблемы, так и определенные практические сложности правоприменения земельно-правовых норм [2].

Д.С. Смаковский определяет отраслевую принадлежность данной категории споров, исходя от предмета, а именно, прав на землю в широком смысле. В случае наличия земли в качестве объекта, даже косвенного, то она будет являться фактором, который обуславливает его отнесение к категории земельных правоотношений, а также придание определенной специфики данному правоотношению и разграничение его от иного спора [4].

Аналогичных позиций придерживается А.Г. Нецветаев, который выделяет предмет земельного спора как конфликт по вопросам собственности на землю. Согласно А.Г. Нецветаеву предметом земельного спора является разногласие сторон относительно вопросов, связанных с возникновением, осуществлением или прекращением прав на землю, а также иных прав, которые вытекают из земельных правоотношений.

Указанная выше позиция нашла свое отражение в 2013 году, в Обзоре судебной практики рассмотрения гражданских дел по вопросам, которые возникают из земельных правоотношений, рассмотренных судами Калининградской области, где земельный судебный спор, связанный с земельными правоотношениями, был определен как наличие разногласий между субъектами спорных правоотношений по вопросу факта или права в отношении земельного участка [5].

Можно также выделить группу ученых, которые определяют принадлежность конкретного спора к группе земельных и определяют его связью с земельным законодательством. С.А. Фролов определяет земельный спор как столкновение интересов субъектов, а также возникновение спорной ситуации, которая нуждается в применении земельного законодательства [6].

Проблема, связанная с определением понятия «земельный спор», осложняется использованием в различных официальных документах иных терминов. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 суды в своей практике оперируют таким понятием, как «спор о правах на земельный участок». Однако, как отмечают Т.В. Волкова и С.Ф. Афанасьев, данное определение является недостаточно разработанным, также остается открытым вопрос о его взаимодействии с базовым определением «земельный спор» [7].

Исходя из анализа судебной практики, представленной в «Обзоре судебной практики Верховного суда Российской Федерации» № 1 (2018), можно констатировать, что в подавляющем большинстве споров, которые вытекают из земельных правоотношений, непосредственным объектом данных споров являются денежные средства, имущество, понуждение одного из субъектов земельных правоотношений к совершению определенных действий, направленных на изменение или прекращение субъективных прав противоположной стороны. Весьма разно-

образен и субъектный состав земельных споров, поскольку участвующими сторонами являются как частные, так и публичные субъекты. Так, орган местного самоуправления был обязан повторно рассмотреть и утвердить схему расположения земельного участка в кадастровом реестре. Важно также отметить, что предметом земельного спора не обязательно должен быть земельный участок. Например, это возможно в ситуации, когда предметом спора является размер возмещения при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд.

Обзор судебной практики представляет нам возможным классификацию земельных споров по трем признакам:

- во-первых, субъектам споров;
- во-вторых, субъектам разрешения спора;
- в-третьих, основаниям возникновения споров.

Также, анализ судебной практики показывает, что одной из причин возникновения земельных споров является правовой нигилизм и отсутствие, в определенной степени, правовой культуры субъектов земельных правоотношений. Следствием этого является приобретение земельных участков без государственной регистрации, что, в перспективе, неизбежно приводит к возникновению различного рода земельных споров [9].

В контексте развития законодательства по вопросам земельных споров, необходимо отметить и альтернативную точку зрения относительно ранее указанных позиций Д.С. Смаковского. Данный автор отмечает, что законодательное закрепление понятия «земельный спор» не решит ряд практических проблем, а также создаст определенные трудности в вопросах классификации земельных споров как таковых, что негативно скажется на правоприменительной практике [10].

На наш взгляд, позиция Д.С. Смаковского имеет весьма существенное основание, однако, подобный подход касательно формального определения терминов в законодательстве означает игнорирование актуальных проблем практики правоприменения по земельным спорам.

Проанализировав различные позиции относительно вопроса формального определения термина «земельный спор», нам представляется наиболее оптимальным решением внести изменения в Земельный Кодекс Российской Федерации и закрепить в нем определение данного термина в следующей редакции: земельный спор – это разногласие, которое возникло между субъектами земельных правоотношений вследствие нарушения, оспаривания их прав на землю в судебном порядке, разрешаемое согласно нормам действующего земельного законодательства и иных отраслей законодательства Российской Федерации.

Литература:

1. *Гряда Э.А.* К вопросу о гражданско-правовом значении государственного кадастрового учета земельных участков // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2011. № 2. С. 42–45.
2. *Дикусар В.М.* Разрешение земельных споров по законодательству Российской Федерации // *Государство и право.* 1996. № 10. С. 44–47.
3. *Афанасьев С.Ф.* Земельные споры: понятие и особенности рассмотрения в суде / С.Ф. Афанасьев, Т.В. Волкова // *Правовая культура.* 2018. № 4(35). С. 8.
4. *Смаковский Д.С.* Определение понятия «земельный спор» в научной и правоприменительной практике // *Успехи современной науки и образования.* 2016. Т. 6. № 10. С. 180–182.
5. *Коновалова А.В.* Некоторые вопросы пробелов в законодательстве субъектов РФ / А.В. Коновалова, Н.В. Павлов // *Скиф. Вопросы студенческой науки.* 2018. № 12(28). С. 129–132.
6. *Фролов С.А.* К вопросу о понятии и причинах возникновения земельных споров // *Символ науки.* 2017. № 10. С. 60–62.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 г. Москва «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // *Российская газета – Федеральный выпуск № 109(5188).*
8. *Гринь Е.А.* Принудительное прекращение прав на земельные участки: теория и практика правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.
9. *Масленникова Л.В.* Утверждение мирового соглашения арбитражным судом с учетом заключенного сторонами медиативного соглашения // *Научный журнал КубГАУ.* 2014. № 97.
10. *Kobylynsky S.V.* The human right to a worthy life as a legal concept//*Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 2016. Vol. 7. № 1. P. 1744–1748.

Literature:

1. *Gryada E.A.* On the issue of civil legal significance of the state cadastral registration of land plots // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2011. № 2. P. 42–45.
2. *Dikusar V.M.* Resolution of land disputes under the laws of the Russian Federation // *State and Law.* 1996. № 10. P. 44–47.
3. *Afanasyev S.F.* Land disputes: the concept and features of consideration in court // *Legal culture.* 2018. № 4(35). P. 8.
4. *Smakovsky D.S.* The definition of the concept of «land dispute» in scientific and law enforcement practice // *Advances in modern science and education.* 2016. V. 6. № 10. P. 180–182.
5. *Konvalova A.V.* Some issues of gaps in the legislation of subjects of the Russian Federation / *Konvalova A.V., Pavlov N.V.* // *Skif. Questions of student science.* 2018. № 12(28). P. 129–132.
6. *Frolov S.A.* On the issue of the concept and causes of land disputes // *Symbol of Science.* 2017. № 10. P. 60–62.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 29, 2010 № 10/22 Moscow «On some issues arising in judicial practice in resolving disputes relating to the protection of property rights and other real rights» // *Russian newspaper – Federal issue № 109(5188).*
8. *Grin E.A.* Forced termination of land rights: theory and practice of legal regulation : abstract dis. ... cand. of Law. Krasnodar, 2012. 27 p.
9. *Maslennikova L.V.* Approval of a settlement agreement by an arbitration court, taking into account the mediation agreement entered into by the parties // *Scientific journal KubGAU.* 2014. № 97.
10. *Kobylynsky S.V.* The human right to a worthy life as a legal concept//*Journal of Advanced Research in Law and Economics.* 2016. Vol. 7. № 1. P. 1744–1748.

Кузьмина Оксана Николаевна
аспирантка кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
milena.555@mail.ru

Oksana N. Kuzmina
Graduate Student
of Department of Criminal Law
and Criminology,
Kuban State University
milena.555@mail.ru

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «основание» и «условие» освобождения от уголовной ответственности в контексте имеющегося в современной научной литературе спора об их содержании. Рассмотрены различные точки зрения по данному вопросу и предложено авторское понимание данных терминов. По мнению автора, разноточечное относительно понятий оснований и условий освобождения от уголовной ответственности вызван тем, что при исследовании данного вопроса часто допускается подмена понятий.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, основание освобождения, условия освобождения, виды оснований освобождения от уголовной ответственности.

Законодательная и правоприменительная системы любого современного государства, стремящегося к статусу правового, должны сочетать не только конкретно определенные требования к субъектам правоотношений, включая санкции за их нарушение, но и значительный массив поощрительных норм различной отраслевой принадлежности. Уголовное право как наиболее строгая из отраслей, призванная обеспечивать безопасность человека и общества, тем не менее, не должна обходить в своем гуманизме и справедливости правонарушителя, давая ему возможность искупить вину в совершенном преступлении и максимально загладить причиненный вред. Этому служит, в ряду иных правовых мер, институт освобождения от уголовной ответственности.

Практически аксиоматичным в литературе считается тезис о том, что для возникновения возможности освобождения лица от уголовной ответственности необходимо наличие обозначенных в законе условий и оснований. Однако более детальное обращение к теме вынуждает признать, что в источниках нет единого мнения относительно понятий «основание (основания)» и «условия» освобождения от уголовной ответст-

BASES AND CONDITIONS OF RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY

Annotation. In article are considered the concepts «basis» and «condition» of release from criminal liability in the context of available in modern scientific literature of a dispute on their contents. Various points of view on the matter are considered and author's understanding of these terms is offered. on this issue, and requested the author's understanding of these terms. According to the author, the diversity of views on concepts of grounds and conditions of exemption from criminal liability is caused by the fact that when researching this question often permitted substitution of notions.

Keywords: criminal responsibility, release from criminal liability, basis of release, release condition, types of the bases of release from criminal liability.

венности. В уголовно-правовой литературе к основаниям освобождения от уголовной ответственности относят различные обстоятельства. Так, одни ученые считают, что такими основаниями является вся совокупность предпосылок (условий, обстоятельств), лежащих в основе применения того или иного вида освобождения от уголовной ответственности [9, с. 165; 14, с. 11; 7, с. 64]. Другие утверждают, что ими могут быть два обстоятельства, указанные в законе: небольшая общественная опасность совершенного деяния и личность виновного [12, с. 82, 84; 13, с. 49]. Третьи исходят из того, что основанием применения освобождения от уголовной ответственности является решение следственных органов и суда о возможности исправления лица без применения наказания [5, с. 10]. Четвертые определяют, что освобождение от уголовной ответственности, как и от наказания, применяется при наличии следующего основания – «отсутствие либо небольшая степень общественной опасности лица, совершившего преступление» [16, с. 63]. Сходная с этим позиция выражена В.С. Егоровым, который указывает на то, что для большинства видов освобождения от уголовной ответственности основаниями выступают снижение или отпадение общественной опасности

деяния и лица, его совершившего [17, с. 100]. Нередко, в литературе отождествляют понятия «вид освобождения от уголовной ответственности» и «основание освобождения от уголовной ответственности» [6, с. 21–22; 10, с. 256–288], с чем согласиться нельзя.

Интересна позиция по данному вопросу высшей судебной инстанции. Так, п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также их неправомерным завладением без цели хищения» [2], ссылаясь на ст. 76 УК РФ, к числу рассматриваемых оснований относит категорию совершенного преступления, примирение с потерпевшим и заглаживание вреда. А в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [3], посвященном применению ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, они именуются уже условиями прекращения уголовного дела (совершение обвиняемым преступления впервые, заявление потерпевшего о примирении с обвиняемым, а также то, что причиненный вред был заглажен). В свою очередь, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [4] говорится и об условиях, и об основаниях освобождения.

А.В. Бриллиантов указывал на то, что общим основанием освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, является нецелесообразность привлечения его к суду или применения иных мер уголовно-правового характера [8, с. 17].

Такой разнотой мнений относительно оснований и условий освобождения от уголовной ответственности вызван, на наш взгляд, тем, что при исследовании данного вопроса часто допускается подмена понятий. Так, авторы «Энциклопедии уголовного права» к основаниям освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием относят совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести [19, с. 30], однако, в дальнейшем пишут о них как об условиях освобождения; при этом возмещение причиненного преступлением вреда называется одновременно и в качестве условия, и как основание для освобождения от уголовной ответственности [19, с. 31–33].

В русском языке понятие «основание» трактуется как существенный признак, по которому распределяются явления, понятия, равно как и причина, достаточный повод, оправдывающий что-нибудь. Условием признается обстоятельство, от которого что-либо зависит, предъявляемое требование [15, с. 422, 771]. В философской литературе под основанием понимается достаточное условие, причина какого-либо явления; условие – то, от чего зависит другое явление, существен-

ный компонент, из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления [18, с. 467, 707]. Следовательно, основанием освобождения является основная, коренная первопричина освобождения, в то время как условиями выступает ряд факторов, наличие каждого из которых необходимо для фактической реализации возможности освобождения от уголовной ответственности. Что же является основанием освобождения? В большинстве случаев это позитивно-посткриминальное поведение виновного лица. К примеру, для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием необходимо совершение виновным следующих конкретных действий: добровольно явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступления, возместить ущерб или иным образом заглаживать вред, причиненный преступлением. Без совершения указанных в законе конкретных действий не имеет значения наличие или отсутствие тех или иных условий, так как отсутствует само основание, причина освобождения. Как верно указывает М.У. Джамадаев, основание освобождения от уголовной ответственности показывает, почему возможно такое освобождение [11, с. 72]. Установив основание, необходимо определить, присутствуют ли все необходимые для этого условия. Для деятельного раскаяния – это совершение преступления впервые, совершение преступления небольшой или средней тяжести, отпадение общественной опасности лица, учинившего преступление, вследствие деятельного раскаяния. Нередко в литературе совершение преступления определенной категории относят не к условиям, а к основаниям освобождения. Считаем это некорректным. Причиной (основанием) освобождения лица от уголовной ответственности выступает не совершение им преступления, а другие обстоятельства, прежде всего, последующее позитивное поведение виновного. Сам по себе, факт преступного поведения не создает коренную основу применения норм гл. 11 УК РФ. Он создает основание для уголовной ответственности, а освободить лицо от таковой возможно при наличии оснований, указанных в нормах данной главы; совершение преступления небольшой или средней тяжести выступает здесь только условием освобождения от ответственности.

Аналогичным образом основанием освобождения от уголовной ответственности в случае примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) выступают действия лица, направленные на примирение, а также возмещение причиненного вреда. Условиями выступает совершение преступления впервые, совершение преступления небольшой или средней тяжести.

Однако специфика и дальнейшее развитие уголовного законодательства внесли коррективы в вопрос об основании и условиях освобождения от уголовной ответственности применительно к определенным его видам.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, в связи с принятием акта амнистии обусловлено наступлением определенных юридических фактов. В

ст. 78 УК РФ установлены сроки, истечение которые обязывает государство освободить виновного от уголовной ответственности без каких-либо дополнительных требований. Акт об амнистии, как правило, приуроченный к определенным памятным датам в жизни общества и государства, также не требует в качестве основания освобождения какое-либо позитивное постпреступное поведение лица.

Статья 76.1 УК РФ предусматривает субинститут освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. В ч. 1 статьи основанием для освобождения названо позитивное посткриминальное поведение – это полное возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе России. При этом условиями применения данного вида освобождения являются совершение преступления впервые, совершение преступления, предусмотренного ст.ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ. В ч. 2 ст. 76.1 УК РФ основанием для освобождения названо возмещение ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба, либо перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления, и денежного возмещения в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечисление в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежного возмещения в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечисление в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и денежного возмещения в двукратном размере этой суммы. Условиями освобождения являются совершение преступления впервые, совершение преступления, предусмотренного ст.ст. 170.2, ч. 1 ст. 171, ч. 1 и 1.1 ст. 171.1, ч. 1 ст. 172, 176, 177, ч. 1 ст. 178, ч. 1–3 ст. 180, ч. 1 и 2 ст. 185, 185.1, ч. 1 ст. 185.2, ч. 1 ст. 185.3, ч. 1 ст. 185.4, ч. 1 ст. 185.6, ч. 1 ст. 191, 192, ч. 1 и 1.1 ст. 193, ч. 1 и 2 ст. 194, 195–197 и 199.2 УК РФ.

При применении положений уголовного закона о судебном штрафе (ст. 76.2, гл. 15.2 УК РФ), основанием освобождения выступает возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного преступлением. Условиями выступают совершение преступления впервые, совершение преступления небольшой или средней тяжести.

Большинство специальных видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, имеет осно-

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 29.05.2019 г.) // СПС «Консультант»

ванием позитивное посткриминальное поведение виновного. Это примечания к ст.ст. 110.2, 126, 127.1, 184, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 200.1, 200.3, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 212, 222, 222.1, 223, 223.1, 228, 228.3, 275, 282.1, 282.2, 284.1, 291.1, 291.2, 307, 322.2, 322.3.

Вместе с тем, есть виды освобождения, в которых основанием выступает не позитивное поведение лица, а иные причины (например, ст. 291, 337, 338 УК РФ), то есть, по сути, определенные юридические факты. При этом основанием может выступать и предотвращение совершения преступления, либо пресечение делящегося, либо продолжаемого преступления (например, ст. 282.3 УК РФ).

Основание освобождения выступает глубиной, основной первопричиной освобождения. Так как любой вид освобождения от уголовной ответственности проистекает из закона, то первым или формальным основанием освобождения является норма уголовного закона, в том числе, и с бланкетной диспозицией, такие, как, например, примечания 2 к ст. ст. 199.3 и 199.4 УК РФ. Здесь к формальному основанию относятся не только нормы уголовного права, но и законодательство Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Вторым, или материальным, основанием освобождения от уголовной ответственности выступают определенные юридические факты. Это могут быть позитивные посткриминальные действия виновного, действия (решения) иных лиц или государства, не зависящие от воли виновного, события (истечение сроков давности), совершение указанного в законе преступления в определенное время, лицом с определенным правовым статусом, специфика объективной стороны совершенного преступления (ст. 76.1 УК РФ).

Условия освобождения от уголовной ответственности, специфичные для каждого вида, являются необходимыми требованиями для освобождения, но сами по себе не порождают его. Так, для деятельного раскаяния к таковому, в частности, относятся совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести. Без их наличия освобождение невозможно, однако, сами по себе они не порождают его, не являются стартовым механизмом применения ст. 75 УК РФ.

Таким образом, основным отличием основания и условия освобождения от уголовной ответственности является их роль в инициализации механизма освобождения. Основание – это коренная причина освобождения, условия – необходимые для его реализации требования.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 1996 (an edition of 29.05.2019) // Union of Right

тантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 (ред. от 24.05.2016 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/

5. *Барабаш А.С.* Прекращение уголовных дел в стадии предварительного расследования в связи с применением мер административного взыскания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 10.

6. *Баранов Ю.В.* Понятие освобождения от уголовной ответственности и наказания // Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / Отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2008. Т. 10. С. 21–22;

7. *Бойцов А.И.* К вопросу об основаниях освобождения от уголовной ответственности // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. Экономика. Философия. Право. 1982. Вып. 2. № 11. С. 64.

8. *Бриллиантов А.В.* Освобождение от уголовной ответственности (с учетом обобщения судебной практики) : науч.-практич. пособие. М., 2010. С. 17.

9. *Виттенберг Г.Б.* Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Ч. 1. Иркутск, 1970. С. 165.

10. *Головки Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 256–288.

11. *Джамалдаев М.У.* Понятие, основания и условия освобождения от уголовной ответственности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 72.

12. *Дубинин Т.Т.* Основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 82, 84.

Forces ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2008 № 25 (an edition of 24.05.2016) «About judicial practice on cases of the crimes connected with traffic offense and operation of vehicles and also their illegal taking without the plunder purpose» // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/

3. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2010 № 17 (an edition of 16.05.2017) «About practice of application by vessels of the norms regulating participation of the victim in criminal proceedings» // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/

4. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2013 № 19 (an edition of 29.11.2016) «About application by vessels of the legislation regulating the bases and an order of release from criminal liability» // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/

5. *Barabash A.S.* The termination of criminal cases in a stage of preliminary investigation in connection with application of measures of an administrative penalty : abstract yew. ... cand. law sciences. L., 1982. P. 10.

6. *Baranov Yu.V.* Concept of release from criminal liability and punishment//Encyclopedia of criminal law: in 35 t. / editor-in-chief V.B. Malinin. SPb., 2008. T. 10. P. 21–22;

7. *Boytsov A.I.* To a question of the bases of release from criminal liability // Messenger Leningrad un-that. It is gray. Economy. Philosophy. Right. 1982. Issue 2. № 11. P. 64.

8. *Brilliantov A.V.* Release from criminal liability (taking into account synthesis of judicial practice) : scientific and practical grant. M., 2010. P. 17.

9. *Wittenberg G.B.* Questions of release from criminal liability and punishment with application of measures of public influence. Part 1. Irkutsk, 1970. P. 165.

10. *Golovko L.V.* Alternatives to criminal prosecution in the modern right. SPb., 2002. P. 256–288.

11. *Dzhamaldayev M.U.* Concept, bases and conditions of release from criminal liability // Bulletin of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2009. № 4. P. 72.

12. *Dubinin T.T.* The bases of release from criminal liability // Criminal law in fight against crime. M., 1981. P. 82, 84.

13. *Келина С.Г.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 49.

14. *Мацнев Н.И.* Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1981. С. 11.

15. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1978. С. 422, 771.

16. *Сабанин С.Н.* Справедливость освобождения от уголовного наказания. Екатеринбург, 1993. С. 63.

17. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности : учеб. -методич. пособие. М., 2002. С. 100.

18. *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 467, 707.

19. *Энциклопедия уголовного права.* Т. 10. С. 30.

13. *Kelin S.G.* Theoretical questions of release from criminal liability. M, 1974. P. 49.

14. *Matsnev N.I.* Release from criminal liability with administrative prosecution : abstract thesis. ... cand. law sciences. L., 1981. P. 11.

15. *Ojegov S.I.* Dictionary of Russian. M, 1978. P. 422, 771.

16. *Sabanin S.N.* Justice of release from criminal penalty. Yekaterinburg, 1993. P. 63.

17. Theoretical questions of release from criminal liability : study guide grant. M., 2002. P. 100.

18. *Philosophical encyclopedic dictionary.* M, 1983. P. 467, 707.

19. *Encyclopedia of criminal law.* Vol. 10. P. 30.

Мукажанов Азамат Еркенович
адъюнкт кафедры криминалистики,
Краснодарский университет
МВД России
dlozovsky@mail.ru

Azamat E. Mukazhanov
Graduated in a Military Academy
of Department of Criminalistics,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
dlozovsky@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ЧЛЕНОВ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХУЛИГАНСТВА

FEATURES OF INTERROGATION OF THE MEMBERS OF THE CRIMINAL GROUP DURING THE INVESTIGATION OF BULLYING

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты производства допроса членов преступной группы, совершившей хулиганство. Проанализированы организационные особенности, отдельные этапы производства допроса, предложены отдельные рекомендации по повышению эффективности производства данного следственного действия.

■ ■ ■
Annotation. The article deals with certain aspects of the interrogation of members of a criminal group who committed hooliganism. Analyzed organizational characteristics, individual stages of production of the interrogation, proposed specific recommendations for improving the efficiency of production of the investigative actions.

■ ■ ■
Ключевые слова: расследование хулиганства, тактика производства отдельных следственных действий, допрос, преступная группа, методика расследования отдельных видов преступления.

■ ■ ■
Keywords: investigation of hooliganism, tactics of production of separate investigative actions, interrogation, criminal group, a technique of investigation of separate types of crime.

■ ■ ■
Допрос – одно из основных процессуальных средств получения и проверки доказательственной информации о преступлении. Это следственное и судебное процессуальное действие. С его помощью получается и проверяется значительная часть доказательственной информации, необходимой для правильного разрешения уголовного дела. Это действие широко используется как при производстве дознания и предварительного следствия, так и в суде. Поэтому тщательное исследование всего комплекса вопросов, относящихся к допросу, имеет важное научное и практическое значение [1, с. 5].

■ ■ ■
Сложность допроса при расследовании преступлений, совершенных группой лиц, зависит от характеристики (качества и объема) имеющейся у сотрудника следственного подразделения информации, полученной в результате следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, личностных качеств и процессуального статуса допрашиваемого (обвиняемый, подозреваемый), места в преступной группе (участник, руководитель) и др.

Тактике допроса в юридической литературе уделяется достаточно большое количество внимания, поэтому нами будут рассмотрены некоторые особенности организации и производства допроса подозреваемого, обвиняемого, которые повысят эффективность данного следственного действия при расследовании хулиганства, совершенного группой лиц.

При расследовании хулиганства, совершенного группой лиц, требуется тщательная подготовка к допросу, которая заключается в изучении материалов уголовных дел. Особенно следователь должен тщательно изучить показания ранее допрошенных лиц и запомнить их.

Производство допроса, в том числе, участников преступной группы, совершившей хулиганство, предполагает наличие у следователя достаточно профессиональной культуры общения, владение криминалистическими приемами допроса, знание психологии общения и юридической психологии допроса.

Большое значение имеет информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, которая влияет на подготовку вопросов, выбор тактики производства следственных или процессуальных действий. Также данная информация поможет следователю сделать прогноз относительно дальнейшего поведения допрашиваемого.

Важное тактико-психологическое значение приобретает решение вопроса об очередности допроса участников группы. При этом следователю необходимо учитывать ряд обстоятельств:

– кто из членов группы в силу личностных особенностей может первым дать признательные показания; количество имеющихся доказательств участия лица в совершении преступления;

– данные о роли, которую он при этом играл, выполнял ли он роль организатора либо был второстепенным участником;

– данные, указывающие на то, кто является в группе лидером, кто ведомым, кто находится в оппозиции.

Первым необходимо допрашивать члена группы с наименее устойчивой защитной позицией, находящегося в оппозиции, дающего правдивые показания, а последним – лидера группы.

При подготовке к допросу особое внимание, на наш взгляд, следует уделить анализу межличностных отношений в группе. Именно в этой сфере могут быть найдены основания для установления психологического контакта и усиления борьбы мотивов членов группировки. С этой целью, в частности, могут быть использованы разногласия, неизбежно возникающие в различной степени в любой преступной группе.

Это могут быть разногласия между:

1. Лидером и всей группой.
2. Лидером и его оппонентом.
3. Старыми и новыми членами группы.
4. Членами группы, выполняющими различные функциональные обязанности.
5. Группой и лицом, пожелавшим выйти из общества.
6. Группой и лицом, не выполнившим конкретное задание при совершении преступления.
7. Иные разногласия, в основном, связанные с представлениями о неправильном распределении имущества, полученного преступным путем или на почве личных неприязненных отношений. [2, с. 39].

Как верно заметил А.А. Корчагин, успех допроса членов преступной группы во многом определяется владением следователем программно-целевого метода расследования, методом моделирования возможного поведения лица на допросе и, как следствие, возможных ситуаций допроса и подготовка необходимых приемов и средств по их разрешению. В связи с вышесказанным, важной проблемой представляется разработка типовых программ проведения данного следственного действия с учетом специфики складывающейся на момент допроса следственной ситуации [3, с. 182]. В частности, использованию метода моделирования, программно-целевого метода в процессе расследования групповых преступлений посвятили свои труды Г.А. Густов [4], И.М. Лузгин [5], Д.Н. Лозовский [6] и др.

При допросе подозреваемого, обычно, следует получить ответы на такие вопросы:

- 1) признает ли он факт совершения хулиганства, по подозрению в котором он задержан?
- 2) в чем конкретно выразились его хулиганские действия, а также действия его соучастников?
- 3) что послужило поводом для его преступного поведения?
- 4) имел ли он при себе и использовал ли в момент хулиганства оружие или иной предмет, специально приспособленный для нанесения телесных повреждений, и если да, то где и когда приобрел его или изготовил, куда дел после совершения преступления, кому известно об этом оружии или предмете из его родных и знакомых?
- 5) знает ли он потерпевшего и, если да, каковы их взаимоотношения?
- 6) что делал потерпевший и другие лица перед началом хулиганских действий и во время их совершения?
- 7) пытался ли кто-нибудь из посторонних лиц пресечь хулиганские действия и оказывал ли задержанный сопротивление этим лицам (кому именно, какое конкретно сопротивление)?
- 8) какой ущерб, по мнению подозреваемого, он причинил потерпевшему, другим лицам своими действиями, как отразились его действия на окружающей обстановке?
- 9) какие иные правонарушения, включая и преступления, совершенные в составе преступной группы, совершал допрашиваемый ранее?
- 10) каков состав группы, роль каждого из соучастников в совершении преступления и др?

При производстве допросов подозреваемых необходимо учитывать занятую ими и их защитниками «линию защиты» относительно количества фактических обстоятельств, которые подозреваемые согласны сообщить следователю. Если участник преступной группы согласен дать признательные показания, которые бы касались только одного преступного эпизода, следовательно категорически не рекомендуется во время первоначального допроса подозреваемого или обвиняемого ставить вопросы о других эпизодах противоправной деятельности, если данные эпизоды известны следователю. В данной ситуации необходимо подробнейшим образом выяснить обстоятельства того эпизода преступления, о совершении которого подозреваемый согласился дать показания. А обстоятельства других преступных эпизодов следователю рекомендуется выяснять уже после подписания протокола допроса подозреваемого. Поэтому, мы полагаем уместным произвести дополнительный допрос подозреваемого после первоначального допроса относительно факта выяснения иных преступных эпизодов.

В противном случае, если же данной рекомендации не следовать, уже после первоначального

допроса подозреваемому (обвиняемому) и его защитнику могут быть известны некоторые факты о других преступных эпизодах, лицах, принимавших участие в их совершении, что позволит стороне защите выработать тактику противодействия расследованию или же отказаться от дачи показаний, заняв выжидательную позицию.

В следственной практике часто встречаются случаи, когда подозреваемый предъявляет следователю доказательства, подтверждающие его непричастность к совершенным преступлениям, которые следователь может опровергнуть. В данной ситуации, если следователь имеет достаточную уверенность в том, что предъявленные вещественные доказательства не изменять позицию подозреваемого и его защитника, то в данном случае от этого лучше отказаться.

Предъявление данных доказательств может обернуться против следователя, так как, получив новую информацию об имеющихся в материалах уголовного дела доказательствах, подозреваемый может отказаться от допроса и выработать вместе с защитником новую линию поведения.

В вышеуказанной ситуации следователю рекомендуется осуществить фиксацию ложных показаний допрашиваемого путем детальной допроса. При этом в протоколе допроса необходимо фиксировать только ложные показания, которые, в последующем, могут быть полностью опровержены доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела. В последующем, защитник и подозреваемый, конечно же, будут ознакомлены с данными доказательствами. Но после этого, как правило, подозреваемый и его

Литература:

1. *Порубов Н.И.* Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты : монография / Н.И. Порубов, А.Л. Порубов М. : Юрлитинформ, 2013. 304 с.
2. Психологические особенности допроса несовершеннолетних при расследовании преступлений, совершаемых молодежными преступными группами : учебное пособие / А.Д. Белоусов, О.А. Логунова, В.М. Карпенко, Н.В. Кочегарова. М. : ВНИИ МВД России, 2010. 56 с.
3. *Корчагин А.А.* Особенности допроса обвиняемых и свидетелей при расследовании убийств, совершенных преступными группами // Проблемы в российском законодательстве. М. : Медиа-ВАК, 2011. № 1. С. 181–184.
4. *Густов Г.А.* Моделирование в работе следователя : учебное пособие. Л., 1980. 188 с.
5. *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. М. : Юрид. лит., 1973. 216 с.
6. *Лозовский Д.Н.* Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализация в практике борьбы с организованной преступной деятельностью : автореф. дис. ... д-р. юрид. наук. СПб., 2011. 32 с.

защитник попытаются ввести следствие в заблуждение, дав новые показания, которые, как правило, будут противоречить ранее данным [7, с. 102].

Практика показывает, что если показания, которые содержатся в различных протоколах допроса, данные подозреваемым (обвиняемым) в присутствии защитника, будут между собой существенно противоречить, то в последующем при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, эти обстоятельства будут оценены судом критически. Для устранения данной проблемы целесообразно при составлении обвинительного заключения на завершающем этапе расследования указывать о данных фактах, для того, чтобы государственный обвинитель использовал указанные обстоятельства в суде.

Однако следует отметить, что в следственной практике бывают ситуации, когда следователь не может провести допрос задержанного в качестве подозреваемого в силу различных обстоятельств, например, свидания задержанного с защитником, в связи с чем, необходимо учитывать возможное опоздание защитника, его неявку по вызову следователя.

Таким образом, тактика допроса участников группового хулиганства должна строиться с учетом предполагаемой структуры, степени организованности и устойчивости преступной группы, ее количественного и качественного состава, времени членства в группе, характера сложившихся взаимоотношений, распределения ролей при совершении преступлений.

Literature:

1. *Porubov N.I.* Interrogation: procedural and forensic aspects : monograph / N.I. Porubov, A.L. Porubov. M. : Yurlitinform, 2013. 304 p.
2. Psychological features of interrogation of minors in the investigation of crimes committed by youth criminal groups : textbook / A.D. Belousov, O.A. Logunova, V.M. Karpenko, N.In. Kochegarova. M. : Institute of the interior Ministry, 2010. 56 p.
3. Features of interrogation of accused and witnesses in the investigation of murders committed by criminal groups // Gaps in Russian legislation. M. : Media-VAK, 2011, № 1. P. 181–184.
4. *Gustov G.A.* Modeling in the work of the investigator : textbook. L., 1980. 188 с.
5. *Luzgin I.M.* Methodological problems of investigation. M. : Yurid. lit., 1973. 216 с.
6. *Lozovsky D.N.* The criminalistic doctrine about the methods of crime investigation and its implementation in practice of the fight against organized crime : abstract thesis doctor of jurisprudence. SPb., 2011. 32 p.

7. *Коловоротный А.А.* Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования организации преступного сообщества (преступной организации) : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 238 с.

7. *Kolovorotny A.A.* Criminal procedure and forensic aspects of the investigation of organizing a criminal community (criminal organization) : thesis candidate of law sciences. Volgograd, 2015. 238 p.

Очередыко Владимир Александрович
аспирант кафедры уголовного права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
Milena.555@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОПРАВДАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрываются особенности нормативной регламентации ответственности за оправдание преступления. Рассматриваются юридически значимые признаки оправдания преступления применительно к уголовно-правовым запретам публичного оправдания терроризма и реабилитации нацизма. Исследуются общие закономерности криминализации оправдания преступления в российском уголовном законодательстве как формы проявления прикосновенности к преступлению.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, квалификация преступлений, прикосновенность, соучастие, оправдание преступления, оправдание терроризма, реабилитация нацизма.

Одной из новелл отечественного уголовного законодательства последних лет являются предписания об ответственности за такую форму криминального поведения, как оправдание преступления. В юридической литературе отмечается, что оправдание терроризма впервые криминализовано в рамках ст. 2052 УК РФ [1, с. 77].

Согласно примечанию 1 к ст. 2052 УК РФ, под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании [2]. При этом важно подчеркнуть, что законом понятие «оправдание» отмежевывается от понятий «призывы» и «пропаганда». Тем самым оправдание наделяется свойствами самостоятельного деяния, наличие которого в действиях лица может образовывать признаки состава публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма. Однако, несмотря на то, что законодателем предложено аутентичное толкование понятия «оправдание терроризма», оно не всегда верно трактуется в правоприменительной практике. Во многом это обусловлено относительной новизной и даже нехарактерностью для традиционного российского

Vladimir A. Ochered'ko
Post-graduate Student
of Criminal Law Department,
Kuban State Agrarian University
name of I.T. Trubilin
Milena.555@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR A JUSTIFICATION OF THE CRIME

Annotation. The article reveals the features of the normative regulation of responsibility for justifying a crime. The author considers the legally significant signs of justification of the crime in relation to the criminal law prohibitions of public justification of terrorism and rehabilitation of Nazism. The General regularities of criminalization of justification of crime in the Russian criminal legislation as a form of manifestation of touch to crime are investigated.

Keywords: criminal liability, crime, qualification of crimes, touch, complicity, justification of crime, justification of terrorism, rehabilitation of Nazism.

уголовного права деяния в форме оправдания преступления.

В первую очередь, стоит обратить внимание на то, что в условиях признания оправдания терроризма самостоятельным преступлением, его достаточно затруднительно разграничить с другим альтернативным деянием, запрещённым ч. 1 ст. 2052 УК РФ, а именно пропагандой. Проблема заключается в том, что пропаганда, которая также определяется в примечании к названной норме уголовного закона, подразумевает возбуждение у иных лиц приверженности терроризму. В свою очередь, нормативная формулировка оправдания терроризма, помимо одобрения такого преступления, содержит ссылку на поддержку и подражание. А это, как нам представляется, в большей степени характерно для пропаганды, нежели для оправдания.

Мы полагаем, что ввиду отсутствия у термина «оправдание» какой-либо узкоспециализированной юридической окраски, он должен использоваться в его исходном лексическом значении. В толковом словаре русского языка слово «оправдать» объясняется как «признать правым, невиновным», «признать допустимым в силу чего-нибудь» [3, с. 318]. Таким образом, в примечании 1 к ст. 2052 УК РФ законодателем допускается

расширительное толкование. Причём, на наш взгляд, данное толкование несколько не упрощает практику применения соответствующей нормы, не уменьшает степень оценочности признака «оправдание», а лишь наращивает её и создаёт терминологические противоречия.

Не случайно, разработанные в уголовно-правовой науке дефиниции оправдания терроризма, преимущественно, не содержат упоминаний о том, что такое деяние предполагает, своего рода, склонение к поддержке и подражанию терроризму. Как пишет А.В. Лагодин, «публичное оправдание терроризма состоит в его идеологическом обеспечении путём обоснования моральной допустимости подобного рода деятельности. При этом могут приводиться доводы политического, националистического, религиозного или социального характера, якобы, оправдывающие и даже героизирующие действия террористов» [4, с. 183]. З.А. Шибзухов приходит к выводу о том, что «под публичным оправданием практики терроризма необходимо понимать адресованные персонально неопределённому кругу лиц заявления, о том, что совершенные преступления террористического характера явились вынужденными, необходимыми, справедливыми, т.е. морально допустимыми» [5, с. 99].

Специалистами в области уголовного права ведутся дискуссии относительно обоснованности употребления в диспозиции ч. 1 ст. 2052 УК РФ термина «терроризм» применительно к деянию в виде оправдания, в то время, как публичные призывы привязаны к термину «террористическая деятельность» [6, с. 15]. При этом, например, А.С. Шуйский полагает, что законодатель в данном случае не допускает ошибок. Объясняется это тем, что при другом подходе за рамками уголовно-правового регулирования могут оказаться факты оправдания террористической идеологии как таковой, а не отдельных террористических преступлений [1, с. 85]. З.А. Шибзухов, напротив, считает, что публичное оправдание идеологии терроризма не достигает необходимого для преступления уровня общественной опасности. По мнению данного автора, в этом случае уместнее говорить о террористической деятельности [5, с. 98].

К сказанному стоит добавить, что примечание 1 к ст. 2052 УК РФ прямо ссылается не только на практику, но и на идеологию терроризма. Данный факт является дополнительным подтверждением целенаправленного использования в тексте ст. 2052 УК РФ именно признака «терроризм», а не «террористическая деятельность».

Вместе с тем, по нашему мнению, заслуживает поддержки точка зрения З.А. Шибзухова о том, что оправдание идеологии терроризма вряд ли можно признать деянием с уровнем общественной опасности, достаточным для его криминализации. По крайней мере, значительно больший уровень общественной опасности отчётливо проявляет себя в случаях оправдания террористической деятельности в том смысле, который вкладывается в данное словосочетание примечанием 2 к ст. 2052 УК РФ.

Как отмечают И.В. Щерблыкина и Д.С. Степин, на практике за оправдание терроризма нередко привлекают лиц, которые «пытаются выяснить причины терроризма, понять мотивацию лиц, использующих террористические методы» [7, с. 271]. По этим причинам криминализация, наряду с оправданием террористической деятельности, ещё и оправдания идеологии терроризма выглядит не вполне обоснованной. По нашему мнению, данными обстоятельствами предопределяются попытки многих авторов очертить круг деяний, подпадающих под признаки оправдания терроризма. Например, в юридической литературе подчёркивается, что оправдание терроризма может влечь уголовную ответственность исключительно при установлении признаков общественной опасности такого деяния [8].

И.М. Кунов приходит к выводу, что «не является оправданием терроризма одобрительное заявление, выражающее исключительно личную позицию (оценку) автора, лишённое какой-либо аргументации, свидетельств, доказательств, указаний на факты или события, которые были бы направлены на создание убеждения у неопределённого круга лиц о правильности идеологии терроризма и необходимости террористической деятельности» [9, с. 213].

Конечно же, оправдание терроризма, подкреплённое обстоятельной аргументацией, выглядит более убедительным для аудитории, его воспринимающей. Тем не менее, возводить аргументированность оправдания терроризма в ранг обязательного условия возникновения уголовной ответственности было бы преувеличением, не основанным на букве закона.

И.М. Кунов обращает внимание на тот факт, что в примечании 1 к ст. 2052 УК РФ имеется ссылка на заявление лица. Это, по мнению данного автора, предполагает распространение лицом собственной информации от первого лица и не подразумевает распространение (копирование и размещение) чужой информации [9, с. 209]. На наш взгляд, такой тезис может быть подвергнут определённой критике, поскольку употребление в законодательной дефиниции оправдания терроризма термина «заявление» отнюдь не означает изложение лицом исключительно авторской информации. Главное же состоит в том, что социально-криминологическая сущность оправдания терроризма посредством распространения собственных взглядов либо чужих мыслей, идей и аргументов несколько не изменяется.

Ещё одной разновидностью криминального оправдания преступления выступает альтернативное деяние, предусмотренное ст. 3541 УК РФ, в виде одобрения преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. В уголовно-правовой литературе указывается на равнозначность терминов «оправдание» и «одобрение» [10, с. 101].

По мнению А.Г. Меретукова, одобрение соответствующих нацистских преступлений подразуме-

вадет преуменьшение их масштабности, а возможно и жестокости совершённых преступлений, указание «на незаконность и даже несправедливость уголовного преследования за преступления, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси» [11, с. 237].

Как пишет А.К. Князькина, содержанием одобрительных выражений в контексте ст. 3541 УК РФ

Литература:

1. *Шуйский А.С.* Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4. (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.11.2016 № 41).
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и образование», 2007.
4. *Лагодин А.В.* Объективная сторона публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Общество и право. 2009. № 1. С. 183.
5. *Шибзухов З.А.* Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
6. *Кибальник А.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма / А. Кибальник, И. Соломоненко // Законность. 2007. № 2. С. 15.
7. *Щеблыкина И.В.* Проблемы противодействия публичным призывам к террористической деятельности и публичному оправданию терроризма / И.В. Щеблыкина, Д.С. Степин // Преступность, уголовная политика, закон. Российская криминологическая ассоциация. М., 2016. С. 271.
8. *Борисов С.В.* Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19.
9. *Кунов И.М.* Проблемные вопросы квалификации оправдания терроризма // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2016. С. 213.

является оправдание совершения «преступлений против мира, преступлений против человечности и военных преступлений, т.е. преступлений, включенных в Раздел XII УК» [12, с. 264].

Имеются основания полагать, что понимание одобрения преступления в контексте ст. 3541 УК РФ в полной мере эквивалентно таковому в составе оправдания терроризма. Различия связаны только с содержанием оправдательных заявлений (виды одобряемых преступлений).

Literature:

1. *Shuyskiy A.S.* combat acts of terrorism by means of criminal law with a double prevention : dis ... candidate of law sciences. M., 2010.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 № 1 «On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes» // Bulletin of the Supreme Court. 2012. № 4. (in edition resolution of the Plenum of the Supreme Court of 03.11.2016 № 41).
3. *Ozhegov S.I.* Dictionary of Russian language / Under the General editorship of Professor L.I. Skvortsova. 24th ed., Rev. M. : LLC «Publishing house Oniks»: LLC publishing House «World and education», 2007.
4. *Lagodin A.V.* Objective side of public calls to terrorist activity or public justification of terrorism // law and Society. 2009. № 1. P. 183.
5. *Shibzukhov Z.A.* Criminal liability for public calls to carry out terrorist activities or public justification of terrorism : dis. ... candidate of law sciences. M., 2012.
6. *Kibalnik A.* Public calls to terrorist activity or public justification of terrorism / A. Kibalnik, I. Solomonenko // Law. 2007. № 2. P. 15.
7. *Sheblykina I.V.* Problems of counter public calls for terrorist activities or public justification of terrorism / I.V. Sheblykina, D.S. Stepin // Crime, criminal policy, law. Russian criminological Association. M., 2016. P. 271.
8. *Borisov S.V.* Criminal liability for public calls to carry out terrorist activities or public justification of terrorism // Russian investigator. 2007. № 19.
9. *Kunov I.M.* Problem questions of qualification of justification of terrorism // Criminal policy and culture of counteraction of crime: materials of the International scientific and practical conference. Krasnodar University of the Russian interior Ministry. Krasnodar, 2016. P. 213.

10. *Иванов А.Ю.* Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2017.

11. *Меретуков А.Г.* Уголовно-правовые аспекты противодействия реабилитации нацизма / Под ред. А.В. Симоненко. // Уголовная политика и культура противодействия преступности. Т. II. Краснодар, 2016. С. 237.

12. *Князькина А.К.* Реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ) – ещё одна «проблемная» статья уголовного закона / А.К. Князькина; Под ред. А.Н. Ильяшенко // Современные проблемы уголовной политики: V Международная научно-практическая конференция. 2014. С. 264.

10. *Ivanov A.Yu.* Criminal liability for the rehabilitation of Nazism : dis. ... candidate of law sciences. Stavropol, 2017.

11. *Meretukov A.G.* Criminal-legal aspects of counteraction of rehabilitation of Nazism / Under edition of A.V. Simonenko // Criminal policy and culture of counteraction of crime. T II. Krasnodar, 2016. P. 237.

12. *Knyazkina A.K.* Rehabilitation of Nazism (article 354.1 of the criminal code) – another «problematic» article of the criminal law / A.K. Knyazkina; Ed. by A.N. Ilyashenko // Modern problems of criminal policy: V international scientific and practical conference. 2014. P. 264.

Пирогов Евгений Юрьевич

адъюнкт кафедры теории
и истории права и государства,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник внутренней службы
epirogoff@mail.ru

Evgeny Y. Pirogov

Adjunct of the Department
of Theory and History of Law and the State,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
lieutenant colonel of the internal service
epirogoff@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ЛОКАЛЬНОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

Аннотация. Критическая оценка плюрализма научных подходов к определению принципов правотворчества, правовая природа и специфика механизма реализации локального правотворчества обуславливают методологическую обоснованность и практическую целесообразность выделения общих (принцип социальной обоснованности; принцип демократизма; принцип гуманизма; принцип законности; принцип гласности) и специальных (принцип локальности (локальной обособленности); принцип субсидиарности; принцип оперативности) принципов локального правотворчества.

Ключевые слова: принцип, право, правовой акт, правотворчество, локальное правотворчество, социальная обоснованность, демократизм, гуманизм, законность, гласность, локальность, субсидиарность, оперативность.

Как и любая целенаправленная системная деятельность, правотворчество основывается на определенных принципах. Принцип (от лат. – *principium*) – начало, основание для существующего, руководящее правило [3, с. 465], как философская категория рассматривается в значении первоосновы, руководящей идеи, основного правила поведения [17, с. 382]. Таким образом, правотворчество должно осуществляться строго в соответствии с определенными общими руководящими, основополагающими положениями и идеями, определяющими сущность, направление, пределы и цели указанной деятельности, которыми должны руководствоваться субъекты правотворчества в процессе создания (в т.ч. изменения и отмены) правовых актов.

Принципы правотворческой деятельности имеют объективное содержание, поскольку они есть результат отражения в политике, в сознании людей объективных закономерностей развития права, государства, общества, результат обобщения ими этих закономерностей [16, с. 11]. Будучи обусловленными историческими и объективными закономерностями общественного развития, данные принципы выступают методологической основой правотворчества [8, с. 18]. Основными принципами правотворчества являются те начала, основополагающие идеи, которые, во-

PRINCIPLES OF LOCAL LAW-MAKING

Annotation. A critical assessment of the pluralism of scientific approaches to defining the principles of law-making, the legal nature and specifics of the mechanism for implementing local law-making determine the methodological soundness and practical feasibility of identifying the common (social justification principle; democratism principle, humanism principle; legality principle; publicity principle) isolation); the principle of subsidiarity; the principle of efficiency) the principles of local lawmaking.

Keywords: principle, law, legal act, law-making, local law-making, social soundness, democratism, humanism, legality, publicity, localism, subsidiarity, efficiency.

первых, отражают основные, объективно необходимые стороны и проявления правотворчества, во-вторых, характеризует устойчивые, закономерно существующие отношения и связи в процессе правотворчества, и, в-третьих, воплощают в своем содержании конкретные черты и особенности всего процесса правотворчества [13, с. 85–86]. Соблюдение принципов правотворчества имеет ключевое теоретическое и практическое значение, поскольку обеспечивает эффективность правотворчества и правового регулирования общественных отношений в целом.

Несмотря на общепризнаваемое значение и основополагающую роль принципов правотворчества, в юридической науке до сих пор не сформировалась их окончательная система, поскольку, как справедливо указывают С.А. Жинкин и Т.М. Чернявская, «не найден единый подход к пониманию места каждого из них в правотворческом процессе. Видимо, поэтому российское законодательство также не содержит однозначного перечня принципов правотворчества, что создает дополнительные трудности правового регулирования общественной жизни» [9, с. 23].

В юридической литературе указывается широкий спектр разнообразных принципов, которые пред-

лагаются рассматривать в качестве основных для правотворчества, в частности: демократизм, законность, гуманизм, гласность, справедливость, научность (научный характер), эффективность, обоснованность, системность, преемственность, стабильность (постоянство), плановость, соединение динамизма и стабильности, согласованность законодательства, иерархия законодательства, доступность, конструктивность, информационная обеспеченность, связь с практикой, использование правового опыта, профессионализм, тщательность, скрупулезность подготовки проектов, техническое совершенство принимаемых актов, понятийно-терминологическая определенность и пр.

Критическая оценка плюрализма научных подходов к определению принципов правотворчества, правовая природа и специфика механизма реализации локального правотворчества обуславливают методологическую обоснованность выделения общих (является экстраполяцией общих принципов правотворчества) и специальных принципов локального правотворчества.

К общим принципам локального правотворчества относятся следующие принципы.

1. Принцип социальной обоснованности. Как указывал А.В. Мицкевич, формирование права носит объективно обусловленный, исторически необходимый характер [13, с. 5]. Именно наличие объективно обусловленной социально-политической потребности в юридическом регулировании тех или иных общественных отношений [1, с. 307], является социальным основанием правотворческой деятельности. При этом реализация принципа социальной обоснованности в правотворчестве предполагает не только наличие объективной необходимости (потребности), т.е. объективно существующего «социального заказа» на создание определенных правовых актов, но и сбалансированность интересов всего общества в правотворческой деятельности.

Как указывает А.Ю. Калинин, «внутренний источник права определяется как способность общества к нормативному воспроизведению своей ценностной системы. Методологический смысл данного понятия сводится к тому, что оно является своего рода идеальным отражением потребностей общества в той или иной норме права и должно в этой связи быть вектором, определяющим направление процесса правообразования. В структуру понятия «внутренний источник права» входят внутренние и внешние факторы правообразования. К первым относится ценностная система данного общества. Волевая работа общества (его отдельных социальных групп) по утверждению своей ценностной системы определяется как «искусственный ценностный отбор». Ко вторым – политические, экономические и социальные факторы правообразования» [10, с. 12]. Реализация принципа социальной обоснованности в правотворчестве предполагает недопустимость игнорирования (нивелирования значимости) каких-либо отдельных факторов объективного и/или субъективного порядка, равно как и их гиперболизацию, в том

числе в интересах отдельных субъектов (принятие правовых актов в интересах правящей элиты; актов лоббирующих интересы представителей бизнеса и т.п.).

В контексте рассмотрения содержания принципа социальной обоснованности хотелось бы высказать возражения относительно выделения таких принципов правотворчества, как: «системность», «преемственность», «стабильность (постоянство)», «плановость», «соединение динамизма и стабильности» и т.п.

Системность является объективной характеристикой права как такового. Следовательно, данное свойство распространяется на все его проявления, в том числе на правообразование (как форму возникновения и бытия права) и правотворчество как его составляющую.

Идея о системном характере всего многообразия проявлений правового способа бытия выражается как в системных представлениях, касающихся всей правовой действительности, так и понимании правотворчества как системообуславливающего фактора правовой системы общества [12, с. 12]. Как отмечает В.С. Фральцев, «Правотворчество – очень сложный процесс и в субъективном, и в объективном смысле, и в своей результативности, поэтому системность – скорее объективная и интегральная характеристика правотворческой деятельности, чем непосредственно организующий принцип. Непосредственно организующий характер в применении к правовой жизни носят такие свойства системности, как многофакторность, всесторонность, полнота, стратегичность, стабильность, целенаправленность, рациональность, формально-логическая определенность, органичность, своевременность» [18, с. 10].

Правотворчество должно осуществляться, как уже отмечалось, в соответствии с «трезво» оцененной и сбалансированной сформулированной объективно существующей социальной потребностью. Именно состояние общества в конкретный социально-исторический момент и определяет данные потребности, соответственно, поступательность и динамизм правотворчества. Как отмечает В.Ю. Багдасаров, «в широком смысле право творится постоянно, нормообразующие процессы в социуме никогда не прекращаются, что позволяет утверждать о наличии у правотворчества свойства перманентности» [3, с. 47]. Правотворчество как непрерывный процесс является одной из универсальных характеристик общества с точки зрения его динамики [18, с. 10]. С точки зрения формирования социального запроса (потребности) на правотворчество говорить о его плановости и последовательности возможно лишь в части процедурного аспекта правотворческой деятельности.

2. Принцип демократизма. Чем шире и активнее народ участвует в создании правовых норм, тем полнее и всестороннее эти нормы отражают их интересы и стремления, тем эффективнее их воздействие на общественное развитие [16, с. 11]. В соответствии с Конституцией Россий-

ской Федерации, Россия является демократическим правовым государством (ч. 1 ст. 1); «единственным источником власти в России является ее многонациональный народ» (ч. 1 ст. 3); «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (ч. 2 ст. 3); «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» (ч. 2 ст. 3) [11].

Реализация принципа демократизма предполагает как само выражение (юридическое оформление) воли народа посредством правотворчества в правовых актах, так и участие (непосредственное или представительное) народа в процессе правотворчества. Соблюдение принципа демократизма предусматривает наличие возможности населения, отдельных граждан, их объединений выражать общественное и частное мнение, вносить свои предложения относительно правовой (в том числе правотворческой) политики государства в целом и конкретных правотворческих инициатив и процессов в частности. В соответствии с принципом демократизма в правотворчестве участвует население, как в целом, так и проживающие на отдельных административных территориях, общественные объединения, трудовые коллективы.

3. Принцип гуманизма. Приоритетом государственного управления в социальном государстве является обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина, международных стандартов прав человека, охрана общечеловеческих ценностей. Конституция Российской Федерации провозглашает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2); Россия «является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18); «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» (ч. 1 ст. 45); «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч. 2 ст. 55) [11]. Реализация принципа гуманизма в правотворчестве предполагает выделение в качестве приоритета в ценностной системе общества как внутреннем факторе правообразования именно прав и свобод человека и гражданина. Вырабатываемые в результате правотворчества правовые акты должны не только декларировать права и свободы человека и гражданина, но и создавать социально-правовые условия и механизмы их реализации.

Конкретизация принципа гуманизма относительно локального правотворчества заключается в акценте на права и свободы, социально-эконо-

мические и прочие потребности и благополучие лиц, представляющих конкретное предприятие, учреждение, организацию.

4. Принцип законности. В правовом государстве одним из незыблемых принципов его существования является верховенство закона. В соответствии с Конституцией Российской Федерации «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» (ч. 2 ст. 15) [11]. Значимость правотворчества в обществе как составляющей правообразования и элемента системы правового регулирования, возможные злоупотребления и потенциальные последствия просчетов в правотворчестве определяют строгое соблюдение требований закона при его реализации.

Правовые принципы «создают базовые условия и способность давать верное направление пониманию духа и буквы закона, как в правотворчестве, так и в правоприменении» [2, с. 22]. Ярким подтверждением тому является принцип законности. Данный принцип предполагает осуществление правотворчества исключительно в соответствии с законом (прежде всего, Конституцией Российской Федерации), как в части самой правотворческой процедуры (полномочность и компетентность субъектов, стабильность, технологичность и пр.), так и в части его результата – духа и содержания правовых актов (непротиворечивость Конституции и иным законам, подзаконный характер иных правовых актов, иерархичность правовых актов и пр.).

Как верно отмечает М.В. Сиотокова, «процедура правотворческого процесса должна соблюдаться государственными органами и в деятельности самих этих органов, и во взаимоотношениях с другими органами, а также с общественными организациями, гражданами. Строжайшее соблюдение установленного порядка подготовки и принятия нормативно-правовых актов является залогом осуществления требований законности во всех иных формах деятельности органов российского государства» [16, с. 11]. В свою очередь важнейшей особенностью объекта правотворчества, как указывает В.Ю. Багдасаров, заключается в том, «что он есть объект интеллектуальный. Объект правотворчества является мыслительной конструкцией, абстрактным объектом. Объект правотворчества не существует вне общественного сознания и выступает в качестве интеллектуально постигаемой субстанции. Неосознанное механическое воспроизведение социальными агентами каких-либо алгоритмов поведения без их осознания в качестве норматива не создает объект правотворчества, то есть не создает право. Общество не будет и не сможет защищать и поддерживать то, что не осознано как нечто нуждающееся в защите и поддержке» [3, с. 50]. Правовые акты и заключенные в них правовые установления, созданные с нарушением законности и/или отражающие либо содержащие такие нарушения, не должны и не могут восприниматься народом как подлежащие исполнению. Иначе говоря, нарушение законности правотвор-

чества влечет за собой несостоятельность с позиции законности его результата.

Одна из основополагающих идей, вытекающих из принципа законности, относительно локального правотворчества заключается в подзаконной природе и характере локальных правовых актов. Имея властные полномочия на выражение своей воли, субъект локального правотворчества действует в рамках закона. Именно закон (либо нормативно-правовой акт вышестоящего органа исполнительной власти) придает юридическую силу локальному правовому акту. Принцип законности обеспечивает правомерность и эффективность локального правотворчества как инструмента правового регулирования и государственного управления.

Следует отметить, что, на наш взгляд, исходя из содержания принципа законности, выделение таких принципов правотворчества, как «профессионализм», т.е. привлечение к созданию правовых актов квалифицированных специалистов, имеющих глубокие и всесторонние знания и владеющих практическими навыками в той или иной общественно-полезной деятельности [5, с. 19], «тщательность и скрупулезность подготовки нормативных актов», «техническое совершенство принимаемых актов», т.е. соблюдение правил, способов, приемов юридической техники, которые являются обязательными для правотворческих органов и т.п. – является нецелесообразным. Допуск к правотворчеству «дилетантов», игнорирование юридической техники, стадий создания правовых актов, нарушение законодательно определенных границ правового регулирования, превышение пределов правотворческих полномочий и прочие подобные «просчеты» являются нарушением законности при реализации процедуры правотворчества.

Необоснованным также видится выделение в качестве принципов правотворчества «согласованность законодательства», «иерархию законодательства» и т.п., поскольку создание правовых актов противоречащих Конституции, создание подзаконных правовых актов, противоречащих законам, создание правовых актов, противоречащих иным существующим правовым актам (нормативная, внутриотраслевая, межотраслевая, международная несогласованность) и т.п. является ничем иным, как нарушением принципа законности.

5. Принцип гласности. Логично корреспондирующим с принципом демократизма правотворчества является принцип гласности. Осуществление народом правотворчества через своих представителей определяет возможность получения информации, мониторинга и контроля за данной деятельностью.

Это обеспечивается открытостью процесса и результатов правотворчества (в установленных законом пределах). Так, в соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации «законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагиваю-

щие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения» [11]. Реализация принципа гласности правотворчества обеспечивается посредством освещения данного процесса и его результатов в средствах массовой информации и в ресурсах информационно-телекоммуникационных систем, информирования широкой общественности о правотворческой инициативе и привлечения ее к обсуждению проектов правовых актов и пр.

Следует отметить, что, определяя общие принципы правотворчества, многие ученые выделяют в качестве такового принцип научности (научной обоснованности). Аргументация данного подхода в целом сводится к тому, что субъекты правотворчества должны широко использовать различные научные теории и взгляды, а также достижения науки, прежде всего юридической. Проведение научных исследований с целью выявления потребностей в правовом регулировании, внедрение научных разработок по совершенствованию правотворческого процесса, проведение научных экспертиз нормативно-правовых актов, привлечение ученых соответствующего профиля к обсуждению проектов правовых актов и т.п. будет способствовать повышению эффективности процесса и результатов правотворчества. «Во-первых, любой крупный нормативный правовой акт в идеале должен быть научно обоснован, т.е. его появление обосновывается реальными потребностями государства и общества. Эти потребности лучше всего могут выявить ученые, владеющие различными методами познания социального бытия. Важным способом выявления таких потребностей являются социологические исследования и опросы [7, с. 19]. В более общем виде принцип научности предполагает организацию правотворческой деятельности в соответствии с объективными законами функционирования государства и общества, что позволяет обеспечить оптимальный вариант государственного управления. «Принцип научности правотворчества предопределяет социальную эффективность создаваемых правовых норм. Его реализация предполагает тщательный учет экономических, политических, экологических и других факторов развития определенной сферы общественной жизни, к которой относится принимаемый нормативный акт, т.е. факторов, формирующих правотворческое решение» [15].

На наш взгляд, выделение научности в качестве основного принципа правотворчества нецелесообразно. Прежде все, научность и историзм являются общефилософскими принципами, отражающими закономерности развития, ход познавательного процесса. Необходимость тщательной научной проработки каждого правового акта, даже каждого нормативно-правового акта, выглядит декларативно, как ненаучно выглядит тезис о том, что «любой крупный нормативный правовой акт в идеале должен быть научно обоснован». Что касается тщательного учета факторов действительности как обоснования необходимости правотворчества и оценки его эффективности, то установление внутренних и

внешние факторы правообразования, входящих в структуру «внутреннего источника права», отражающего потребностей общества в правообразовании и направлении последнего, является методологической предпосылкой самого правообразования как такового.

Как верно отмечает М.В. Сиотокова, «глубокое теоретическое обоснование принимаемых правовых актов, органическое единство науки и политики, учет и использование новейших данных и достижений науки – основа всей государственной деятельности в РФ, в том числе правотворческой» [16, с. 12]. Научным (научно-обоснованным) сегодня априори должно быть социальное, в т.ч. государственное управление во всех его сферах и проявлениях.

Наряду с рассмотренными общими принципами методологической основой локального правообразования выступают следующие специальные (по отношению к правотворчеству в целом) принципы.

6. Принцип локальности (локальной обособленности). Основная цель локального правообразования состоит в регуляции и саморегуляции отношений внутри предприятия, учреждения, организации посредством инициативной (в рамках закона) конкретизации предписаний нормативно-правовых актов, созданных законодателем, а также вышестоящими правотворческими органами, с которыми он находится в отношениях служебной подчиненности или которыми ему санкционированы правотворческие полномочия. Реализация принципа локальности предполагает ограничение и сосредоточение правообразования в пределах конкретного предприятия, учреждения, организации.

Данный принцип направлен на решение следующих задач. Во-первых, на разграничение сфер и пределов правообразования на общем и локальном уровнях, разграничение полномочий субъектов правообразования, соблюдение ими границ собственной компетенции и компетенции других правотворческих органов. Как верно указывает Я.В. Гайворонская, «качественная, внутренне согласованная система законодательства формируется в результате того, что каждый субъект правообразования знает пределы своего правового регулирования и не вторгается в сферу полномочий другого» [6, с. 126]. Во-вторых, на обеспечение приоритетности решения социальных задач, обеспечения эффективной работы механизма социального управления на местах, т.е. на уровне отдельных предприятий, учреждений, организаций.

7. Принцип subsidiarity. Суть данного принципа заключается в том, что локальное нормотворчество не подменяет правотворческую деятельность органов государства, а, реализуя такие присущие ему свойства, как подзаконность, делегированность, санкционированность, дополняет ее.

Механизм локального правового регулирования обеспечивается действием локальных правовых

норм, которые направлены, «с одной стороны, на «преломление» общегосударственных (централизованных) норм к условиям конкретной организации, а с другой стороны – представляют собой самостоятельный канал правообразования, направленный на создание собственных правил саморегулирования» [14, с. 9]. Принимаемые на основе и для выполнения законов, локальные правовые акты призваны конкретизировать и уточнять механизмы реализации субъективных прав и обязанностей в практической деятельности. Таким образом, невозможность и нецелесообразность централизованных регламентации и правового регулирования множества аспектов социальной жизни на локальном уровне компенсируется subsidiarity локального правообразования, акты которого конкретизируют централизованные юридические установления.

8. Принцип оперативности. Результаты правообразования имеют должную ценность, когда они своевременны. Суть принципа оперативности правообразования проявляется в том, что правовой акт необходимо принять именно в тот момент, когда в наличии актуальная потребность правового регулирования каких-либо общественных отношений или выявлены общественные определенные проблемы нормативного урегулирования. Для подзаконных актов своевременность проявляется в их принятии в сроки, установленные законом [7, с. 17]. Специфика подзаконного правообразования обусловлена необходимостью разработки в срочном порядке нормативных документов после вступления в силу принятого законодательного акта, поскольку отсутствие надлежащих правовых механизмов исполнительной деятельности препятствует практической реализации законодательных норм в полном объеме [19].

Специфические потребности правового регулирования общественных отношений на локальном уровне (в масштабе предприятия, учреждения, организации) нередко требуют немедленного реагирования на изменения, происходящие в процессе управления. Реализация принципа оперативности предполагает максимально быстро обеспечение процесса и результата локального правообразования с целью неотложного обеспечения правового регулирования посредством создания (принятия, изменения или отмены) локальных правовых актов.

Таким образом, на основании изложенного, можем прийти к следующим выводам.

Определение основных принципов правообразования обеспечивает системное изучение данной и прочих взаимосвязанных с ней правовых категорий, правильный выбор перспективных направлений развития локального правообразования.

Критическая оценка плюрализма научных подходов к определению принципов правообразования, правовая природа и специфика механизма реализации локального правообразования обуславливают методологическую обоснованность и практическую целесообразность выделения общих (является экстраполяцией общих принципов

правотворчества) и специальных принципов локального правотворчества. Общим принципам локального правотворчества являются: принцип социальной обоснованности; принцип демократизма; принцип гуманизма; принцип законности; принцип гласности. Специальными принципами локального правотворчества являются: принцип локальности (локальной обособленно-

сти); принцип субсидиарности; принцип оперативности.

Признание этих принципов исходными основами правотворческой деятельности, их практическая реализация и неуклонное соблюдение позволит обеспечить адекватное социальным запросам и развитию общества правотворчество.

Литература:

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права : в 2-х т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
2. *Андриянов В.Н.* О роли и сущности принципов современного административного права // Российская юстиция. 2015. № 2. С. 21–24.
3. *Багдасаров В.Ю.* Объект правотворчества // Право и современные государства. 2016. № 2. С. 47–52.
4. *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь: Современная версия / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. М. : Эксмо-Пресс, 2002. 672 с.
5. *Габричидзе Б.Н.* Принцип профессионализма в государственной службе / Б.Н. Габричидзе, В.Н. Коланда // Государство и право. 1995. № 12. С. 19–26.
6. *Гайворонская Я.В.* Региональное правотворчество: понятие, принципы, правовое регулирование // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2015. Т. 17. № 2. С. 120–137.
7. *Гранкин И.В.* Принципы правотворчества // Российское государственное управление. 2017. № 1. С. 11–37.
8. *Дроздова Н.Г.* Принципы правотворчества субъекта РФ: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2008. № 9. С. 18–21.
9. *Жинкин С.А.* Некоторые проблемы реализации принципов правотворчества в современной России / С.А. Жинкин, Т.М. Черныавская // Общество и право. 2016. № 2(56). С. 22–24.
10. *Калинин А.Ю.* Правообразование в России: понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2010. 63 с.
11. Конституция Российской Федерации. URL : <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>
12. *Матвеева М.А.* Правовое регулирование и правотворчество в правовой системе общества: теоретико-методологические основы соотношения / М.А. Матвеева, Р.В. Шагиева // Государство и право. 2014. № 12. С. 5–13.
13. Правотворчество в СССР / Под ред. А.В. Мицкевича. М., Юрид. лит., 1974. 319 с.

Literature:

1. *Alekseev S.S.* General theory of law: In 2 tons. Moscow: Jurid. lit., 1981. T. 1. 360 p.
2. *Andrianov V.N.* On the role and essence of the principles of modern administrative law // Russian justice. 2015. № 2. P. 21–24.
3. *Bagdasarov V.Yu.* The object of law-making // Law and modern states. 2016. № 2. P. 47–52.
4. *Brokgauz F.A.* Encyclopedic dictionary : modern version / F.A. Brokgauz, I.A. Efron. M. : Eksmo-Press, 2002.
5. *Gabrighidze B.N.* The principle of professionalism in public service / B.N. Gabrichidze, V.N. Kolanda // State and Law. 1995. № 12. P. 19.
6. *Gaivoronskaya I.V.* Regional law-making: concept, principles, legal regulation // Asia-Pacific: Economy, politics, law. 2015. V. 17. № 2. P. 120–137.
7. *Grankin I.V.* Principles of lawmaking // Russian State Studies. 2017. № 1. P. 11–23.
8. *Drozдова N.G.* Principles of lawmaking of the subject of the Russian Federation: the concept and content // Law and the State: Theory and Practice. 2008. № 9. P. 18–21.
9. *Zhinkin S.A.* Some problems of implementing the principles of lawmaking in modern Russia / S.A. Zhinkin, T.M. Chernyavskaya // Society and Law. 2016. № 2(56). P. 22–24.
10. *Kalinin A.Yu.* Legal education in Russia: conceptual-categorical and structural-functional composition : abstract of thesis. ... cand. of Law sciences: 12.00.01. SPb, 2010. 63 p.
11. Constitution of the Russian Federation // Electronic resource. URL : <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>
12. *Matveeva M.A.* Legal regulation and law-making in the legal system of society: a theoretical and methodological basis of correlation / M.A. Matveeva, R.V. Shagieva // State and law. 2014. № 12. P. 5–13.
13. Lawmaking in the USSR / Ed. A.V. Mickiewicz. M., Jurid.lit., 1974. 319 p.

14. *Рубайло Э.А.* Юридическая техника локальных актов: понятие и виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2013. 24 с.

15. *Рыбаков В.А.* О принципе научности российского правотворчества // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2(47). С. 6–14.

16. *Сиотокова М.В.* Основные принципы российского правотворчества // Государство и право в XXI веке. 2014. № 1. С. 11–14.

17. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М. : Политиздат, 1986. 590 с.

18. *Фральцев В.С.* Правотворческая деятельность как системный процесс: на примере субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2008. 26 с.

19. *Шамаров В.М.* Принципы правотворчества: классификация и содержание // Вестник Екатеринбургского института. 2009. № 2(6). С. 22–24.

14. *Rubaylo E.A.* Legal technique of local acts: the concept and types : abstract of the thesis.... Candidate of Law Sciences: 12.00.01. M., 2013. 24 p.

15. *Rybakov V.A.* On the principle of the scientific nature of Russian lawmaking // Bulletin of Omsk University. Series: Right. 2016. № 2(47). P. 6–14.

16. *Siotokova M.V.* The basic principles of Russian lawmaking // State and law in the XXI century. 2014. № 1. P. 11–14.

17. *Philosophical Dictionary* / Ed. I.T. Frolova. 5th ed. M. : Politizdat, 1986. P. 382.

18. *Fraltsev V.S.* Law-making activity as a system process: on the example of the subject of the Russian Federation : abstract of the thesis.... Candidate of Law Sciences: 12.00.01. M., 2008. 26 p.

19. *Shamarov V.M.* Principles of lawmaking: classification and content // Bulletin of the Catherine Institute. 2009. № 2(6). P. 22–24.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of SIC-2,
Research Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Milena.555@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ, НУЖДАЮЩИЕСЯ В СВОЕМ РАЗРЕШЕНИИ

THE MAIN PROBLEMS OF PERFORMING THE PUNISHMENT IN CORRECTION WORK, NEEDS TO BE PERMITTED

Аннотация. В статье изложены основные проблемы исполнения наказания в виде исправительных работ, нуждающиеся в своем скором разрешении, и предложены пути решения этих проблем. Как отмечает автор, обобщение практики деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), которые исполняют данный вид наказания, позволяет выявить ряд проблем прикладного характера, с которыми сталкиваются сотрудники данных инспекций практически ежедневно, что указывает на то, что эти проблемы приобрели системный характер, что говорит о необходимости выработки оптимальных мер по их устранению.

Ключевые слова: уголовное наказание, исправительные работы, наказания, не связанные с лишением свободы.

Annotation. The article outlines the main problems in the execution of penalties in the form of correctional works, which need to be resolved soon, and suggests ways to solve these problems. As the author notes, compilation practices prison inspections (UII) that perform this type of punishment reveals a number of problems of applied nature, faced by the staff of the inspection data of almost daily, indicating that these problems have become systemic, that speaks of the need to develop optimal measures to address them.

Keywords: criminal punishment, corrective labor, non-custodial sentences.

Главным вектором развития уголовной политики современной России является гуманное отношение к лицам, совершившим преступные деяния, и либеральное отношение к назначению им уголовных наказаний. Эти тенденции предопределены мировыми подходами к характеру правоохранительной деятельности, механизмам обеспечения безопасности в обществе. Сущность современной российской уголовной политики находит свое отражение в проектных и концептуальных документах, отражающих сущность национальной практики реагирования на преступность [1; 2].

Одним из проявлений гуманизации национальной уголовной политики является расширение практики назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, что предопределено положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [3].

Так, например, согласно анализу статистических данных Судебного Департамента при Верховном

суде Российской Федерации [4] за последние пять лет (с 2014 г. до 2018 г.) доля лиц, осужденных к таким наказаниям, от всех лиц, которым назначены уголовные наказания, заметно увеличилась с 42,4 % в 2014 г. до 44,4 % в 2018 г.

Одним из видов наказания, не связанного с лишением свободы, являются исправительные работы, которые, в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ), могут назначаться только как основной вид наказания осужденному независимо от того, имеет ли он на момент привлечения к уголовной ответственности и назначения этого наказания постоянное место работы или является официально безработным. Срок данного вида государственного принуждения, согласно российского уголовного закона, не может быть назначен меньше чем два месяца и не более чем два года (ч. 1 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 50 УК РФ).

Обобщение практики деятельности уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), которые исполняют данный вид наказания, позволяет вы-

явить ряд проблем прикладного характера, с которыми сталкиваются сотрудники данных инспекций практически ежедневно, что указывает на то, что эти проблемы приобрели системный характер, что говорит о необходимости выработки оптимальных мер по их устранению.

К этим проблемам, имеющим наиболее важное, по нашему мнению, значение для эффективного функционирования УИИ мы отнесли следующие:

1. Отсутствие возможности трудоустроить осужденного в указанный в ч. 2 ст. 39 УИК РФ срок, то есть, в течение тридцати суток со дня получения УИИ соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления), в котором указано, что этот осужденный приговорен к данным работам.

В первую очередь, отсутствие этой возможности связано с неимением у осужденных к рассматриваемым работам паспортов и иных документов, необходимых для трудоустройства. В частности, значительная часть работ, на которых можно было бы трудоустроить таких осужденных, предполагает обязательное прохождение медицинской комиссии. Если же в данный срок эту комиссию таким осужденным удается пройти, то имеют место быть случаи выявления у них различного рода заболеваний, исключающих возможность их трудоустройства, что существенно сокращает круг поиска работы для них.

Помимо паспорта или иного документа, удостоверяющего личность осужденного к исправительным работам, а также заключения медицинской комиссии о возможности привлечения его к предлагаемому виду работ, Трудовой кодекс Российской Федерации (ст. 65) содержит перечень иных документов, необходимых для оформления осужденного на работы. И этот перечень не только не мал, но и подготовить (восстановить) эти документы для сотрудников УИИ является весьма непростой задачей. К таким документам относятся трудовая книжка, страховое свидетельство государственного пенсионного страхования, документы о постановке лица на воинский учет, документы об образовании, наличии соответствующей квалификации или специальных знаний, справка о наличии (отсутствии) судимости.

Производной, хотя и не менее важной проблемой, возникающей у сотрудников УИИ при решении вопросов трудоустройства осужденных к исправительным работам в указанный в ч. 2 ст. 39 УИК РФ срок, является отсутствие конкретизации того, что решение этих вопросов должно производиться только в рабочие дни. Например, в месяцы, которые содержат праздничные дни, особенно январь и май, возможности у сотрудников данных инспекций по трудоустройству осужденных рассматриваемой группы существенно сокращены.

2. Немаловажной проблемой является и наличие достаточного перечня рабочих мест для ис-

полнения рассматриваемого вида уголовного наказания.

Этот перечень в различных регионах, в зависимости от уровня безработицы в них, различный. Кроме того, даже те работодатели, которые согласились принимать к себе на работу осужденных к исправительным работам в условиях рыночных отношений и конкуренции не могут находиться в режиме постоянной готовности и держать эти места вакантными. Иными словами, если на какое-то число рабочие места для рассматриваемой группы осужденных будет в достаточном количестве, то через несколько дней они попросту исчезнут, поскольку на них будут взяты законопослушные граждане, стоящие на бирже труда и ожидающие предоставления работы. И в этом случае работодателя можно понять. Для него на первом месте – бесперебойная и эффективная работа его предприятия.

Рекомендации же о предоставлении налоговых льгот и различного рода преференций для таких работодателей де-юре имеют декларативный характер, поскольку, например, в Налоговом кодексе Российской Федерации отсутствуют положения о подобном льготном режиме.

Попытки сотрудников УИИ трудоустроить осужденных к исправительным работам не по месту жительства всегда приводят к вынесению со стороны прокуратуры представлений о нарушении законности, что данным сотрудникам ненужно, поскольку это приводит к вынесению в их отношении взысканий, влияющих на их материальное положение.

3. Безусловно, самой важной проблемой трудоустройства осужденных рассматриваемой группы является то, что сами работодатели неохотно соглашаются с принятием к себе на работу данных осужденных. Это связано с тем, что, как показывает практика, эти осужденные работают неохотно, неэнергично, допускают брак в своей работе, и, вообще, могут испортить трудовой инвентарь или же продать его, а в таком случае взыскать с них денежные средства практически невозможно.

Эти проблемы стали причиной того, что динамика назначения исправительных работ в рассматриваемый промежуток времени заметно снизилась на 27,1 % (с 75120 фактов их назначения в 2014 г. до 54747 – в 2018 г.). Доля таких работ в общей структуре наказаний, не связанных с лишением свободы, тоже сократилась с 24,6 % в 2014 г. до 18,7 % в 2018 г. (таким образом, снижение доли этих работ произошло на 5,9 %).

Для решения обозначенных в настоящей статье прикладных проблем исполнения наказания в виде исправительных работ мы можем предложить следующие меры:

– исключить из ч. 1 ст. 50 УК РФ указание на то, что исправительные работы отбываются по месту жительства лица, осужденного к ним;

– внести конкретизирующее дополнение в ч. 2 ст. 39 УИК РФ о том, что трудоустройство осужденных к исправительным работам сотрудника УИИ должно быть осуществлено в течение тридцати рабочих дней;

Литература:

1. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации, разработанная Общественной палатой Российской Федерации. URL : <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889>
2. *Есаков Г.А.* Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова, М.А. Редчиц, П.П. Степанов, К.А. Цай URL : <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>
3. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СПС «Консультант-Плюс» (ред. от 23.09.2015).
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт / Судебная статистика / Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания». URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

– разработать и законодательно закрепить особый (упрощенный) порядок выдачи (восстановления) осужденным к исправительным работам документов, необходимых для их трудоустройства.

Literature:

1. The concept of the criminal law policy of the Russian Federation, developed by the Public Chamber of the Russian Federation. URL : <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889>.
2. *Esakov G.A.* Criminal Policy: Roadmap (2017–2025) / G.A. Esakov, R.O. Dolotov, M.A. Filatova, M.A. Redchits, P.P. Stepanov, K.A. Tsai. URL : <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf> (the date of circulation is 05/11/2019).
3. Order of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 № 1772-p «On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2020» // ATP Consultant Plus (Ed. 09/23/2015).
4. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website / Judicial statistics / Form № 10.1 «Report on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment». URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Смирнов Александр Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of SIC-2,
Research Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Milena.555@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье изложены правовые основы предоставления осужденным к лишению свободы активному избирательному праву. Автор приходит к выводу о целесообразности рассмотрения вопроса о предоставлении лицам, содержащимся в местах лишения свободы, активного избирательного права. Запрет же на реализацию ими данного права не лишен дискуссии и весьма сомнителен.

Ключевые слова: права человека, избирательное право, активное избирательное право, лишение свободы, осужденный.

Предоставление возможности делать свой выбор при решении наиболее важных вопросов в жизнедеятельности государства, участие в выборах представителей в органы власти является одним из важнейших прав человека и характеризует государство как демократическое и правовое. Именно поэтому Российская Федерация как правовое и демократическое государство предоставила на конституционном уровне своим гражданам возможность участия в выборах (ч. 1 ст. 3 Конституции России).

Право голоса любого человека признано одним из наиболее ценных прав в современных цивилизованных государствах. Именно поэтому его ограничение должно быть серьезно аргументировано и подтверждено социальной практикой. Надуманность, конъюнктурность, поверхностность и иная недостаточная аргументированность или дискуссионность в вопросе лишения этого права недопустимы.

Реализация данного права гражданами Российской Федерации получила свое нормативное закрепление в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] и ряде других официальных документов федерального уровня, регламентирующих выборы представи-

LEGAL FRAMEWORK FOR PROVIDING CONDEMNED TO DETENTION OF FREEDOM OF ACTIVE ELECTORAL RIGHT

Annotation. The article sets out the legal basis for the provision of active electoral rights to persons sentenced to imprisonment. The author comes to the conclusion that it would be expedient to consider the issue of granting active detention to persons detained in places of deprivation of liberty. The ban on their implementation of this right is not without debate and is questionable.

Keywords: human rights, suffrage, active suffrage, imprisonment, convict.

телей в федеральные органы власти и органы местного самоуправления.

Избирательное право имеет две формы своего проявления – активную и пассивную. Активным избирательным правом признается право лица участвовать в выборах в представительные органы власти (органы государственной власти и органы местного самоуправления), а также руководителя государства. Пассивным признается право любого гражданина страны выдвигать свою кандидатуру в качестве представителя в эти органы власти и на пост ее руководителя.

В настоящей статье предпринята попытка изложить правовые основы предоставления осужденным к лишению свободы активному избирательному праву, которые вопреки нормативным возможностям для этого данного права лишены.

Согласно ч. 3 ст. 32 Конституции России, лица, содержащиеся в российских пенитенциарных учреждениях, лишены правовой возможности избирать и быть избранными в представительные органы власти. Это конституционное положение нашло свою последующую нормативную регламентацию и конкретизацию в ряде нормативных актов общегосударственного уровня, отражающих алгоритм проведения выборов процедур [1; 2; 3].

Обобщение правовых основ предоставления активного избирательного права для рассматриваемой категории граждан России позволил нам сделать вывод о том, что запрет на реализацию ими данного права не лишен дискуссии и весьма сомнителен. На это указывают следующие обстоятельства:

1. Правовые документы международного уровня не обязывают лишать рассматриваемого права лицам, отбывающим лишение свободы. Например, ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. «b» ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах не указывают на необходимость участия в свободных выборах всех без исключений категорий граждан [4]. Напомним, что ч. 4 ст. 15 Конституции России указывает на приоритет источников международного права перед национальным законодательством в случае возникновения конкуренции их положений.

2. Согласно ч. 3 ст. 32 Основного закона России, лица, лишённые свободы, не лишены права участвовать в референдуме, на котором решаются наиболее важные вопросы жизнедеятельности государства, и гораздо более важные чем, выборы того или иного представителя в органы власти. Таким образом, очевиден юридический диссонанс характера и уровня правовых возможностей, предоставляемых Российским государством таким лицам.

3. Согласно ч. 3 ст. 32 Основного закона нашей страны, лишены активного избирательного права только лица, содержащиеся в местах лишения свободы [5]. Из этого следует, что если лицо, хотя и приговорено к лишению свободы, но не содержится в этих местах, имеет право избираться. Таким образом, де-юре этого права не лишены лица, приговоренные к лишению свободы, но оставленные в следственных изоляторах для выполнения хозяйственных работ, поскольку эти изоляторы не являются местами лишения свободы. Кроме того, из буквы закона следует, что осуждённые к лишению свободы условно имеют право участвовать в выборах. В этом случае нарушается принцип равноправия всех осуждённых к лишению свободы как реально, так и условно.

4. Международная юридическая практика не имеет однозначной позиции относительно лишения осуждённых к лишению свободы активного избирательного права. Так, например, компара-

тивистский анализ такой практики позволяет сделать вывод о том, что в девятнадцати из сорока трех стран, ратифицировавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, запрет на реализацию осуждёнными к лишению свободы этого права отсутствует, в семнадцати из них публично признана смешанная форма участия таких осуждённых в выборах, лишаящая такого права только лиц, осуждённых к социальной изоляции за совершение некоторых особо тяжких преступных деяний, или же в них регламентировано адресное лишение этого права на суда в отношении конкретных осуждённых, и только в семи таких странах осуждённые «автоматически» лишаются права участвовать в каких-либо выборах (См. об этом: п. 42–45 постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» [6]).

Эти доводы, основанные только лишь на анализе источников права, которым посвящена настоящая статья (есть еще и иные, неюридические, аргументы в пользу предоставления рассматриваемой категории осуждённым активного избирательного права), указывают на неоднозначность, а потому на не категоричность лишения лиц, содержащихся в российских пенитенциарных учреждениях, активного избирательного права.

В связи с этим, директивное решение Конституционного Суда Российской Федерации, изложенное в его постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П [7], о неисполнении постановления Европейского Суда по правам человека, направленное на внесение в российское «правовое поле» изменений и дополнений, благодаря которым будут ограничены в избирательных правах не все категории осуждённых, содержащихся в исправительных учреждениях, а только определенная часть из них [8], является юридически неправильным и потому нуждающимся в отмене или пересмотре.

Таким образом, на основании вышеизложенного считаем целесообразным рассмотреть вопрос о предоставлении лицам, содержащимся в местах лишения свободы, активного избирательного права. Предоставление им этого права согласуется с главным вектором развития российской уголовно-исполнительной политики – гуманизацией исполнения уголовных наказаний и постоянным поиском новых возможностей для этого.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 106. 15 июля. (ред. от 05.02.2018). Далее – ФЗ № 67-ФЗ.
2. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 6. 16 января (ред. от 05.12.2017).

Literature:

1. Federal law of 12.06.2002 № 67-FZ «About the main guarantees of electoral rights and rights for participation in a referendum of citizens of the Russian Federation» // Russian newspaper. 2002. No. 106. July 15. (edition of 05.02.2018). Further – Federal Law № 67-FZ.
2. Federal law of 10.01.2003 № 19-FZ «About the election of the president of the Russian Federation» // Russian newspaper. 2003. № 6. January 16 (edition of 05.12.2017).

3. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 45. 26 февраля (ред. от 19.02.2018).

4. *Смирнова М.А.* Конституционно-правовые ограничения пассивного избирательного права в Российской Федерации : дис. ... кандид. юрид. наук. Волгоград, 2012.

5. *Миронов Р.Г.* Соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых – правовая основа обеспечения безопасности лиц, содержащихся под стражей // Адвокатская практика. 2014. № 6. С. 38–43.

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и 15162/05) // Бюллетене Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 2.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 5 мая.

8. *Овчинников С.Н.* Российская правовая система в фокусе постановлений европейского суда по правам человека // Российский судья. 2013. № 4. С. 9–10.

3. Federal law of 22.02.2014 № 20-FZ «About elections of deputies of the State Duma of Federal Assembly of Russia» // Russian newspaper. 2014. № 45. February 26 (edition of 19.02.2018).

4. *Smirnova M.A.* Constitutional and legal restrictions of a passive electoral right in the Russian Federation : thesis. ... candidate of law sciences. Volgograd, 2012.

5. *Mironov R.G.* Observance of the rights and legitimate interests of suspects and defendants – a legal basis of safety of the persons who are held in custody // Lawyer practice. 2014. № 6. P. 38–43.

6. Resolution of the European Court of Human Rights of July 4, 2013. Business «Anchugov and Gladkov against the Russian Federation» (complaint № 11157/04 and 15162/05) // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2014. № 2.

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 № 12-P «On the case of permission of a question of a possibility of execution according to the Constitution of the Russian Federation resolutions of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 on business «Anchugov and Gladkov against Russia» in connection with inquiry of the Ministry of Justice of the Russian Federation» // Russian newspaper. 2016. May 5.

8. *Ovchinnikov S.N.* The Russian legal system in focus of resolutions of the European Court of Human Rights // Russian judge. 2013. № 4. P. 9–10.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of SIC-2,
Research Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Milena.555@mail.ru

ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

BASES OF EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF THE RIGHTS OF CONDEMNED ON THE FREEDOM OF CONSCIENCE AND FREEDOM OF RELIGION

■ ■ ■
Аннотация. В статье изложены основы эффективной реализации прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания. В ней отражены принципы и основные направления обеспечения данных прав для лиц, лишенных свободы. Как отмечает автор, особую остроту проблема реализации права осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания приобретает в отношении лиц, приговоренных к изоляции от общества, поскольку обеспечение данного права ограничено режимными требованиями исправительных учреждений (ИУ) закрытого типа.

■ ■ ■
Annotation. The article sets out the basis for the effective implementation of the rights of convicts to freedom of conscience and freedom of religion. The principles and main directions of ensuring these rights for persons deprived of their liberty are reflected. As the author notes, particularly the problem of realization of the right of convicted persons to freedom of conscience and freedom of creed becomes in relation to persons sentenced to isolation from society, as this right is limited to sensitive requirements Correctional Services (PECs).

■ ■ ■
Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, вера, религия, осужденные, исправительные учреждения.

■ ■ ■
Keywords: freedom of conscience, freedom of religion, faith, religion, convicts, correctional institutions.

■ ■ ■
Проблема обеспечения прав осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания имеет для уголовно-исполнительной системы России особое политико-правовое значение [1]:

■ ■ ■
исповедания приобретает в отношении лиц, приговоренных к изоляции от общества, поскольку обеспечение данного права ограничено режимными требованиями исправительных учреждений (ИУ) закрытого типа [2].

– во-первых, в связи с возросшей потребностью общества в религиозных учениях и знаниях;

Для исключения каких-либо конфликтных ситуаций, разногласий и

– во-вторых, повышением влияния традиционных для России религий (православное христианство, ислам, буддизм, иудаизм) на своих верующих;

Недопониманий, реализация осужденными права на свободу совести и свободу вероисповедания должно быть основано на определенных принципах:

– в-третьих, обострением напряженности на религиозной почве;

– законности – данное право должно реализовываться осужденными в строгом соответствии с законом;

– в-четвертых, влиянием международных правозащитных организаций;

– добровольности – совершается по собственному желанию, без какого-либо принуждения или насилия;

– в-пятых, многонациональностью, политкультурностью и политконфессиональностью Российской Федерации.

– доступности – предоставление возможности для отправления осужденными религиозных обрядов, встреч (общения) со служителями культа, ознакомления с религиозной литературой и т.д.;

Особую остроту проблема реализации права осужденных на свободу совести и свободу веро-

– приоритетности правил внутреннего распорядка ИУ над реализацией осужденными права на свободу совести и вероисповедания.

Реализация последнего принципа испытывает определенные затруднения в направлении обеспечения режима отбывания наказания, в силу злоупотреблений отдельными осужденными (чаще всего, исповедующими экстремистские и нетрадиционные религии) рассматриваемым правом, что, в определенных ситуациях, может создать конфликтные ситуации между осужденными и сотрудниками ИУ.

Право на свободу совести и свободу вероисповедания следует рассматривать как средство исправления осужденных (ч. 2 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации), поэтому существующие проблемы реализации осужденными данного права такие, как отсутствие равноправия в исполнении религиозных обрядов и ритуалов, недостаток священнослужителей всех традиционных конфессий и др., необходимо решать, используя для этого все существующие правомерные возможности [3].

Эффективное решение этих проблем необходимо осуществлять по таким основным направлениям, как: организационное, разъяснительное и просветительское.

Организационное направление реализуется посредством осуществления следующих мер:

– сбора и систематизации сотрудниками ИУ информации об осужденных, исповедующих ту или иную религию;

– при решении вопроса о допуске представителей той или иной (особенно новой или нетрадиционной) религии в ИУ в целях ее пропаганды среди осужденных и вовлечение их в свою веру сотрудникам администрации ИК следует ознакомиться с целями и задачами исповедания данной религии, полным перечнем предусмотренных ею обрядных действий и праздничных дат. В случае, если они нарушают требования Федерального закона о свободе совести и могут спровоцировать осужденных на нарушение Правил внутреннего распорядка ИУ следует или запретить пропаганду и распространение такой религии среди осужденных или указать ее представителям о недопустимости доводить до осужденных определенные обряды, которые нарушают Правила внутреннего распорядка и режимные требования на территории ИК.

Разъяснительное направление должно быть адресовано как сотрудникам ИУ, так и осужденным.

В отношении сотрудников ИУ оно реализуется посредством проведения работы по формированию у них толерантного, уважительного отношения к любой личности, независимо от того, какие взгляды или убеждения она преследует, какую религию исповедует, какие идеалы и ценности составляют систему ее мировоззрения.

К проведению указанной работы необходимо привлекать сотрудников территориальных орга-

нов и центрального аппарата ФСИН России, а также представителей общественных и правозащитных организаций

Работа с осужденными к лишению свободы в данном направлении должна быть направлена на уяснения и понимания ими следующих обстоятельств:

– осужденным в ИУ не запрещается исповедовать какую-либо религию, отправлять соответствующие ей обряды, но с учетом ограничений, установленных российским законодательством, как для граждан России в целом, так и для осужденных к лишению свободы, в частности. В России разрешается исповедовать только ту религию или культ, социально-правовая природа и мировоззренческая характеристика которых соответствует Федеральному закону № 125-ФЗ [4]. Следует отметить, что ограничения, установленные данным нормативным актом, направлены на пресечение пропаганды и развития на территории нашей страны религиозных идей экстремистского и иного антиобщественного характера;

– правила внутреннего распорядка ИУ и режимные требования имеют приоритет над реализацией осужденными права на свободу совести и свободу вероисповедания. Согласно данным правил, осужденным не запрещается реализовывать свое право исповедовать ту или иную религию, но строго в рамках распорядка дня, установленного в ИУ;

– наиболее популярные среди осужденных религиозные верования, коими являются т.н. «традиционные религии» (в частности, православие, ислам, буддизм, иудаизм, протестантство), позволяют следовать им при любых условиях, допуская сокращение (сужение) обрядных действий, отказ от некоторых из них в условиях той или иной жизненной ситуации. Поэтому совершение осужденными в ИК тех или иных действий религиозного характера, влекущие нарушение порядка и условий отбывания наказания, должно быть расценено не иначе как умышленное нарушение с их стороны требований режима с наложением соответствующего дисциплинарного взыскания.

Данные требования и ограничения необходимо «доносить» до сознания осужденных в вежливой, корректной, доступной и понятной для них форме.

Просветительское направление должно состоять из комплекса групповых и индивидуальных занятий с сотрудниками ИУ и осужденными по доведению до них информации следующего содержания:

– положений правовых документов в части, касающейся обеспечения права осужденных на свободу совести и вероисповедания (в частности, Конституции РФ, УИК РФ, Федерального закона № 125-ФЗ, Правил внутреннего распорядка ИУ и т.д.), границы пользования данными правами, условия их реализации при отбывании лишения свободы;

– концептуальных догм основных (традиционных) религий, содержание их главных литературных источников;

– об административно-управленческом аппарате зарегистрированных в России основных религиозных конфессий, их иерархической структуре, способов связи с священнослужителями и т.д.

Литература:

1. *Придворов Н.А.* Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России / Н.А. Придворов, Е.В. Тихонова. М. : Юриспруденция. 2007.

2. *Овчинников С.Н.* Реализация прав осужденных на свободу совести и вероисповедания в рамках организации режима в исправительных учреждениях // Актуальные проблемы противодействия распространению экстремизма в учреждениях УИС: Материалы круглого стола. М. : ФКУ НИИ ФСИН России. 2018. С. 81–85.

3. *Игнатенко В.И.* Профилактика правонарушений среди осужденных к лишению свободы формами и методами религиозного воздействия // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 4. С. 25–27.

4. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Российская газета. 1997. 1 окт. По тексту – Федеральный закон № 125-ФЗ.

Безусловно, большую помощь сотрудникам ИУ в решение вопросов соблюдения верующими осужденными требований режима и правил внутреннего распорядка ИУ могут оказать священнослужители, родственники осужденных и лица, отбывающие лишение свободы, пользующиеся авторитетом среди осужденных.

Literature:

1. *Pridvorov N.A.* Institute of freedom of conscience and freedom of religion in the law of modern Russia / N.A. Pridvorov, E.V. Tikhonova. M. : Jurisprudence. 2007.

2. *Ovchinnikov S.N.* Realization of the rights of convicts to freedom of conscience and religion within the framework of the organization of the regime in correctional institutions // Actual problems of countering the spread of extremism in the institutions of the UIS: Roundtable materials. M. : PKU NII FSIN of Russia. 2018. P. 81–85.

3. *Ignatenko V.I.* Prevention of offenses among those sentenced to imprisonment by forms and methods of religious influence // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2017. № 4. P. 25–27.

4. On Freedom of Conscience and Religious Associations: Federal Law of September 26, 1997 № 125-FZ // Russian Newspaper. 1997. Oct 1. According to the text - Federal Law. № 125-FZ.

Старицын Игорь Александрович
аспирант,
Байкальский
государственный университет
igor12091992@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВЗЫСКАНИЯ С АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО УБЫТКОВ В ВИДЕ УПУЩЕННОЙ ВЫГОДЫ

Аннотация. Учитывая увеличение количества рассматриваемых арбитражными судами в делах о банкротстве заявлений о взыскании убытков с арбитражных управляющих, исследован вопрос о возможности и необходимости взыскания с арбитражных управляющих убытков в виде упущенной выгоды. Автором проанализирована судебная практика на уровне арбитражных окружных судов по данному вопросу. Сделан вывод о допустимости и необходимости взыскания с арбитражных управляющих упущенной выгоды. Предложено на законодательном уровне конкретизировать деление взыскиваемых с арбитражных управляющих убытков на реальный ущерб и упущенную выгоду.

Ключевые слова: конкурсное право, банкротство, арбитражный управляющий, гражданско-правовая ответственность, убытки, упущенная выгода.

В настоящее время в отношении арбитражных управляющих, как важнейших участников процесса несостоятельности (банкротства), на законодательном уровне и на уровне судебной практики продолжается ужесточение оценки их действий на предмет законности и эффективности. Происходит усиление всех видов ответственности арбитражных управляющих.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за первое полугодие 2018 года арбитражными судами субъектов Российской Федерации в делах о банкротстве рассмотрено по существу 128 заявлений о взыскании убытков с арбитражных управляющих, из них удовлетворено 41. За аналогичный период 2017 года арбитражными судами субъектов Российской Федерации в делах о банкротстве рассмотрено, по существу, 70 таких заявлений, из них удовлетворено 24 (за весь 2017 год рассмотрено по существу 175 заявлений, удовлетворено 76). Иными словами, число рассмотренных заявлений за первое полугодие 2018 года сравнимо с числом заявлений, рассмотренных за весь 2017 год [1]. Вместе с тем, при анализе указанных показателей стоит

Igor. A. Staritsyn
Graduate Student,
Baikal State University,
igor12091992@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF RECOVERING LOSSES FROM THE INSOLVENCY PRACTITIONER IN THE FORM OF LOSS PROFITS

Annotation. Considering the increase in the number of claims for recovery of damages from insolvency practitioners considered by bankruptcy courts in bankruptcy cases, the possibility and necessity of recovery of losses in the form of loss profits from insolvency practitioners was investigated. Analyzed the judicial practice at the level of Arbitration district courts on this issue. The conclusion is made about the admissibility and necessity of recovery from the arbitration managers of loss profits. It was proposed at the legislative level to specify the division of the damages claimed from the arbitration control for real damage and loss profits.

Keywords: bankruptcy law, bankruptcy, insolvency practitioner, civil liability, damages, loss profits.

учесть, что убытки с арбитражных управляющих часто взыскиваются вне рамок дела о банкротстве, то есть, в общеисковом порядке. Но опубликованные данные судебной статистики не содержат информации, какая часть из всех рассмотренных судами исков о взыскании убытков была предъявлена именно к арбитражным управляющим.

При таких обстоятельствах предоставляется необходимым исследование вопросов гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих, в частности, состава убытков, которые могут быть взысканы с арбитражных управляющих.

Вопросу взыскания убытков посвящены положения статьи 20.4 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Закон о банкротстве), которая устанавливает обязанность арбитражного управляющего возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о

банкротстве, и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

В указанной статье подробно не раскрывается состав убытков, которые могут быть взысканы с арбитражного управляющего.

Согласно пункту 2 статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Обычно, взыскание с арбитражного управляющего убытков в виде реального ущерба не вызывает вопросов. Например, управляющий может не обеспечить сохранность имущества должника, либо нарушить очередность удовлетворения требований кредиторов, в результате чего, кто-либо из кредиторов оказался лишен причитающийся ему суммы денежных средств.

Вопрос может вызвать возможность взыскания с арбитражного управляющего убытков в виде упущенной выгоды, поскольку получение дохода в конкурсных отношениях не является целью. Кроме того, такие случаи имеют не очень широкое распространение.

Для установления возможности взыскания с арбитражного управляющего убытков в виде упущенной выгоды необходимо сначала обратиться к правовой природе понятия убытков.

Возмещение убытков - это установленная законодательством мера гражданско-правовой ответственности. Под убытками в гражданском праве понимается стоимостная оценка имущественных потерь (вреда). Убытки складываются из:

- 1) расходов, которые потерпевшее лицо либо произвело, либо должно будет произвести для устранения последствий правонарушения;
- 2) стоимости утраченного или поврежденного имущества;
- 3) неполученных потерпевшей стороной доходов, которые она могла бы получить при отсутствии правонарушения [4, с. 601–602].

Реальный ущерб, прежде всего, выражается в уменьшении того имущества, которое находилось в наличии у пострадавшей стороны. Примером в данном случае может являться устранение дефектов в поставленной продукции силами покупателя, которое привело к увеличению общей суммы затрат на изготовление продукции [5, с. 13–14]. Иными словами, реальный ущерб - это не только утрата или повреждение имущества, но и реальные расходы, которые лицо произвело (должно произвести) для восстановления своих нарушенных прав.

Вопрос же определения размера упущенной выгоды является одной из научно-практических проблем, поскольку речь идет о ее гипотетическом расчете, экономическом моделировании в условиях, хотя и ожидаемого, но так и не состоявшегося события [6, с. 55].

Убытки в виде упущенной выгоды взыскиваются судами не очень часто, что также признается в науке [7, с. 68]. Одной из причин, по мнению А. В. Егорова, является то обстоятельство, что российская судебная практика находится под серьезным влиянием идей, которые господствовали в советское время. Основная из них – опасение насчет того, чтобы потерпевший не получил больше, чем ему причитается (для этого вывелись жесткие требования к причинно-следственной связи) [7, с. 80].

По мнению Е. В. Мурашкиной, говорить о возмещении должнику, кредиторам и иным лицам, участвующим в деле о банкротстве, упущенной выгоды не имеет смысла. Возмещение указанных лицам и реального ущерба, и упущенной выгоды будет противоречить принципам законодательства о банкротстве (компенсация имущественных потерь кредиторов за счет имущества должника, недопустимость предпочтительного удовлетворения требований кредиторов, пропорциональное удовлетворение требований кредиторов) [8, с. 92–93].

По всей видимости, названный автор не исключает возможности возмещения арбитражным управляющим убытков в виде упущенной выгоды, однако, полагает это нецелесообразным. Более того, Е. В. Мурашкиной предложено ограничить гражданско-правовую ответственность арбитражных управляющих возмещением ущерба, то есть, исключить упущенную выгоду [8, с. 8–9].

По нашему мнению, суждение о нецелесообразности взыскания такого рода убытков является неверным. И вот почему. Исходя из буквального толкования положений статьи 20.4 Закона о банкротстве, законодателем предусмотрена возможность взыскания с арбитражного управляющего реального ущерба и упущенной выгоды, поскольку, состав убытков в статье не конкретизирован. Кроме того, анализируя судебную практику, можно установить, что суды признают обоснованными требования о взыскании с арбитражных управляющих убытков в виде упущенной выгоды.

Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.01.2017 г. по делу № А66-13884/2013 [9] поддержаны выводы нижестоящих судов о возможности взыскания с бывшего внешнего управляющего убытков в виде упущенной выгоды от возможной сдачи автомобиля в аренду. Судами установлено, что управляющий передал на ответственное хранение, заключение которого не повлекло получения должником какой-либо имущественной либо иной выгоды, а сдача автомобиля в аренду позволила бы получить дополнительные денежные средства в процедуре внешнего управления.

Размер убытков предельно определен согласно сведениям из открытых источников (сети Интернет) о размере арендной платы при аренде аналогичного имущества, сложившейся в месте нахождения должника.

В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.10.2015 г. по делу № А21-3519/2010 [10] судом кассационной инстанции указано, что заключенные конкурсным управляющим договоры сохранности имущества должника прикрывали договоры аренды части нежилого здания гостевого дома. Суд кассационной инстанции признал обоснованным взыскание с бывшего конкурсного управляющего упущенной выгоды в том размере, в котором должник получил бы денежные средства при самостоятельном использовании имущества и с учетом затрат и расходов на содержание этого имущества.

В постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.11.2016 г. по делу № А19-12560/2014 [11] сделан вывод о правомерности взыскания с бывшего конкурсного управляющего, который необоснованно отклонил заявку потенциального покупателя на участие в торгах, убытков в виде недополученного дохода (упущенной выгоды), который потенциальный покупатель мог бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено ответчиком. Сумма упущенной выгоды рассчитана в виде разницы между размером дебиторской задолженности, которая была выставлена на торги, и расходами на приобретение данной задолженности.

В постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.12.2016 г. по делу № А53-34671/2015 [12] поддержаны выводы судов о необходимости взыскания с арбитражных управляющих убытков в виде упущенной выгоды. В данном случае конкурсные управляющие уклонялись от передачи победителю торгов имущества должника. Победитель торгов более года не мог получить в собственность (распоряжение) спорное имущество (завод). Возможность получения выгоды от распоряжения заводом в спорный период не вызвала у судов сомнений,

Литература:

1. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.03.2019).
2. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданское право : в 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М. : ВолтерсКлувер, 2004. Т. 1. 720 с.

так как за счет его аренды пополнялась конкурсная масса должника.

В качестве примера отказа взыскания упущенной выгоды можно привести постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.09.2015 г. по делу № А53-7799/2013 [13]. Так, при установлении незаконности действий конкурсного управляющего по сдаче в аренду имущества должника по заниженной цене, суды указали на отсутствие доказательств наличия реальной возможности сдать имущество в аренду по более выгодной цене, а также, на реальность поступления денежных средств в конкурсную массу должника от сдачи аренды имущества, то есть, на отсутствие оснований для взыскания убытков. То есть, в данном случае основанием отказа является отсутствие достаточных доказательств наличия убытков, но не отрицается возможность взыскания упущенной выгоды.

Как видно из представленных выше примеров, действия (бездействия) управляющих объективно могут приводить к наличию убытков в виде упущенной выгоды. Поэтому, исходя из характера допускаемых арбитражными управляющими нарушений, говорить о нецелесообразности взыскания упущенной выгоды представляется неверным.

Следует согласиться с мнением А. Дружинина о том, что размер упущенной выгоды должен носить не предположительный, а конкретный характер; истец (заявитель) должен обосновать его и подтвердить соответствующими доказательствами, в противном случае в иске о взыскании упущенной выгоды ему будет отказано [14, с. 10].

Таким образом, исходя из анализа понятия «упущенная выгода» из судебной практики по вопросу ее взыскания, следует признать, что нормы о взыскании с арбитражных управляющих убытков в виде упущенной выгоды необходимы. При этом представляется целесообразным, во избежание разночтений, конкретизировать в статье 20.4 Закона о банкротстве возможность взыскания с арбитражных управляющих убытков и в виде реального ущерба и в виде упущенной выгоды.

Literature:

1. Judicial statistics data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of the application 15.03.2019).
2. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 №. 127-FZ // Meeting of the Legislation of the Russian Federation. 2002. № 43. Art. 4190.
3. Civil Code of the Russian Federation. Part One of November 30, 1994 № 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
4. Civil law : In 4 t. / Ed. E.A. Sukhanova. M. : VoltersKlover, 2004. T. 1. 720 p.

5. Ожегова Г.А. Правовое регулирование возмещения убытков // Юрист. 2015. № 12. С. 12–16.

6. Городилов М.А. Методика расчета упущенной выгоды в финансово-экономических экспертизах // Аудиторские ведомости. 2016. № 10. С. 55–70.

7. Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики / Отв. ред. М.А. Рожкова // Убытки и практика их возмещения: сборник статей. М. : Статут, 2006. С. 68–125.

8. Мурашкина Е.В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2008. 186 с.

9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.01.2017 по делу № А66-13884/2013.

10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.10.2015 по делу № А21-3519/2010.

11. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.11.2016 по делу № А19-12560/2014.

12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.12.2016 по делу № А53-34671/2015.

13. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.09.2015 по делу № А53-7799/2013.

14. Дружинин А. Взыскание упущенной выгоды // ЭЖ-Юрист. 2013. № 39. С. 10.

5. Ozhegova G.A. Legal regulation of damages // Lawyer. 2015. № 12. P. 12–16.

6. Gorodilov M.A. The method of calculating lost profits in the financial and economic examinations // Audit statements. 2016. № 10. P. 55–70.

7. Egorov A.V. Loss of profits: problems of theory and contradictions of practice / Ed. ed. M.A. Rozhkova // Losses and the practice of their compensation: Collection of articles. M. : Statute, 2006. P. 68–125.

8. Murashkina E.V. Civil liability of the insolvency practitioner : dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.03 / E.V. Murashkina. M., 2008. 186 p.

9. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District on January 17, 2017 in case № А66-13884/2013.

10. Resolution of the Arbitration Court of the North-West District of October 13, 2015 in case № А21-3519/2010.

11. Resolution of the Arbitration Court of the East-Siberian District of 02.11.2016 in case № А19-12560 / 2014.

12. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of December 14, 2016 in case № А53-34671 / 2015.

13. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 09/25/2015 in case № А53-7799 / 2013.

14. A. Druzhinin. Recovery of lost profits // EZh-Jurist. 2013. № 39. P. 10.

Фарышев Евгений Васильевич
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
efaryshev@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ФОРМ И МАСШТАБОВ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В современной криминологии не существует качественных способов оценки масштабов и форм проявления профессиональной преступности. Автором предпринята попытка провести такую оценку при помощи метода контент-анализа информационного пространства сети Интернет. В результате сделан вывод о том, что все профессиональные преступления можно условно разделить на две группы: преступления, связанные с посягательствами на собственность, и преступления, связанные с незаконной реализацией запрещенных к обороту товаров и оказанием незаконных услуг (сбыт наркотиков, незаконное производство и сбыт алкогольной продукции, незаконная банковская деятельность и др.).

Ключевые слова: контент-анализ; профессиональная преступность; мошенничество; кража; грабеж; вымогательство; сбыт наркотиков; сбыт алкогольной продукции; незаконная банковская деятельность.

Вопросы понимания, оценки и разработки мер предупреждения профессиональной преступности являются актуальными для криминологической науки. При этом оценка масштабов и форм проявления профессиональной преступности является наиболее сложным и неоднозначным процессом, поскольку в современной российской статистической отчетности не фиксируются ни отдельные признаки преступного профессионализма, ни деяния, которые могут быть отнесены к профессиональным. В научных исследованиях встречаются попытки оценить масштабы и формы профессиональной преступности, используя статистические данные об организованной и рецидивной преступности [1; 2]. Но таким путем невозможно качественно исследовать профессиональную преступность.

Однако существует и альтернативный метод исследования криминологических особенностей профессиональной преступности – метод кейсо-

Evgeny V. Faryshev
Graduated in a Military Academy
of Department Criminal Law and Criminology,
Krasnodar university Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
efaryshev@mail.ru

CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT OF THE FORMS AND EXTENT OF PROFESSIONAL CRIME IN MODERN RUSSIA

Annotation. In modern criminology there are no qualitative ways to assess the scale and forms of professional crime. The author has attempted to conduct such an assessment using the method of content analysis of the Internet. As a result, it was concluded that all professional crimes can be divided into two groups: crimes related to infringement of property and crimes related to the illegal sale of prohibited goods and the provision of illegal services (sale of drugs, illegal production and sale of alcoholic beverages, illegal banking activities, etc.).

Keywords: content analysis; professional crime; fraud; theft; robbery; extortion; drug sales; sale of alcoholic beverages; illegal banking activities.

вого контент-анализа информационного пространства сети Интернет. Примеры использования этого метода известны криминологии [3]. Метод кейсового контент-анализа информационного пространства сети Интернет основан на том, что на некоторых сайтах публикуются информационные сообщения (кейсы), описывающие ситуации совершения преступлений с упоминанием ряда криминологически значимых особенностей. К таким Интернет-ресурсам относятся, в первую очередь, официальные сайты МВД России, Следственного комитета России, ФСБ России, а также официальные сайты территориальных подразделений названных органов. Суть метода заключается в разработке статистического формуляра для систематизации описанных особенностей преступлений, в последующем исследовании содержания кейсов, внесении полученных данных в формуляр и их анализе. Для изучения криминологических особенностей профессиональной преступности был

выбран интернет-сайт МВД России, где в разделе «Новости» хронологически систематизированы кейсы, содержащие описание зарегистрированных, раскрытых и расследованных преступлений, совершенных на всей территории России.

За период с 1 июня 2017 г. по 1 февраля 2018 г. было обработано 612 кейсов. Разработанный формуляр позволил зафиксировать четыре криминологически значимые особенности преступлений: вид преступления, признаки преступной квалификации, возможность извлечения дохода в результате совершения преступления, а также, повторность преступной деятельности. Кроме того, проводилось сравнение однотипных преступлений, отнесенных и не отнесенных к профессиональным с целью определения характеристик, позволяющих отнести конкретное деяние именно к числу профессиональных.

В результате контент-анализа было установлено, что все профессиональные преступления можно условно разделить на две группы: преступления, связанные с посягательствами на собственность (кражи, грабежи, разбои, мошенничества, вымогательства) – 51 % и преступления, представляющие собой «криминальный бизнес», то есть, связанные с незаконной реализацией запрещенных к обороту товаров и оказанием незаконных услуг (сбыт наркотиков, незаконное производство и сбыт алкогольной продукции, незаконная банковская деятельность, незаконная организация азартных игр, изготовление и сбыт фальшивых денег, реализация контрафактной продукции и др.) – 49 %.

Структура профессиональных посягательств на собственность выглядит следующим образом:

1. Мошеннические действия – 26 % от общего количества профессиональных преступлений.
2. Кражи – 15 %.
3. Грабежи, разбои и вымогательства – 10 %.

Подробный анализ кейсов, содержащих информацию о мошеннических действиях, позволил установить, что 51 % из них имеют признаки профессиональной преступности. В число таких признаков можно отнести, прежде всего, способ совершения преступления, требующий определенных знаний или навыков (например, знание юридических механизмов участия граждан в долевом строительстве недвижимости, психологических навыков убеждения при совершении «телефонных» мошенничеств, навыков изготовления поддельных документов для продажи автомобиля и др.), значительное количество эпизодов преступной деятельности, количество потерпевших и размер причиненного ущерба (размер криминального дохода).

Можно выделить способы, характерные для совершения мошеннических действий с признаками преступного профессионализма:

1. «Телефонное» мошенничество, предполагающее хищение денежных средств у потерпевшего якобы за непривлечение к уголовной от-

ветственности близкого родственника. Такой способ использовался в 19,2 % случаев выявленного профессионального мошенничества.

2. Мошенничество в сфере долевого строительства недвижимости [4] – 15,4 % от числа фактов профессионального мошенничества.

3. Инсценировка фактов дорожно-транспортных происшествий с последующим получением страхового возмещения – 7,7 % профессионального мошенничества.

4. Хищение денежных средств под предлогом их привлечения во вклад под высокий процент («финансовые пирамиды»). Ученые определяют такой вид мошенничества как преступление, способом которого является привлечение финансовых средств от физических и юридических лиц (инвесторов, вкладчиков и пр.) с созданием иллюзии продуманности и обоснованности инвестиционной деятельности и обещанием быстрого обогащения с осуществлением последующих выплат денег, а равно, предоставления имущества не в результате собственной экономической деятельности, но и за счет новых финансовых поступлений от вкладчиков, т. к. собственного имущества заемщика недостаточно для удовлетворения всех имущественных требований вкладчиков, что влечет причинение им материального ущерба [5, с. 73]. Этот способ использовался в 7,7 % случаев профессионального мошенничества.

5. Мошенничество, сопровождающееся использованием поддельных судебных решений о взыскании денежных средств с граждан и юридических лиц. Этот способ составил также 7,7 % от фактов совершения мошенничества с признаками преступного профессионализма.

6. Мошенничество, совершенное под предлогом «содействия» в получении кредита в банке.

7. Мошенничество, сопровождающееся получением конфиденциальной информации о банковских картах граждан с последующим хищением с них денежных средств.

8. Хищение, связанное с предложением «помощи» в погашении кредитов, а также в оформлении разрешительных документов на проживание в России.

9. Мошенничество под предлогом снятия «порчи».

10. Мошенничество, связанное с оформлением кредитов на подставных лиц.

11. Хищения, совершенные с использованием программно-технических средств для незаконного получения доступа к аккаунтам пользователей интернет-сервиса, на котором происходил обмен информацией и оформлялись заявки между участниками рынка автомобильных грузоперевозок.

12. Мошенничество, связанное с незаконным получением субсидий на оказание финансовой поддержки индивидуальным предпринимателям.

13. Хищение, сопровождающееся использованием поддельных документов при продаже автомобилей.

14. Мошенничество с использованием Интернет-магазинов, где продавались несуществующие товары.

15. Хищение под предлогом оказания содействия в приобретении по выгодной цене жилья, якобы, реализуемого городской администрацией.

16. Мошенничество, связанное с наблюдением за процедурой ввода пин-кода банковской карты с последующим завладением картой обманым путем подмены на муляж.

На последние 11 способов приходится 42,3 % фактов профессионального мошенничества, что свидетельствует об изобретательности и разнообразии способов совершения мошеннических действий преступниками-профессионалами. Кроме того, обращает на себя внимание то, что 15 % случаев совершения профессиональных мошеннических действий сопровождались использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Следует учесть, что используемый метод исследования не учитывает латентную составляющую профессиональной преступности, которая, безусловно, очень велика. В частности, обращает на себя внимание достаточно низкая доля мошеннических действий, связанных с реализацией несуществующих товаров в Интернет-магазине (3,8 %). По оценкам исследователей, с таким видом мошенничества сталкивается каждый пятый пользователь сети Интернет [6, с. 102]. Напрашивается вывод о высокой латентности такого вида профессионального мошенничества.

Как уже было отмечено, следующим по распространенности видом профессиональных преступных посягательств на собственность являются кражи. О профессионализме лиц, совершающих кражи, в большинстве случаев говорит многоэпизодность преступной деятельности, тщательный выбор объектов посягательства, совершение преступлений в составе групп с распределением ролей, отработанный способ совершения преступных действий, в том числе, с применением технических средств.

В структуре профессиональных краж можно выделить следующие виды преступлений:

1. Кражи из квартир и жилых домов, совершенные в отсутствие хозяев – 26,7 %.
2. Кражи из магазинов – 20 %.
3. Кражи автомобилей – 13,3 %. Учеными отмечается, что кражи автомобилей являются традиционным профессиональным преступлением. Они характеризуются устойчивостью преступной деятельности лиц, их совершающих, выражающейся в многократности совершения аналогичных деяний до задержания, достигающей десятков преступных актов; наличием у задержанных

авторов целого ряда судимостей за совершение автокраж (или) иных корыстных преступлений (общий и специальный рецидив); отсутствием у большинства авторов официальных занятий, поскольку доходы от реализации краденых машин заменяют им основной источник существования; совершенствованием криминального ремесла, что обеспечивает им возможность многократности совершения автокраж [7, с. 99].

4. Кражи из жилища пенсионеров, куда преступники проникали под надуманным предлогом – 13,3 %.

5. Кражи с банковских счетов.

6. Кражи топлива из нефтепроводов.

7. Кражи денег из банкоматов с использованием специальных технических средств и программного обеспечения.

8. «Карманные» кражи.

Доля последних четырех видов преступлений, в совокупности, составляет 26,7 % от числа краж, совершенных с признаками преступного профессионализма.

Третьим компонентом в структуре профессиональных посягательств на собственность являются корыстно-насильственные преступления (грабежи, разбои, вымогательства), составляющие 10 % от всех профессиональных преступлений. Среди таких преступлений наибольшим удельным весом обладают грабежи и разбойные нападения, совершенные с признаками преступного профессионализма (около 70 %). Такие нападения отличает тщательная подготовка, выбор объекта посягательства, совершение преступлений в составе групп с распределением ролей, наличие у преступников оружия, крупный размер ущерба. Объектами посягательств при совершении профессиональных грабежей и разбойных нападений становились банки, магазины, ломбарды, заправочные станции, жилые дома и большегрузные автомобили.

Около 30 % корыстно-насильственных посягательств на собственность, совершенных с признаками профессионализма, составляют вымогательства. Во всех случаях преступления совершались членами организованных групп, занимающихся вымогательством денежных средств у предпринимателей за оказание криминального покровительства.

Вторая половина современной профессиональной преступности – это «криминальный бизнес», то есть, деяния, связанные с незаконной реализацией запрещенных к обороту товаров и оказанием незаконных услуг. В структуре этой группы профессиональных преступлений можно выделить следующие компоненты:

1. Сбыт наркотических средств – 19 % от общего количества профессиональных преступлений.
2. Незаконное производство и сбыт алкогольной продукции – 14 %.

3. Незаконная банковская деятельность – 6 %.

4. Иные виды «криминального бизнеса»: организация азартных игр, изготовление и сбыт фальшивых денег, сбыт контрафактных товаров, незаконная добыча водных биологических ресурсов, незаконная рубка лесных насаждений, организация незаконной миграции, организация занятия проституцией – 10 %.

О сбыте наркотических средств, совершаемом профессиональными преступниками, могут свидетельствовать следующие признаки:

– осуществление преступной деятельности в составе групп с распределением ролей;

– привлечение новых лиц к преступной деятельности, а также бесконтактный способ сбыта веществ с использованием сети Интернет, мессенджеров, электронных средств платежа; крупные размеры сбываемых наркотиков;

– доход от преступной деятельности;

– приспособления и материалы для фасовки и упаковки веществ;

– межрегиональный и международный характер деятельности. В большинстве случаев предметом преступлений являются синтетические наркотики – «спайсы», «соли», амфетамин, а также «традиционные» марихуана и героин.

Незаконное производство и сбыт алкогольной продукции, описанное практически во всех обнаруженных кейсах, можно отнести к профессиональному криминальному бизнесу. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, масштабы преступной деятельности: в среднем, на одно преступление приходилось около 30 тысяч единиц готовой к реализации контрафактной продукции и около 20 тонн сырья. Также, признаками преступного профессионализма являются:

– цеха и линии по розливу спиртных напитков разных видов и наименований;

– приспособления для закупоривания бутылок;

– большое количество тары, упаковочного материала, акцизных марок и этикеток;

– оптово-розничная сеть сбыта продукции;

– изъятая документация, содержащая сведения об объемах проданной алкогольной продукции и вырученных денежных средствах;

– осуществление преступной деятельности в составе групп с распределением ролей (поиск и закупка сырья, производство алкоголя, печать акцизных марок и этикеток, транспортировка и сбыт готовой продукции);

– межрегиональный характер деятельности.

Несмотря на то, что традиционно, в криминологии незаконное производство и сбыт алкогольной продукции не называется в числе профессиональных преступлений. В научных исследо-

ваниях отмечается, что 40 % от общего объема рынка товаров – контрафактная продукция, в которой доля нелегального оборота алкогольной продукции по России – 50 %. Кроме того, указывается на очевидное несоответствие установленных штрафов, в том числе, и административных, за сбыт контрафактной продукции, размеру выручки от его реализации. Незаконный доход правонарушителей, получаемый от объемов проданной продукции, несоизмеримо выше, и в ряде случаев им выгоднее заплатить штраф, чем отказаться от реализации контрафакта и фальсификата [8, с. 162–163]. В таких условиях справедливо говорить о том, что незаконное производство и сбыт алкогольной продукции занимает свое место в структуре профессионального криминального бизнеса.

Одним из самых высокодоходных видов профессионального преступного бизнеса является незаконная банковская деятельность.

В самом общем виде механизм осуществления противоправной деятельности описан в литературе: клиенты – реально действующие субъекты хозяйственной деятельности, заинтересованные в получении наличных денежных средств в обход нормативных актов, регламентирующих кассовую работу, перечисляют на банковские счета специально созданных членами группы фиктивных фирм, зарегистрированных на подставных лиц либо на самих же членов группы, безналичные денежные средства в счет оплаты за товар, предоставление услуг. Фактически, хозяйственная деятельность указанными фирмами не осуществляется, ни товары, ни услуги контрагентам не предоставляются. В своей отчетности клиенты прикрывают эти мнимые сделки фиктивными договорами и иными финансово-хозяйственными документами. Управление расчетными счетами фиктивных организаций осуществляется участниками группы дистанционно при помощи системы «клиент – банк» каждой из фиктивных организаций, а также данные о заявках, зачислении и списании денежных средств, как правило, интегрированы в единую программную оболочку. Каждому клиенту присваивается уникальный идентификатор, позволяющий отслеживать через указанную программную оболочку в режиме реального времени данные о поступлении от него средств на счета используемых фиктивных фирм и их дальнейшем движении.

После поступления на счета фиктивных фирм денежные средства перераспределяются между указанными организациями для создания видимости небольшого оборота денежных средств по счетам, затем снимаются в наличном виде с обоснованием «для обеспечения хозяйственных нужд» или «для приобретения различных изделий у населения за наличный расчет» и тому подобными в различных объемах.

Полученные наличные денежные средства доставляются участниками группы в специально созданный узел пересчета, где распределяются согласно клиентским заявкам, упаковываются, опломбируются и либо напрямую инкассируются клиентам, либо выдаются клиентам в кассе.

За операции по обналичиванию, перевозке и транзиту денежных средств члены преступной группы получают денежное вознаграждение в виде фиксированного процента комиссии от суммы конкретного платежа [9, с. 359–360].

При анализе выявленных фактов обращает на себя внимание размер извлеченного дохода – от 9 до 133 миллионов рублей (в среднем, около 4 миллионов рублей на одно преступление). Помимо размера дохода, о профессиональном характере незаконной банковской деятельности свидетельствует обладание преступниками специальными знаниями в сфере создания фиктивных юридических лиц, обналичивания денежных средств и оказания банковских услуг. В каждом выявленном случае незаконная банковская деятельность носит групповой, организованный характер.

Остальные 10 % профессионального криминального бизнеса, в числе которых – организация азартных игр, изготовление и сбыт фальшивых денег, сбыт контрафактных товаров, незаконная добыча водных биологических ресурсов, незаконная рубка лесных насаждений, организация незаконной миграции, организация занятия проституцией, хоть и отличаются друг от друга по объектам преступного посягательства, но имеют много общих черт.

Во-первых, это групповой характер совершения преступлений с распределением ролей.

Во-вторых, это значительные масштабы преступной деятельности, о которых можно судить по количеству предметов и средств совершения преступлений (в случаях с незаконной организацией азартных игр, изготовлением и сбытом фальшивых денег, сбытом контрафактных товаров), объемам незаконно добытых биологических ресурсов, размеру ущерба и извлеченного дохода, количеству лиц, вовлеченных в противоправную деятельность (применительно к организации незаконной миграции и организации занятия проституцией).

В-третьих, это использование специальных знаний и технических средств для совершения преступлений.

Показателен пример с организацией незаконной миграции, при расследовании которой были изъ-

яты бланки и готовые паспорта граждан государств Центрально-Азиатского региона, миграционные карты, водительские удостоверения, дипломы о высшем образовании, медицинские и трудовые книжки, свидетельства о заключении и расторжении брака, иные документы, технические устройства для изготовления печатной продукции (компьютеры, принтеры, сканеры, ламинаторы, прессы), голограммы, штампы и печати государственных и муниципальных органов власти РФ и зарубежных стран [10]. Кроме того, использовались специальные игровые панели и компьютерная техника при незаконной организацией азартных игр, оборудование и расходные материалы для изготовления фальшивых денежных купюр, тяжелая лесозаготовительная техника и др.

Наконец, еще одной чертой, объединяющей если не все, то значительную часть видов профессионального криминального бизнеса, является межрегиональный или даже международный характер преступной деятельности.

В пользу профессионального характера перечисленных криминальных видов бизнеса свидетельствуют и научные работы. В частности, в криминологических исследованиях отмечались признаки преступного профессионализма деятельности, направленной на организацию занятия проституцией [11, с. 8], незаконную организацию и проведение азартных игр [12], изготовление и сбыт поддельных денег и ценных бумаг [13, с. 8], организацию незаконной миграции [14] и других видов криминального бизнеса.

Разумеется, нельзя утверждать, что описанные формы и масштабы проявления профессиональной преступности полностью соответствуют реальному. Уже один тот факт, что используемый метод не учитывает латентную составляющую профессиональной преступности, говорит о невозможности в точности исследовать этот криминальный феномен. Однако в условиях, когда наблюдается дефицит эффективных методов изучения профессиональной преступности, представленный материал существенным образом дополняет криминологическое знание о противоправных деяниях, совершаемых с признаками профессионализма, и может быть использован как при разработке мер предупреждения преступности, так и в ходе дальнейших научных исследований.

Литература:

1. *Жарких Е.А.* Генезис рецидива преступлений как количественно-качественной основы формирования профессиональной и организованной преступности // *Общество и право.* 2016. № 3 (57). С. 98–101.
2. *Гончарова М.В.* Основные показатели рецидивной преступности последнего пятилетия // *Актуальные вопросы борьбы с преступлениями.* 2017. № 3. С. 52–56.
3. *Соловьев В.С.* Криминологические особенности преступлений против половой неприкосно-

Literature:

1. *Zharkikh E.A.* Genesis of recidivism as a quantitative and qualitative basis for the formation of professional and organized crime // *Society and Law.* 2016. № 3(57). P. 98–101.
2. *Goncharova M.V.* The main indicators of recidivism of the last five years // *Actual issues of combating crimes.* 2017. № 3. P. 52–56.
3. *Solovev V.S.* Criminological features of crimes against sexual inviolability of minors // *Library of*

венности несовершеннолетних // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3(26). С. 155–166.

4. *Астафьев С.А.* Типичные способы совершения преступлений, связанных со строительством и эксплуатацией многоквартирных домов / С.А. Астафьев, Г.В. Хомкалов, И.М. Егереv, О.А. Егеревa // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 541–549.

5. *Белицкий В.Ю.* Формирование понятия мошенничества, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. Т. 1. С. 73–76.

6. *Соловьев В.С.* Мошеннические действия в социальном сегменте сети Интернет (криминологическое исследование по результатам интернет-опроса пользователей) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 3(28). С. 100–108.

7. *Плодовский Ю.В.* Кража автомобилей – традиционное профессиональное преступление / Ю.В. Плодовский, А.А. Галушкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 95–101.

8. *Кузнецова И.А.* Особенности противодействия обороту контрафактной продукции, контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий на современном этапе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3(35). С. 162–168.

9. *Фролов К.В.* О некоторых правовых аспектах деятельности по незаконному обналичиванию денежных средств как виду незаконной банковской деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1(29). С. 357–361.

10. В Москве сотрудниками правоохранительных органов задержаны подозреваемые в организации канала незаконной миграции. Официальный Интернет-сайт МВД России. URL : <https://мвд.рф/news/item/11891619> (дата обращения 22.12.2017).

11. *Соловьев В.С.* Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в занятия проституцией (по материалам Центрального федерального округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 22 с.

12. *Кормильцева С.О.* Незаконная организация и проведение азартных игр уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. 27 с.

13. *Загайнов В.В.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг : по материалам Восточно-Сибирского региона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 24 с.

the criminalist. Science Magazine. 2016. № 3(26). P. 155–166.

4. *Astafev S.A.* Typical methods of committing crimes related to the construction and operation of apartment buildings / S.A. Astafev, G.V. Khomkalov, I.M. Egerev, O.A. Egereva // All-Russian Criminological Journal. 2018. V. 12. № 4. P. 541–549.

5. *Belitsky V.Yu.* Forming the concept of frauds committed according to the principle of «financial pyramids» // News of Altai State University. 2010. № 2. T. 1. P. 73–76.

6. *Solovev V.S.* Fraud in the social segment of the Internet (criminological research on the results of an online survey of users) // News of South-West State University. Series: History and Law. 2018. T. 8. № 3 (28). P. 100–108.

7. *Plodovskiy Yu.V.* Car theft is a traditional professional crime / Yu.V. Plodovskiy, A.A. Galushkin // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence. 2013. № 3. P. 95–101.

8. *Kuznetsova I.A.* Features of countering the circulation of counterfeit products, the smuggling of alcoholic beverages and tobacco products at the present stage // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3(35). P. 162–168.

9. *Frolov K.V.* On some legal aspects of illegal cashing in cash as a type of illegal banking activity // Law science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 1(29). P. 357–361.

10. In Moscow, law enforcement officers detained suspects in the organization of the illegal migration channel. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <https://mvd.rf/news/item/11891619> (access date 12.22.2017).

11. *Soloviev V.S.* Prevention of the involvement of minors in prostitution (according to the materials of the Central Federal District) : author. dis. ... cand. legal sciences. M., 2013. 22 p.

12. *Kormiltsev S.O.* Illegal organization and conduct of gambling criminal and criminological aspects : author. diss. ... cand. legal sciences. Kazan, 2018. 27 p.

13. *Zagainov V.V.* Criminal law and criminological characteristics of the manufacture or sale of counterfeit money or securities: based on materials from the East Siberian region : author. diss. ... cand. legal sciences. Irkutsk, 2008. 24 p.

14. Ахмедов М.Н. Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 294 с.

14. *Akhmedov M.N.* Counteraction to illegal migration: criminal law and criminological aspects: diss. ... cand. legal sciences. M., 2015. 294 p.

Филин Эдуард Сергеевич
адъюнкт кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
Edfill07081992@yandex.ru

Eduard S. Filin
Graduated in a Military Academy
of Department of Criminalistics,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Edfill07081992@yandex.ru

О СПОСОБАХ РАЗБОЕВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

ABOUT WAYS OF THE ROBBERIES MADE COMMITTED BY ETHNIC GROUPS

Аннотация. В статье дается представление о современном состоянии преступности, связанной с совершением разбойных нападений, а также тенденциями ее изменения в последнее десятилетие. Формируется представление о способах совершения разбойных нападений, осуществляемых представителями этнических групп. Даются краткие рекомендации по расследованию подобных преступлений, осуществляемых этническими группами.

Annotation. The article gives an idea of the current state of crime associated with robbery, as well as trends in its change in the last decade. Formed an idea of the modus operandi of assaults carried out by representatives of ethnic groups. Brief recommendations on the investigation of such crimes carried out by ethnic groups are given.

Ключевые слова: криминалистика, расследование преступлений, криминалистическая характеристика, способ преступления, разбой, этническая преступность, этнические группы, методика расследования.

Keywords: criminology, investigation of crimes, criminalistic characteristics, method of crime, robbery, ethnic crime, ethnic groups, methods of investigation.

Текущее состояние преступности в Российской Федерации выражается в том, что более половины всех зарегистрированных преступлений составляют преступные деяния, направленные на завладение чужим имуществом. Одним из наиболее опасных считается совершение разбойного нападения, ответственность за которое предусмотрена статьей 162 УК РФ [1]. Не смотря на снижение количества выявленных фактов разбойных нападений на территории Российской Федерации в последнем десятилетии, данный процесс никак не отразился на уровне их раскрываемости. Количество нераскрытых разбойных нападений все еще значительно и составляет в пределах 13–36 % от числа выявляемых разбоев [2]. Кроме того, распространенными становятся репортажи в средствах массовой информации о совершении разбоев представителями этнических сообществ, действующих в составе организованных групп, которые отличаются особой жестокостью и внутренней замкнутостью преступной группы, что представляет определенные сложности в расследовании.

вершении преступления группой лиц, сформированной на этнической основе.

Анализ изучаемой категории преступных деяний позволил выделить пять этапов формирования механизма совершения разбойных нападений представителями этнических групп:

Исследуя отдельные вопросы расследования разбойных нападений, совершаемых представителями этнических групп, считаем необходимым и первоочередным сформировать представление о способах совершения таких преступлений, сведения о которых могут быть положены в основу выдвижения следственных версий о со-

1. Возникновение преступного умысла. На данном этапе у субъекта преступления возникают намерения на преступное обогащение. В качестве предмета преступления, зачастую, определяются наличные денежные средства или такое имущество, перемещение и реализация которого не вызывает значительных затруднений (преимущественно выступают ювелирные украшения, мелкая бытовая техника и электроника). Кроме того, на данном этапе субъектом преступления определяется будущая жертва. Анализ существующей криминогенной обстановки выявил, что в качестве жертв преступления, в подавляющем большинстве случаев, выступают физические лица, а также, частные предприниматели и небольшие коммерческие организации (кафе, магазины, пункты выдачи займов и т.п.). Реже встречаются случаи нападения на инкассаторов [3, с. 58–60].

2. Формирование преступной группы, основанной на этнической основе. Так как намерение на совершение преступления изначально возникает у представителя этнической группы, то и сообщ-

ников для совершения преступления он, как правило, подбирает из круга своего общения. Таими субъектами могут выступать как законные, так и не законные эмигранты, которые не нашли применения своим возможностям в легитимной сфере, либо устроившиеся на низкооплачиваемую работу, не удовлетворяющую их потребностям. Большинство из них объединяет желание быстро обогатиться и, нередко, чувство неприязни к местному населению. На данном этапе могут создаваться моноэтнические, полиэтнические родственные, полиэтнические неродственные или смешанные группы [4, с. 109–117], нацеленные как на разовое совершение преступления, так и на постоянную преступную деятельность. Как правило, в качестве основных направлений таких преступных групп являются разбойные нападения и вымогательства.

3. Подготовка к совершению преступления. Разбойные нападения, совершаемые этническими группами, преимущественно не связаны со спонтанными действиями, и им предшествует тщательная подготовка. В ходе подготовки к преступлению изучается образ жизни будущей жертвы преступления, особенности объекта нападения (при совершении разбойного нападения, связанного с проникновением в жилища и иные помещения), выбор места совершения будущего нападения, а также определяется способ совершения нападения. Определяются и приискиваются необходимые орудия и средства, используемые в преступлении, нацеленные как на облегчение совершения преступления, так и на сокрытие следов его совершения. Среди таких встречаются: ножи, кастеты, самодельные револьверы и переделанные травматические пистолеты под боевые патроны, автоматы, чулки из плотной ткани на голову с прорезями для глаз, перчатки, поддельные паспорта, наручники, хомуты, незарегистрированные транспортные средства и пр.

4. Реализация действий по совершению преступления. На данном этапе происходит непосредственная реализация преступных намерений согласно ранее определенному плану.

Как правило, преступные намерения злоумышленников реализуются по одной из трех схем действий преступных элементов:

А. Нападение по месту нахождения объекта. Встреча со злоумышленниками для потерпевшего является внезапной. Нападения, преимущественно, происходят по месту жительства жертвы, по месту нахождения коммерческой точки, в момент передвижения жертвы по улице или вне населенного пункта. Такая схема может быть использована при наличии у преступных элементов уверенности в том, что у жертвы преступления есть средства для обогащения. Подобная уверенность может быть сформирована либо, исходя из внешнего благосостояния будущей жертвы, либо, благодаря информации о получении последним значительных материальных ценностей.

Б. Нападение на объект в заранее подготовленных для этого условиях. Реализация такой схе-

мы предусматривает наличие контакта субъектов преступления с жертвой до момента разбойного нападения. Контакт направлен на то, чтобы создать условия, при которых жертва преступления будет в заранее обусловленном месте и с необходимыми злоумышленникам денежными средствами либо имуществом.

В. Нападение на жертву преступления, сопряженное с последующим вымогательством. Этнические группировки, реализующие подобную схему, считаются наиболее опасными. При совершении разбойного нападения на жертву преступления по первой или второй схеме, они не ограничиваются завладением их имуществом и денежными средствами. После нападения следует избивание и похищение жертвы с последующим вымогательством дополнительной денежной суммы за ее освобождение.

5. Соккрытие следов совершенного преступления. В основном используются примитивные средства маскировки. Так, для уменьшения информативности идеальных следов преступления используются средства маскировки внешности: одежда с большими капюшонами, кепки, солнцезащитные очки, кофты с высокими воротниками, чулки на голову и прочее. Сами орудия и средства, которые использовались при нападении, как правило, не уничтожаются, а скрываются по местам жительства участников преступной группы, а также в находящихся в их пользовании подсобных помещениях. Довольно часто представители подобных преступных группировок не имеют постоянного места жительства, часто меняя съемное жилье. При небольшой численности преступной группы (2–3 человека), зачастую, члены такой группы проживают совместно. Для передвижения они нередко используют транспорт, находящийся в розыске, от которого преступники избавляются после совершения преступления.

Безусловно, преступные группы, сформированные на основании этнического принципа, являются наиболее сплоченными, что, само собой, непременно сказывается и на процессе расследования. Более того, некоторые члены таких группировок находятся на территории Российской Федерации нелегально, что значительно усложняет расследование подобных преступлений. Способы совершения разбоев со стороны этнических групп нередко носят излишне жестокий характер и характеризуются своей дерзостью. Нередко члены таких преступных групп не привязаны к определенной территории жительства, что влияет на расширение границ совершения ими преступных деяний.

Таким образом, учитывая изложенные особенности разбойных нападений, совершаемых этническими группами, в целях последующего представления практических рекомендаций сотрудникам органов предварительного следствия и выработки приемов, направленных на повышение эффективности раскрытия и расследования данных преступлений, дальнейшая разработка обозначенной проблематики должна быть выстроена с учетом ряда положений:

1. Механизм совершения разбойных нападений, совершаемых этническими группами, проходит пять этапов своего развития:

- возникновение преступного умысла;
- формирование преступной группы, основанной на этнической основе;
- подготовка к совершению преступления;
- реализация действий по совершению преступления;
- сокрытие следов совершенного преступления.

2. В процессе непосредственного совершения разбоя может быть использована одна из трех схем действий членов этнической группы, условно обозначенных нами, как:

- «Нападение по месту нахождения объекта»;

Литература:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. (ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Состояние преступности в России: статистическая информация ГИАЦ МВД России за 2010 – 2018 года. URL : <https://мвд.рф/folder/101762> (дата доступа 31.01.2019 года).
3. *Костыра А.Н.* Расследование разбойных нападений на инкассаторов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 1. С. 58–60.
4. *Рубцов В.Г.* Преступные формирования, созданные на этнической основе, их структура, состав и связи, способы противодействия расследованию // Вестник Международного института экономики и права. 2011. №1. С. 109–117.

– «Нападение на объект в заранее подготовленных для этого условиях»;

– «Нападение на жертву преступления, сопряженное с последующим вымогательством».

3. Действия по выявлению лиц, причастных к совершению таких преступлений, должны определяться с учетом того, что члены преступной группы могут находиться на территории государства нелегально, использовать поддельные паспорта, передвигаться на краденом автотранспорте, проживать на съемном жилье.

4. Дальнейшая разработка криминалистической характеристики разбоев, совершаемых этническими группами, должна быть выстроена с учетом выявления корреляционных связей между такими элементами, как способ совершения преступления – следы преступления – характеристика преступной этнической группы.

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ. (ed. by G. 27.12.2018) // collected legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. State of crime in Russia: statistical information of the Ministry of internal Affairs of Russia for 2010–2018. URL : <https://мвд.рф/folder/101762> (date of access 31.01.2019 years).
3. *Kostyra A.H.* Investigation of robbery attacks on collectors // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2013. № 1. P. 58–60.
4. *Rubtsov V.G.* Criminal formations created on an ethnic basis, their structure, composition and connections, ways to counter the investigation // Bulletin of the International Institute of Economics and law. 2011. № 1. P. 109–117.

Хурум Мариет Аслановна
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
milena.555@mail.ru

ОБЪЕКТ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА СОХРАННОСТЬ ТАЙНЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ИНДИВИДА: СОДЕРЖАНИЕ, СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Аннотация. Осуществив системный анализ положений международно-правовых актов и отечественного законодательства (Уголовный кодекс Российской Федерации, нормативные акты иной отраслевой принадлежности), автор проанализировал содержание, специфику и отличительные особенности родового, видовых и непосредственных объектов составов преступлений, криминализованных в ст. 137, 155 УК РФ. Подвергся рассмотрению и образующий содержание объекта как элемента состава преступления признак – предмет преступления, а именно определенные разновидности конфиденциальной информации – сведения о частной жизни лица, а также об усыновлении (удочерении). По результатам исследования сформулированы авторская дефиниция конфиденциальной информации и ряд предложений, направленных на совершенствование уголовного законодательства в соответствующей его части. Помимо этого, в статье обоснована необходимость принятия Федерального закона «О защите конфиденциальной информации в Российской Федерации».

Ключевые слова: криминализация, состав преступления, объект преступления, предмет преступления, конфиденциальная информация, частная тайна, семейная тайна, персональные данные, медицинская (врачебная) тайна.

В отечественной правовой доктрине и законодательстве в настоящее время доминирует подход, при котором информационная безопасность рассматривается как состояние

Mariet A. Hurum
Postgraduate Student
of the Department of Criminal Law
and Criminology,
Kuban State University
milena.555@mail.ru

OBJECT OF COMPOSITIONS OF CRIMES CONNECTED WITH THE ATTEMPTMENT TO THE PRESERVATION OF THE SECRET OF PRIVATE LIFE OF THE INDIVIDUAL: CONTENT, SPECIFICITY AND PROSPECTS OF OPTIMIZATION OF THE REGULATORY REGULATION

Annotation. Having carried out a systematic analysis of the provisions of international legal acts and domestic legislation (the Criminal Code of the Russian Federation, regulatory acts of a different sectoral affiliation), the author analyzed the content, specifics and distinctive features of the generic, specific and direct objects of the crimes criminalized in art. Art. 137, 155 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author has considered forming the content of the object as an element of the crime is the subject of the crime, namely, certain types of confidential information – information about the private life of the person, as well as about adoption (adoption). According to the results of the research, the author's definition of confidential information and a number of proposals aimed at improving criminal legislation in its relevant part were formulated. In addition, the article justifies the need to adopt the Federal Law «On the Protection of Confidential Information in the Russian Federation».

Keywords: criminalization, corpus delicti, object of crime, subject of crime, confidential information, private secret, family secret, personal information, medical (medical) secret.

защищенности национальных интересов России в информационной сфере, состоящей из совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства, от внутренних и

внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие России, оборона и безопасность государства [1].

Преступления, имеющие предметом конфиденциальную информацию, в своей совокупности относятся к деяниям, нарушающим информационную безопасность РФ. Вместе с тем, в силу того, что названные составы преступлений не сконцентрированы в УК РФ воедино, а «разбросаны» по разным разделам и главам, содержание их объектов существенно разнится. Таким образом, как справедливо отмечается в специальной литературе, в действующей редакции УК РФ преступления, причиняющие вред такому объекту, как общественные отношения в сфере обеспечения безопасности конфиденциальной информации, систематизированы в УК РФ по принципу «включенности» той или иной «закрытой» информации в конкретные общественные отношения, которые они обслуживают, или элементом которых они являются [2].

В рамках данной работы мы обратимся к анализу объекта составов преступлений, посягающих на частную жизнь индивида. В УК РФ сконструировано два подобных состава преступлений – нарушение неприкосновенности частной (в том числе семейной) жизни (ст. 137 УК РФ) и разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ). Содержание родового объекта преступлений противличности в достаточной мере исследовано в специальной литературе. Им признаны общественные отношения в сфере обеспечения безопасности личности. Статья 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. гласит: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [3]. Видовой объект преступлений предопределяется, как известно, размещением норм об ответственности за них в той или иной главе Особенной части УК РФ. Деяния, предусмотренные ст. 137 и 155 УК РФ, размещены в различных его главах. Соответственно, в первом случае видовым объектом выступают общественные отношения в сфере реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, а во втором – общественные отношения в сфере нормального функционирования семьи и развития несовершеннолетних [4]. Не вызывает споров в отечественной правовой доктрине и определение содержания непосредственного объекта названных преступлений. Так, Л.Г. Мачковский указывает, что законодатель признает непосредственным объектом посягательства на неприкосновенность частной жизни одноименное конституционное право [5]. Вместе с тем, отсутствие нормативного определения содержания права на неприкосновенность частной жизни выступает предпосылкой формирования различ-

ных мнений по вопросу его конкретного наполнения [6]. В судебной практике подчеркивается, что «...под частной жизнью следует понимать ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства (в случаях, если она не носит противоправный характер)» [7]. Отечественные ученые-юристы данную категорию, чаще всего, понимают как многогранное понятие, включающее в себя «целый комплекс политических, социальных и иных прав личности наряду со специфическими, только ему присущими компонентами и вытекающими отсюда правомочиями его носителей» [8], ряд правомочий, обеспечивающих гражданину возможность находиться в состоянии известной независимости от государства и общества [9], прирожденное неотчуждаемое право личности, предполагающее защиту неприкосновенности личной и семейной тайны, жилища, личной корреспонденции, чести, репутации и доброго имени [10]. Достаточно полная систематизация прав личности, составляющих его частную жизнь, осуществлена В.Н. Лопатиным. Она включает совокупность прав: на свободу располагать собой; на тайну частной жизни (личная тайна, семейная тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений); на защиту личности (защита своего имени; защита своей чести, достоинства, деловой репутации и пр.); на защиту жилища, его неприкосновенность; на тайну голосования [11].

Таким образом, непосредственным объектом преступного посягательства, предусмотренного ст. 137 УК РФ, должны признаваться общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни, всех ее элементов. Вместе с тем, диспозиция нормы связывает их только с сохранностью личной и семейной тайны. Нам представляется целесообразным внести уточнение в диспозицию ч. 1 ст. 137 УК РФ, исключив из нее указание на то, что уголовно-правовой защите подлежат лишь сведения, составляющие «личную или семейную тайну». В таком случае произойдет необходимое расширение границ уголовно-правовой охраны всех аспектов частной жизни человека. Высказано мнение, что дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, могут являться честь и достоинство потерпевшего, если содержание сведений, составляющих личную тайну, носит порочащий характер, либо для распространения сведений используется неприличная форма [12]. Но содержание ч. 1 ст. 137 УК РФ оснований для такого утверждения не дает.

Непосредственным объектом преступления, названного в ст. 155 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере обеспечения режима конфиденциальности фактов (сведений), составляющих личную или семейную тайну. В отечественной научной литературе последних лет дискутируется вопрос о целесообразности декриминализации разглашения тайны усыновления (удочерения) [13]. Думается, что соответствующие предложения не подкреплены объективны-

ми основаниями. Они также идут вразрез с положениями международного законодательства и правоприменительной практикой [14]. Наличие уголовной ответственности за разглашение указанной тайны является органичным элементом системы обеспечения уголовно-правовой охраны семьи и несовершеннолетних в РФ. Оно направлено на обеспечение нормального и психологически комфортного развития несовершеннолетнего, сохранение спокойной и стабильной межличностной ситуации в приемной семье. Криминологические исследования показывают, что такой способ, как разглашение тайны усыновления или удочерения, может быть использован злоумышленниками и в меркантильно-корыстных целях, для разрыва семейных уз, «завладения» психикой подростка, а впоследствии и имуществом (например, принадлежащим ему в силу наследования). Как справедливо указывает С.Г. Селезнева, «подобные действия в семье наносят детям сокрушительный эмоциональный удар, раны от которого не заживают никогда и в свою очередь могут породить их ответные жесткие действия; они в целом причиняют невосполнимый нравственный урон обществу» [15]. Поэтому думается, что, напротив, следует усиливать правовые основы защиты сохранности подобной информации. По своей правовой природе ст. 155 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 137 УК РФ. Спецификационным основанием здесь выступает особое содержание охраняемой законом информации – сведений, касающихся усыновления (удочерения), предопределяющее и содержание непосредственного объекта. По своей сути, она является «сакральной» для каждой приемной семьи и ее членов. Разглашение этой информации без согласия усыновителя уничтожает тонкую грань психологической внутрисемейной стабильности. Последствием рассматриваемого деяния может явиться и психологический стресс для усыновленного (удочеренной), что впоследствии имеет большую долю вероятности трансформироваться в нарушение его психофизиологического развития. Нельзя упускать из вида и психологическое состояние престарелых усыновителей, которые, став жертвами такого деяния, могут испытать ухудшение общего состояния здоровья, стрессовые состояния вследствие страха потерять духовную связь и жизненную опору со стороны усыновленных (удочеренных). Все этократно повышает социальную значимость сохранения тайны усыновления (удочерения) и выступает объективным основанием криминализации подобных посягательств в самостоятельной норме УК РФ.

Обязательным элементом объекта рассматриваемых составов преступлений является предмет – конфиденциальная информация. Понятие «информация» сформулировано в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18 декабря 2018 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [16]. Она определена как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (ст. 2). Понятие сведений конфиденциального (от «confidential» – доверительный), то есть, доверительного, секретного, характера в совре-

менном мире приобрело статус правозначимого. Однако в отечественном законодательстве их дефиниция не представлена. В п. 7 ст. 2 названного Закона содержится лишь указание о том, что конфиденциальность информации – обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя. В специальной литературе предприняты попытки разработки соответствующей дефиниции. Так, А.А. Дворников полагает, что под конфиденциальностью следует понимать ограниченность оборота информации и установленный обладателем последней режим ее хранения и обращения, при котором обеспечивается ее доступность только определенному кругу субъектов и исключается возможность ее разглашения, блокирования либо утраты [17]. Сходную позицию высказывает М.А. Ефимова [18]. Вместе с тем, в отечественной науке представлена и позиция, согласно которой информацию ограниченного доступа следует подразделять на «государственную тайну» и «конфиденциальную информацию» [19]. Такое деление была закреплено в ч. 2 ст. 10 утратившего силу Федерального закона от 20.02.1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». Однако в настоящее время подобные суждения не состоятельны, поскольку действующий Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18 декабря 2018 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [20] подобного разграничения не осуществляет. Приведенный подход базировался на стремлении размежевать правовую охрану тайны в сфере публичных и частных интересов. Однако он не выдержал проверку временем, да и не был последовательно реализован в отраслевом законодательстве, поскольку в ведомственных подзаконных актах происходило и происходит смешивание категорий «служебная информация», «ограниченный доступ» и т.п. [21]. Данная неопределенность отразилась и на содержании УК РФ. Так, хотя криминализация посягательств на сохранность государственной тайны и обособлена в самостоятельных нормах (ст. 275, 276 УК РФ), однако, эта линия не выдержана в отношении служебной (ст. 320 УК РФ) и следственной (ст. 310, 311 УК РФ) тайн, которые отнесены к конфиденциальной информации.

В связи с этим, нам импонирует позиция И.А. Юрченко, полагающего, что понятие «конфиденциальная информация» применительно к уголовному законодательству является обобщающим для сведений, имеющих различное содержание, которые защищаются нормами УК РФ, находящимися в разных разделах и главах» [22]. Именно в этом ключе следует рассматривать всю систему закрепленных в статьях УК РФ уголовно-правовых запретов, направленных на защиту информации от неправомерного получения, использования или распространения.

В качестве предмета преступления, криминализованного в ст. 137 УК РФ, названы сведения о частной жизни лица, то есть, такие сведения, которые потерпевший и его семья желали со-

хранить в тайне, а также сведения, доверенные виновному без согласия на их дальнейшее разглашение [23]. Европейский суд признает, что каждый имеет право на частную жизнь без какого-либо нежелательного внимания иных лиц. С другой стороны, он считает, что было бы слишком строго ограничивать понятие «личная жизнь» «интимным кругом», где каждый может жить своей собственной личной жизнью по своему усмотрению, и полностью исключать внешний мир из этого круга [24]. Так, в деле «S. и Марпер (Maqper) против Соединенного Королевства» [25] он обратил внимание на то, что понимание личной жизни не исключает деятельности профессионального и делового характера, охватывает аспекты физической и социальной индивидуальности, включая право на личную автономию, личное развитие и установление отношений с иными людьми и окружающим миром.

Определенные выводы о круге сведений, составляющих информацию о частной жизни индивида, можно сделать из анализа положений другого Федерального закона. Так, согласно ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31 декабря 2017 г.) «О персональных данных» персональные данные – любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [26]. В ст. 10 данного закона указано, что «обработка специальных категорий персональных данных, касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи». Следовательно, законодатель очерчивает в данной норме круг сведений, относящихся к персональным конфиденциальным данным. Особую категорию конфиденциальной информации составляют биометрические данные (ст. 11 ФЗ «О персональных данных»). К ним отнесены физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные). Эти сведения могут передаваться оператором третьим лицам исключительно для целей осуществления уголовного преследования и правосудия (ч. 2 ст. 11). К персональным данным относятся сведения о времени и количестве посещений различных сайтов в сети Интернет, так как они характеризуют интересы пользователя, а также IP-адрес пользователя [27]. К ним можно отнести информацию о персональных данных, дружеских и интимных отношениях, сексуальной ориентации, религиозных или атеистических взглядах и убеждениях, имущественном положении, источниках доходов, месте проживания, увлечениях, пристрастиях, вредных привычках, заболеваниях (в том числе, и о социально опасных – ВИЧ-инфекции, венерических болезнях, туберкулезе), проведении досуга и т.д. Сведения о противоправном поведении лица (совершении преступления или административного проступка) не образуют личную тайну, и их разглашение (например, сообщение правоохранительным органам) должно признаваться общественно полезным, а не общественно опасным деянием.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ (ред. от 29.06.2018 г.) «О почтовой связи», «тайна переписки почтовых, телеграфных и иных сообщений, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, гарантируется государством» [28].

Конфиденциальная информация, касающаяся данных об индивиде, как правило, обозначается посредством категорий «частная жизнь» или «личная тайна». В уголовно-правовой доктрине предпринимаются попытки их научного толкования. Так, на взгляд И.Л. Петрухина, И.В. Смольковой и ряда других авторов, личную тайну составляет информация, имеющая сугубо личный характер. Это могут быть взаимоотношения, связи, привычки, взгляды, обстоятельства интимной жизни, склонности, пристрастия, скрытые физические недостатки, порочное прошлое, тайна дневников, личных бумаг и т.д. [29].

Особую часть конфиденциальной информации составляет информация, относящаяся к семейной тайне. В деле «Одиевр (Odievre) против Франции» [30] Европейский суд напомнил, что обстоятельства, относящиеся к личному развитию, включают в себя элементы определения личности как человека и жизненно важную заинтересованность, защищаемую Конвенцией «О защите прав человека и основных свобод», в получении сведений, необходимых для установления правды о существенных аспектах личности, таких как установление личности родителей. Рождение и, особенно, обстоятельства рождения являются частью личной жизни ребенка, а затем и взрослого, защита которых гарантируется ст. 8 Конвенции. По мнению Суда, поскольку вопрос о доступе к информации о личном происхождении затрагивает личность человека, он представляет собой существенную часть личной жизни, охраняемой ст. 8 Конвенции [31]. Более того, и для усыновленных детей предоставление доступа к информации о происхождении и тем самым возможности проследить свое прошлое является вопросом свободы и достоинства, гарантированными Конвенцией. В этой связи справедлива позиция И.Л. Петрухина, относящего к семейной тайне такие обстоятельства, которые касаются семьи конкретного лица и по этическим соображениям скрываются от посторонних лиц [32]. Семейная тайна – это групповая тайна, носителями которой выступают члены одной семьи, представляющая информацию о взаимоотношениях между ними. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 1 апреля 2019 г.) «О жилищном минимуме в Российской Федерации» [33], семья – это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство. Под сведениями, составляющим личную или семейную тайну, следует понимать не подлежащие оглашению данные, по мнению лица, которого они касаются (в то же время, не могут составлять тайну сведения, ранее уже опубликованные тем или иным способом) [34]. Статьей 155 УК РФ осуществлена охрана семейной тайны. Вместе с тем, по мнению И.Б. Бондарь, «отождествление семейной тайны и тайны усыновления (удочерения) путем их

слияния в единую словесную конструкцию не совсем корректно по отношению к тексту закона» [35]. Думается, подобная критика имеет надуманный характер, поскольку факт усыновления является событием, благодаря которому усыновленный (удочеренная) становятся полноценными членами семьи. Следовательно, разглашение сведений о тайне усыновления (удочерения), безусловно, посягает на интересы семьи, поскольку посягает на сохранность семейной тайны.

Итак, семейную тайну составляют сведения, которые касаются семьи и по моральным соображениям скрываются от постороннего глаза. Семейная тайна может касаться всех членов семьи или одного из них. Этим она отличается от личной тайны. В этой связи можно лишь отчасти согласиться с точкой зрения И.В. Смолькова относительно того, что понятия «личная» и «семейная» тайны тесно связаны между собой и во многом совпадают [36]. В современном обществе, в силу трансформации института семьи и развития института прав человека, семейная тайна является лишь частью конфиденциальной информации в отношении личности. Личная тайна по своему содержанию – более широкая категория, нежели «семейная тайна». Интересно мнение Л.И. Котиевой, которая полагает, что к личным и семейным тайнам могут быть отнесены сведения, которые человек доверяет представителям отдельных профессий (сюда относятся тайна исповеди, врачебная тайна, тайна усыновления, адвокатская тайна и т.д.) [37]. Действительно, указанные сведения, как показывает практика, составляют значительную часть контента личной и семейной тайны. Это требует от законодателя точной правовой оценки ситуаций разглашения указанных сведений, совершенных лицами, получившими к ним доступ, в силу выполнения своих профессиональных или социальных функций. Применительно к разглашению тайны усыновления (удочерения) данное обстоятельство выступает в качестве криминализующего признака состава преступления. Что касается состава нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), в нем, к сожалению, подобный подход не применен.

Резюмируя изложенное, следует еще раз подчеркнуть, что конфиденциальную информацию

Литература:

1. См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 (ст. 2) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212; Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 3.

следует определять как сведения, относящиеся к различным сферам жизнедеятельности (частной, коммерческой, банковской, государственной, в том числе, правоохранительной), ограниченные в свободном доступе или запрещенные для него в соответствии с законодательством РФ в целях обеспечения личной неприкосновенности граждан, охраны частной жизни либо национальной безопасности. В силу особой значимости обеспечения неприкосновенности конфиденциальной информации, ее объема, разнообразия видов следует принять федеральный закон «О конфиденциальной информации в Российской Федерации», где необходимо закрепить ее дефиницию, перечень сведений, к ней относящихся, и усиленный режим правовой охраны. Нуждается в легальном закреплении и дефиниция «сведения о частной жизни». Информация о частной жизни включает совокупность прав: на свободу располагать собой; на тайну частной жизни (личная тайна, семейная тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений); на защиту личности (защита своего имени; защита своей чести, достоинства, деловой репутации и пр.); на защиту жилища, его неприкосновенность; на тайну голосования. Вместе с тем полагаем, что данный перечень можно расширить, включив сюда и право на свободу совести и тайну исповеди, репродуктивные права. Представляется целесообразным внести уточнение в диспозицию ч. 1 ст. 137 УК РФ, исключив из нее указание на то, что уголовно-правовой защите подлежат лишь сведения, составляющие «личную или семейную тайну». В таком случае произойдет необходимое расширение границ уголовно-правовой охраны всех аспектов частной жизни человека.

Системный анализ положений УК РФ дает основание для вывода о недостаточной криминализации подобных посягательств. В частности, для современного человека в свете развития новых технологий все большую значимость приобретает конфиденциальность информации, относимой к сегменту медицинской (врачебной) тайны. В этой связи считаем необходимой и социально обоснованной дифференциацию уголовной ответственности за разглашение медицинской (врачебной) тайны, повлекшей наступление тяжких последствий.

Literature:

1. See: Doctrine of information security of the Russian Federation: утв. Decree of the Russian President of December 5, 2016 № 646 (Art. 2) // Collection of the legislation Russian Federation. 2016. № 50. Article 7074; Strategy of national security of the Russian Federation: appr. Decree of the Russian President of December 31, 2015 № 683 // Collection of the legislation Russian Federation. 2016. № 1 (Part II). Art. 212; Polyakova T.A. Legal support of information security at creation of information society in Russia : abstract yew. ... dr. jurisprudence. M, 2012. P. 3.

2. См.: *Дубровский Ю.В.* Коммерческая, налоговая и банковская тайна: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 13.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1948 г. // СПС «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
4. *Бондарь И.В.* Тайна по российскому законодательству: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2004. С. 86.
5. *Мачковский Л.Г.* Ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни в уголовном законодательстве России и зарубежный опыт // Правоведение. 2009. № 5. С. 148.
6. См., напр.: *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник. 8-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2009. С. 228.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // ИПС «ГАРАНТ». URL : <http://base.garant.ru/1354478/>
8. *Лепешкина Н.П.* Неприкосновенность частной жизни, что это? // Адвокатская практика. 2005. № 2. С. 38.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.А. Окунькова. М. : Изд-во «БЕК», 1996. С. 42.
10. См.: *Афанасьева О.В.* Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных? // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 77; *Велиева Д.С.* Право на уважение частной жизни: международные стандарты реализации и защиты // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. № 4-4. Т. 14. С. 445.
11. См.: *Лопатин В.Н.* Защита права на неприкосновенность частной жизни // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 67-85.
12. См.: *Говенко Ю.А.* Проблемы квалификации преступлений, нарушающих неприкосновенность информации о частной жизни // Научный руководитель. 2014. № 5(6). С. 69.
13. См.: *Ильина А.Ю.* Об учете рисков при исследовании вопроса декриминализации уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления (удочерения) // Закон и право. 2018. № 7. С. 128–130.
2. See: *Dubrovsky Yu.V.* Trade, tax and bank secrecy: ugo-lovno-legal and criminological aspects : abstract yew. ... dr. jurisprudence. M, 2005. P. 13.
3. The Universal Declaration of Human Rights (it is accepted by the United Nations General Assembly of 10.12.1948 // Union of Right Forces «Consultant Plus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
4. *Bondar I.V.* Tayna by the Russian legislation: problems of the theory and practice : abstract yew. ... dr. jurisprudence. N. Novgorod, 2004. P. 86.
5. *Machkovsky L.G.* Responsibility for violation of personal privacy in the criminal legislation of Russia and foreign experience // Jurisprudence. 2009. № 5. Page 148.
6. See, e.g.: *Baglay M.V.* Constitutional right of the Russian Federation : textbook. the 8th prod., amendment and additional M. : Norm, 2009. P. 228.
7. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 9, 2005 № 248-O «About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizens Zakharkin Valery Alekseyevich and Zakharkina Irina Nikolaevna to violation of their constitutional rights the point of a part of the third Article 125 and a part of the third Article 127 of the Penal Code of the Russian Federation» // Information retrieval system «Guarantor». URL : <http://base.garant.ru/1354478/>
8. *Lepeshkina N.P.* Personal privacy, what is it? // Lawyer practice. 2005. № 2. P. 38.
9. Comment on the Constitution of the Russian Federation (itemized). the 2nd prod., reslave. and additional / under the editorship of L.A. Okunkov. M. : BEK publishing house, 1996. P. 42.
10. See: *Afanasyeva O.V.* Right to personal privacy. Whether strengthens its law on personal data? // Social sciences and present. 2011. № 6. P. 77; *Veliyeva D.S.* Right for respect of private life: international standards of realization and protection // News of the Saratov university. Series: Economy. Management. Right. 2014. № 4-4. T. 14. P. 445.
11. See: *Lopatin V.N.* Protection of the right to personal privacy//Magazine of Russian law. 1999. № 1. P. 67–85.
12. See: *Govenko Yu.A.* Problems of qualification of the crimes breaking inviolability of information on private life//the Research supervisor. 2014. № 5(6). P. 69.
13. See: *Ilyina A.Yu.* About accounting of risks at a research of an issue of decriminalization of criminal liability for disclosure of secrecy of adoption (adoption) // Law and the right. 2018. № 7. P. 128–130.

14. См.: Постановление ЕСПЧ от 08.01.2009 г. по делу «Куимов (Kuimov) против Российской Федерации (жалоба № 32147/04) // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=137670#02827303387903526> (дата обращения 12.05.2019 г.).
14. See: The resolution of ECHR of 08.01.2009 on business «Kuimov against the Russian Federation (complaint № 32147/04) // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=137670#02827303387903526> (date of the address 12.05.2019).
15. *Селезнева С.Г.* К вопросу об уголовной политике за разглашение тайны усыновления (сравнительное исследование) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 3. С. 56.
15. *Seleznyova S.G.* To a question of criminal policy for disclosure of secrecy of adoption (a comparative research) // Bulletin of the Chelyabinsk state university. 2014. № 3. P. 56.
16. См.: Обинформации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.012.2018 г.) // ИПС «Гарант». URL : <http://base.garant.ru/12148555/#friends>
16. See: About information, information technologies and on information security: The federal law of July 27, 2006 № 149-FZ (an edition from 18.012.2018 g) // the Information retrieval system «Guarantor». URL : <http://base.garant.ru/12148555/#friends>
17. *Дворников А.А.* Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны в органах внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 10.
17. *Dvornikov A.A.* Criminal protection of the state and office secret in law-enforcement bodies : abstract yew. ... edging. jurisprudence. Tyumen, 2007. P. 10.
18. *Ефремова М.А.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 42–43.
18. *Efremova M.A.* Criminal protection of information security : abstract yew. ... Dr. jurisprudence. M, 2017. P. 42–43.
19. *Салихов И.И.* Информация с ограниченным доступом как объект гражданско-правовых правоотношений : автореф. дис. канд. ... юрид. наук. Казань, 2004. С. 17.
19. *Salikhov I.I.* Information with limited access as object of civil legal relationship : abstract yew. ... edging. jurisprudence. Kazan, 2004. P. 17.
20. См.: Обинформации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.012.2018 г.) // ИПС «Гарант». URL : <http://base.garant.ru/12148555/#friends>
20. See: About information, information technologies and on information security: The federal law of July 27, 2006 № 149-FZ (an edition from 18.012.2018 g) // Information retrieval system «Guarantor». URL : <http://base.garant.ru/12148555/#friends>
21. См.: Об утверждении Перечня сведений ограниченного доступа, не содержащих сведений, составляющих государственную тайну, (конфиденциального характера) Министерства финансов Российской Федерации и организаций, находящихся в его ведении: приказ Минфина России от 17.06.2014 г. № 162 (ред. от 16.11.2015 г.). URL : <http://rulings.ru/acts/Prikaz-Minfina-Rossii-ot-17.06.2014-N-162/>; О некоторых вопросах обращения со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России (вместе с Инструкцией по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России): приказ МВД России от 09.11.2018 г. № 755 СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312903/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdadff518/
21. See: About the approval of the List of the data of limited access which are not containing the data which are the state secret (confidential character) of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the organizations which are under its authority: the order of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 17.06.2014 № 162 (an edition of 16.11.2015). URL : <http://rulings.ru/acts/Prikaz-Minfina-Rossii-ot-17.06.2014-N-162/>; About some questions of treatment of office information of limited distribution in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (together with the Instruction on the organization of activities for treatment of office information of limited distribution in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation): order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 09.11.2018 №. 755 // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312903/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdadff518/
22. *Юрченко И.А.* Информация конфиденциального характера как предмет уголовно-правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 44.
22. *Yurchenko I.A.* Information of confidential character as subject of criminal legal protection : abstract yew. ... edging. jurisprudence. M, 2000. P. 44.
23. См.: *Борзенков Г.Н.* Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности частной жизни //
23. See: *Borzenkov G.N.* Criminal ensuring personal privacy // Legal world. 1997. № 9. P. 22; *Petrukhin I.L.*

- Юридический мир. 1997. № 9. С. 22; *Петрухин И.Л.* Личные тайны (человек и власть). М., 1998. С. 20.
24. См.: *Велиева Д.С.* Указ. соч. С. 443.
25. См.: Дело «S. и Марпер (Marper) против Соединенного Королевства»: постановление Европейского суда по правам человека от 04.12.2008 г. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=44284#014318286781796963>
26. См.: О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31 декабря 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
27. См.: *Малеина М.Н.* Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 39.
28. См.: О почтовой связи: Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ (ред. от 29.06.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6719/2018
29. См.: *Петрухин И.Л.* Личные тайны (человек и власть). М., 1998. С. 104.
30. См.: Дело «Одиевр (Odievre) против Франции»: постановление Европейского суда по правам человека от 13 февраля 2003 г. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=18176#03256285750942527>
31. См.: *Велиева Д.С.* Указ. соч. С. 444.
32. См.: *Петрухин И.Л.* Указ. соч. С. 21.
33. См.: О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 1 апреля 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/
34. См.: *Туманов А.А.* Уголовно-правовые аспекты неприкосновенности частной жизни / Под ред. Н.В. Иванцовой, Н.М. Швецова. // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России: сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции Йошкар-Ола, 2015. С. 267.
35. *Бондарь И.В.* Тайна по российскому законодательству: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 86.
36. См.: *Смолькова И.В.* Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе. М., 1999. С. 44.
- Personal secrets (person and power). М., 1998. P. 20.
24. See: *Veliyeva D.S.* Decree. соч. P. 443.
25. See: Business «S. and Marper against the United Kingdom»: resolution of the European Court of Human Rights of 04.12.2008. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=44284#014318286781796963>
26. See: About personal data: The federal law of July 27, 2006 № 152-FZ (an edition of December 31, 2017) // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
27. See: *Maleina M.N.* Right for a secret and inviolability of personal data // Magazine of Russian law. 2010. № 11. P. 39.
28. See: About a mail service: The federal law of 17.07.1999 № 176-FZ (an edition of 29.06.2018) // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6719/2018
29. See: *Petrukhin I.L.* Personal secrets (person and power). М., 1998. P. 104.
30. See: Business «Odievre against France»: resolution of the European Court of Human Rights of February 13, 2003. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=18176#03256285750942527>
31. See: *Veliyeva D.S.* Specified composition. P. 444.
32. See: *Petrukhin I.L.* Specified composition. P. 21.
33. See: About a living wage in the Russian Federation: The federal law of October 24, 1997 № 134-FZ (an edition of April 1, 2019) // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/
34. See: *Tumanov A.A.* Criminal aspects of personal privacy / Under the editorship of N.V. Ivantsova, N.M. Shvetsov. // Current problems of law in modern Russia: collection of articles on materials V of the All-Russian scientific and practical conference Yoshkar-Ola, 2015. P. 267.
35. *Bondar I.V.* Tayna by the Russian legislation: problems of the theory and practice : abstract yew. ... edging. jurisprudence. N. Novgorod, 2004. P. 86.
36. See: *Smolkova I.V.* Problems of the secret protected by the law in criminal proceedings. М., 1999. P. 44.

37. *Мелешко Н.П.* Частная жизнь и уголовно-правовые меры ее защиты / Н.П. Мелешко, А.Ю. Безгодков; Отв. ред. Е.В. Безручко // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции (19 мая 2017 г.) : в 2 ч.. Ростов-н/Д., 2017. Ч. 2. С. 36.

37. *Meleshko N.P.* Private life and criminal measures of its protection / N.P. Meleshko, A.Yu. Bezgodov; editor-in-chief of E.V. Bezruchko // Criminal policy of the Russian Federation: problems of formation and realization : collection of materials of the All-Russian scientific-theoretical conference (on May 19 2017 g): in 2 h . Rostov on/D., 2017. Part 2. P. 36.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Айсанова Марина Романовна
аспирант,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
ajsanova93@inbox.ru

Tatyana I. Barsukova
Graduate Student,
Financial University
at the Government
Russian Federation

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ РЕГИОНОВ

Аннотация. В работе предлагается определение инструментов финансовой поддержки регионов. Автором приводится классификация указанных инструментов с учетом инструменталистского подхода. На основании примера дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации раскрывается способность инструментов влиять на несколько целей финансовой поддержки регионов. Приводятся рекомендации по увеличению положительного эффекта для нескольких целей финансовой поддержки с учетом поставленных национальных приоритетов Российской Федерации, поставленных в рамках реализации национальных проектов и программ России.

Ключевые слова: финансовая поддержка, инструмент финансовой поддержки, межбюджетные трансферты, дотации, выравнивание, стимулирующие гранты.

В настоящее время существующая дифференциация в уровне жизни населения требует осуществления финансовой поддержки за счет средств федерального бюджета. В рамках работы считаем, что под инструментом финансовой поддержки субъекта федерации понимаются средства, способствующие достижению целей оказания финансовой поддержки региона. При этом в зависимости от целей региональной политики, складывающейся на сегодняшний день в Российской Федерации, а также зарубежной теории оказания финансовой поддержки [2, 4, 5], возможно выделить следующие инструменты (табл. 1).

CLASSIFICATION OF FINANCIAL SUPPORT INSTRUMENTS FOR REGIONS

Annotation. The article proposes the definition of financial support instruments for the regions. The author provides a classification of these instruments taking into account the instrumentalist approach. Based on the example of subsidies to equalize the budgetary provision of the subjects of the Russian Federation, the ability of instruments to influence several purposes of financial support of the regions is revealed. Recommendations are given to increase the positive effect for several purposes of financial support, taking into account the national priorities of the Russian Federation set in the framework of national projects and programs of Russia.

Keywords: financial support, financial support instrument, inter-budget transfers, grants, alignment, incentive grants.

Рассмотрим на одном из инструментов финансовой поддержки регионов его влияние на достижение поставленной цели, а также влияние на иные.

Одним из наиболее значимых инструментов финансовой поддержки являются дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (далее – дотации, субъекты РФ). Дотации предусматриваются в составе федерального бюджета в целях выравнивания уровня бюджетной обеспеченности субъектов РФ [1].

Таблица 1

Инструменты финансовой поддержки регионов

Цели финансовой поддержки регионов	Инструменты
Выравнивание фискальных возможностей	Межбюджетные трансферты (дотации)
Стимулирование	Межбюджетные трансферты (дотации, субсидии, гранты); Реализация стратегий пространственного развития
Гармонизация региональной политики	Межбюджетные трансферты (субсидии, дотации, дотации на сбалансированность); Налоговые инструменты
Реализация национальных целей	Межбюджетные трансферты (субсидии, гранты); Реализация стратегий пространственного развития

В основе расчета дотаций лежит бюджетная обеспеченность региона на душу населения, которая предусматривает, что в бюджете субъекта РФ должна быть заложена определенная минимальная сумма средств на каждого гражданина, проживающего на конкретной территории. Вместе с тем с 2017 г. дотации по мнению ряда авторов превратились с обусловленный трансферт [1], поскольку субъектам РФ – получателям дотации предписано заключать с Минфином России специальные соглашения, включающие обязательства регионов по осуществлению мер, направленных на снижение уровня дотационности субъекта РФ и рост налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ, а также обязательства по достижению ряда показателей социально-экономического развития субъекта РФ [1].

Учитывая изложенное, дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности используются не только как инструмент выравнивания, но и как инструмент реализации общенациональных приоритетов, гармонизации налоговой и бюджетной политики, а также как инструмент контроля за структурой расходов бюджетов субъектов РФ. Кроме того представляется очевидный стимулирующий дестимулирующий эффект. Таким образом, из элемента межбюджетных трансфертов, предоставляемых на безвозмездной и безвозвратной основе, дотации превратились в инструмент регламентации и контроля за структурой расходов региональных бюджетов [3].

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 22.11.2004 года № 670 «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации».
2. *Христенко В.Б.* Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы. М. : Дело, 2002. С. 105–106.
3. *Афанасьев Р.С.* «Модельные» бюджеты: последствия для субъектов Российской Федерации / Р.С. Афанасьев, Л.Н. Богданов, Р.В. Гулидов, С.Н. Леонов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 1. С. 132–156.
4. *Boadway R.* Recent Developments in the Economics of Federalism, In Lazar H. (ed.). 2000.
5. *Boadway R.* Intergovernmental Fiscal Transfers. Principles and Practice. The World Bank / R. Boadway, A. Shah. Washington, 2007. P. 57–64.
6. *Российская экономика в 2016 году*. С. 74. URL : iep.ru/files/text/trends/2016/Book.pdf

Учитывая изложенное, один инструмент финансовой поддержки регионов может способствовать достижению нескольких целей.

В исследовании Института экономики переходного периода имени Е.Т. Гайдара получены выводы о том, что текущая методика распределения дотаций не может позволить добросовестному субъекту РФ повысить объем получаемых дотаций вследствие усилий по повышению налогового потенциала [6]. Иными словами, регионы с меньшим уровнем совокупного налогового потенциала менее заинтересованы его увеличивать, так как получают существенную прибавку к уровню бюджетной обеспеченности по итогам распределения дотаций. Таким образом, достижение одной цели региональной политики может способствовать недостижению иных. Кроме того с 2017 года предоставление дотаций осуществляется с учетом «модельного» подхода, ориентирующегося на оценку расходных полномочий региональных и местных органов власти, учитывая сложившиеся средние по России расходы регионов на те или иные полномочия.

Таким образом, введение корректирующих и повышающих коэффициентов способствует достижению национальных целей, а также гармонизации региональной политики. Так, в целях дополнительного стимулирования реализации целей национальной программы по развитию Дальнего Востока рекомендуется предусмотреть повышающий коэффициент по всем отраслям социальной сферы, предусмотреть возможно полный учет удорожающих факторов и коэффициентов при расчете «модельных» бюджетов.

Literature:

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of 22.11.2004 № 670 «On the distribution of subsidies to equalize the budgetary provision of the Russian Federation».
2. *Khristenko V.B.* inter-Budgetary relations and regional Finance management: experience, problems, prospects. M. : Case, 2002. P. 105–106.
3. *Afanasyev R.S.* «Model» budgets: implications for the subjects of the Russian Federation / R.S. Afanasyev, L.N. Bogdanov, R.V. Gulidov, S.N. Leonov // *Spatial economy*. 2019. Vol. 15. № 1. P. 132–156.
4. *Boadway R.* Recent Developments in the Economics of Federalism, In Lazar H. (ed.). 2000.
5. *Boadway R.* Intergovernmental Fiscal Transfers. Principles and Practice. The World Bank / R. Boadway, A. Shah. Washington, 2007. P. 57–64.
6. *Russian economy in 2016*. P. 74. URL : iep.ru/files/text/trends/2016/Book.pdf

Балтина Александра Михайловна

доктор экономических наук,
профессор кафедры финансов,
Оренбургский
государственный университет
orlova_1978@mail.ru

Орлова Екатерина Олеговна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов,
Оренбургский
государственный университет
orlova_1978@mail.ru

**ОЦЕНКА ЗАВИСИМОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ ДОХОДОВ
БЮДЖЕТА ОТ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ
НА ПРИМЕРЕ
ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. В публикации рассмотрена характеристика налоговых льгот и дана оценка зависимости формирования доходов бюджета от выпадающих доходов в связи с предоставлением налоговых льгот по налогам на прибыль организаций, на имущество организаций, транспорт, земель и на имущество физических лиц. Оценка зависимости проведена на примере консолидированных бюджетов РФ и Оренбургской области за 2015–2017 годы. Определены основные проблемы действующей системы налоговых льгот в РФ и направления ее реформирования.

Ключевые слова: бюджет, доходы, налоговые льготы, оценка эффективности.

Налоговые льготы являются не обязательным элементом налога, при этом оказывают достаточно весомое социально-экономическое значение в любой стране. В РФ их понятие определяет Налоговый кодекс Российской Федерации в статье 56 [1]. Исходя из устройства бюджетной системы РФ, они могут быть федеральными, региональными и местными. Соответственно они устанавливаются Налоговым кодексом РФ, региональными законами и местными нормативно-правовыми актами. Одной из важнейших характеристик налоговых льгот является то, что они не могут носить индивидуальный характер.

В связи с тем, что юридическим и физическим лицам предоставляются налоговые льготы, бюджетная система РФ не дополняет доходы

Alexandra M. Baltina

Doctor of Economics,
Professor Department of Finance,
Orenburg State University
orlova_1978@mail.ru

Ekaterina O. Orlova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
Department of Finance,
Orenburg State University
orlova_1978@mail.ru

**ASSESSMENT
OF THE DEPENDENCE
OF THE FORMATION OF BUDGET
REVENUES FROM THE PROVISION
OF TAX BENEFITS
ON THE EXAMPLE
OF THE ORENBURG REGION**

Annotation. The publication describes the characteristics of tax benefits and assesses the dependence of the formation of budget revenues from shortfall in income in connection with the provision of tax benefits for corporate income taxes, on the property of organizations, transport, land and property of individuals. the Assessment of dependence is carried out on the example of the consolidated budgets of the Russian Federation and the Orenburg region for 2015–2017. The main problems of the current system of tax benefits in the Russian Federation and the direction of its reform are identified.

Keywords: budget, revenues, tax benefits, efficiency assessment.

по соответствующим налоговым доходам. Проанализируем динамику выпадающих сумм налоговых доходов по РФ и Оренбургской области. Так, за 2016 год по РФ наибольший прирост выпадающих сумм налогов приходится на налог на прибыль, на втором месте находится налог на имущество организаций и на третьем — транспортный налог. В 2017 году выпадающие налоговые доходы по налогу на прибыль по сравнению с предыдущим налоговым периодом сократились почти на 75 %. При этом наблюдается небольшой прирост выпадающих налоговых доходов по таким налогам, как: налог на имущество организаций, земельный налог и транспортный налог. И совсем незначительный прирост выпадающих доходов в 2017 году приходится на налог на имущество физических лиц (1,69 %). Бо-

лее детально анализ выпадающих доходов в связи с предоставлением налоговых льгот представлен в таблице 1 [2].

Наибольший прирост выпадающих налоговых доходов по Оренбургской области в 2016 году по сравнению с предыдущим периодом наблюдается по налогу на имущество организаций (1069,12 млн рублей), а наименьший положительный прирост приходится на транспортный налог (38,52 млн рублей). Значительно сокращаются выпадающие доходы по налогу на прибыль организаций с 7048,2 млн рублей в 2015 году до 5659,6 млн рублей в 2016 году.

В 2017 году наибольшими темпами увеличиваются выпадающие доходы по земельному налогу, что составляет в абсолютном выражении 156,75 млн рублей. На втором месте по темпу роста выпадающих доходов находится налог на имущество организаций (абсолютный прирост – 342,18 млн рублей), а на третьем – транспортный налог (105,1 %). Уменьшаются выпадающие доходы по налогу на прибыль организаций и налогу на имущество физических лиц (табл. 2).

Таким образом, за 2015–2017 годы сокращается размер выпадающих доходов по налогу на прибыль организаций в связи с сокращением предоставления налоговых льгот и налогу на имущество физических лиц. А прирост выпадающих доходов наблюдается по трем налогам: налогу на имущество организаций, транспортному налогу и земельному налогу [3].

За анализируемый период времени налоговые доходы, администрируемые ФНС РФ в консолидированный бюджет РФ и УФНС РФ по Оренбургской области, в консолидированный бюджет данного региона увеличиваются (табл. 3). В 2016 году доходы консолидированного бюджета РФ увеличились на 694584,4 млн рублей, а в 2017 году – на 2860551,8 млн рублей по сравнению с предыдущим годом. Аналогичные поступления в консолидированный бюджет Оренбургской области в 2016 году сократились на 1343,8 млн рублей, а в 2017 году увеличились на 3088,8 млн рублей. Темпы прироста в консолидированный бюджет РФ за 2015–2017 годы увеличивались, в консолидированный бюджет Оренбургской области носили разнонаправленный характер (табл. 3).

Таблица 1

Сумма налогов, не поступивших в бюджет РФ в связи с предоставлением налоговых льгот налогоплательщикам, за 2015–2017 годы. В млн руб.

Показатель	2015	2016	2017	Абсолютное отклонение (+;-)		Цепной темп роста (%)	
				2016–2015 годы	2017–2016 годы	2016/2015 году	2017/2016 году
Налог на прибыль организации	279389,49	892995,8	225462,1	613606	-667534	319,62	25,25
Налог на имущество организаций	317728,74	398374,8	445513,4	80646	47139	125,38	111,83
Земельный налог	0	58 980,6	64501,2	58981	5521	–	109,36
Транспортный налог	12293,67	14296,3	15084,1	2003	788	116,29	105,51
Налог на имущество физических лиц	0	28263,1	28740,3	28263	477	–	101,69

Таблица 2

Сумма налогов, не поступивших в бюджет Оренбургской области, в связи с предоставлением налоговых льгот налогоплательщикам, за 2015–2017 годы. В млн руб.

Показатель	2015	2016	2017	Абсолютное отклонение (+;-)		Цепной темп роста (%)	
				2016–2015 годы	2017–2016 годы	2016/2015 году	2017/2016 году
Налог на прибыль организации	7048,2	5659,6	810,8	-1388,6	-4848,8	80,3	14,33
Налог на имущество организаций	2377,0	3446,12	3788,3	1069,12	342,18	144,97	109,9
Земельный налог	0	538,45	695,2	538,45	156,75	–	129,1
Транспортный налог	244,4	282,92	297,3	38,52	14,38	115,78	105,1
Налог на имущество физических лиц	0	225,72	13,4	225,72	-212,32	–	5,94

**Динамика доходов, администрируемых налоговыми органами
в консолидированные бюджеты РФ и Оренбургской области за 2015–2017 годы. В млн руб.**

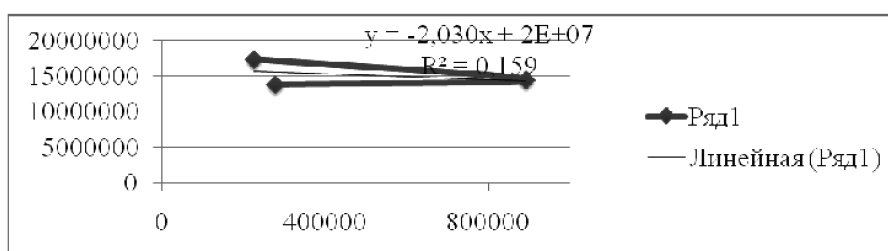
Показатель	2015	2016	2017	Абсолютное отклонение (+;-)		Цепной темп роста (%)	
				2016–2015 годы	2017–2016 годы	2016/2015 году	2017/2016 году
Консолидированный бюджет РФ	13788299,9	14482884,3	17343436,1	694584,4	2860551,8	105,04	119,75
Консолидированный бюджет Оренбургской области	66280,6	64936,8	68025,6	-1343,8	3088,8	97,97	104,76

Проанализируем зависимость поступающих доходов в бюджет РФ и бюджет Оренбургской области от выпадающих доходов в связи с предоставлением налоговых льгот. Между доходами, администрируемыми налоговыми органами в консолидированный бюджет РФ и выпадающими доходами по налогу на прибыль наблюдается обратная зависимость (рис. 1), а коэффициент корреляции равен $-0,4$. Зависимость между выше указанными доходами и выпадающими доходами в связи с предоставлением налоговых льгот по налогу на имущество организаций прямая и сильная ($0,88$). Это может свидетельствовать только о том, что размер льгот, предоставленных по налогу на имущество организаций, незначителен и поэтому при увеличении их размера доходы, в целом, продолжают расти (рис. 2). Аналогичная ситуация и по земельному налогу. Связь между размером выпадающих доходов по земельному налогу и доходами, администрируемыми налоговыми органами, прямая и составляет $0,71$ (рис. 3).

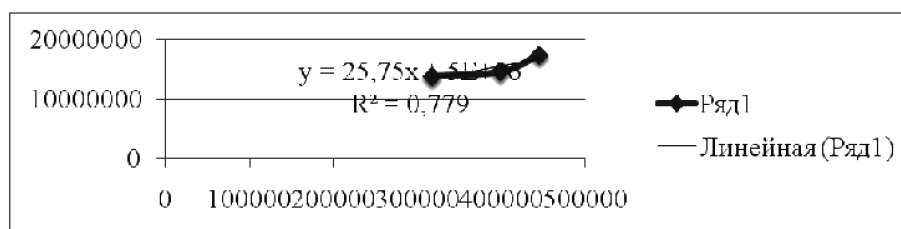
Идентичная ситуация и по транспортному налогу и по налогу на имущество физических лиц (рис. 4 и 5). Коэффициенты корреляции между исследуемыми величинами равны соответственно

$0,83$ и $0,66$. Исходя из этого, можно сделать вывод, что только льготы по налогу на прибыль организаций оказывают наибольшее отрицательное влияние на формирование налоговых доходов консолидированного бюджета РФ.

Анализируя зависимость между доходами консолидированного бюджета Оренбургской области и выпадающими доходами в связи с предоставлением налоговых льгот, следует отметить, что сильная обратная связь характерна только по выпадающим доходам по налогу на прибыль и налогу на имущество физических лиц (коэффициенты корреляции равны соответственно $-0,789$ и $-0,795$). Связь поступления налоговых доходов, администрируемых налоговыми органами региона, и выпадающими доходами по налогу на имущество организаций, земельному и транспортному налогам, колеблется в диапазоне $0,3$. То есть, даже при предоставлении налоговых льгот по этим налогам доходы субъекта РФ продолжают расти, а связь носит средний положительный характер (от $0,25$ до $0,49$). Это связано с тем, что значения выпадающих доходов не значительны. Более детально значения коэффициентов корреляции между исследуемыми величинами представлены в таблице 4.

**Рисунок 1 – Зависимость доходов, администрируемых налоговыми органами
в консолидированный бюджет РФ от выпадающих доходов по налогу на прибыль за 2015–2018 гг.**

**Рисунок 2 – Зависимость доходов, администрируемых налоговыми органами в консолидированный
бюджет РФ от выпадающих доходов по налогу на имущество организаций за 2015–2018 гг.**

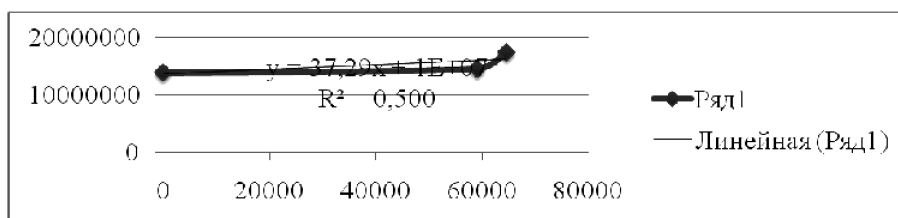

Рисунок 3 – Зависимость доходов, администрируемых налоговыми органами в консолидированный бюджет РФ от выпадающих доходов по земельному налогу за 2015–2018 гг.

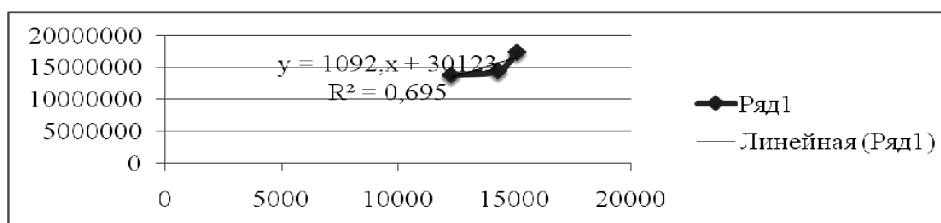

Рисунок 4 – Зависимость доходов, администрируемых налоговыми органами в консолидированный бюджет РФ от выпадающих доходов по транспортному налогу за 2015–2018 гг.

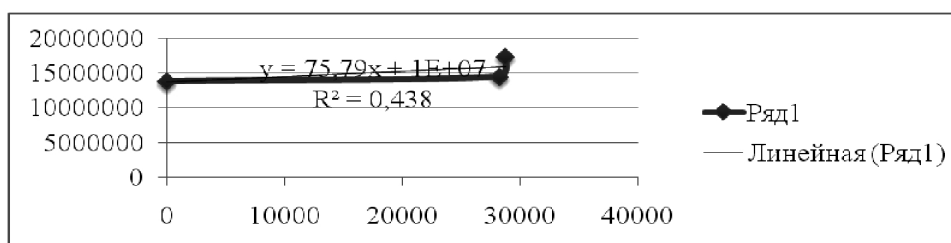

Рисунок 5 – Зависимость доходов, администрируемых налоговыми органами в консолидированный бюджет РФ от выпадающих доходов по налогу на имущество физических лиц за 2015–2018 гг.

Таблица 4

Значения коэффициентов корреляции между доходами, администрируемыми УФНС по Оренбургской области, и выпадающими доходами за 2015–2017 гг.

Показатель	Значение коэффициента корреляции
Выпадающие доходы по налогу на прибыль	-0,789
Выпадающие доходы по налогу на имущество организаций	0,304
Выпадающие доходы по земельному налогу	0,287
Выпадающие доходы по транспортному налогу	0,334
Выпадающие доходы по налогу на имущество физических лиц	-0,795

Таким образом, проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что льготы, предоставляемые из бюджета, формируют выпадающие доходы, которые не оказывают значительного отрицательного влияния на этот процесс. И для разных уровней бюджета различные льготы будут приводить к негативному влиянию на формирование их доходов. В большей степени влияние на доходную базу бюджета продолжает оказывать законодательно закрепленное распределение доходов между уровнями бюджетной системы РФ. И в настоящее время это распределение осуществляется не в пользу нижестоящих бюджетов. Только в последствие доходы, аккумулируемые в федеральном бюджете, перераспределяются в виде безвозмездных по-

ступлений: дотаций, субсидий, субвенций. Это приводит к определенной зависимости и несамостоятельности региональных и местных бюджетов.

Льготы же, которые существуют в Российской Федерации, несмотря на все их многообразие, фактически, на протяжении последних 15 лет имеют тенденцию к сокращению. А некоторые из них вообще не могут быть применены на практике, например, вычеты по НДФЛ в отношении инвалидов Великой Отечественной войны. Это свидетельствует о необходимости реформирования действующей системы льгот для повышения эффективности их предоставления и увеличения социально-экономического значения.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ от 31 июля 1998 года №146-ФЗ (в ред. от 29.05.2019 г.). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/4cada6c7ce0d8a4a287f0eeb6d5c1ed5f4d08045/
2. Налоговый паспорт Российской Федерации за 2015–2017 гг. URL : <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm>
3. Налоговый паспорт Оренбургской области за 2015–2017 годы. URL : <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm>

Literature:

1. The tax code of the Russian Federation dated 31 July 1998 № 146-FZ (ed. from 29.05.2019 g). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/4cada6c7ce0d8a4a287f0eeb6d5c1ed5f4d08045/
2. Tax passport of the Russian Federation for 2015–2017. URL : <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm>
3. Tax passport Orenburg region for 2015–2017. URL : <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm>

Гасратова Наталья Александровна

кандидат
физико-математических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный университет
n.gasratova@spbu.ru

Natalya A. Gasratova

Candidate
of Physico-Mathematical Sciences,
Associate Professor,
Saint-Petersburg State University,
n.gasratova@spbu.ru

СОСТОЯНИЕ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РФ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА ММА И ПММА

THE STATE OF CHEMICAL INDUSTRY IN RUSSIAN FEDERATION IN THE PRODUCTION OF MMA AND PMMA SPHERE

Аннотация. В работе представлен краткий обзор состояния рынка производства и оборота сложных высокотехнологичных полимеров метилметакрилата (ММА) и полиметилметакрилата (ПММА) в Российской Федерации. На основе анализа статистических данных из различных (в том числе, зарубежных) источников обозначены его проблемы, тенденции и перспективы развития. Выделены и рассмотрены основные угрожающие факторы, а также предложены пути решения проблем. При этом следует отметить, что данная работа, рассматривая частный случай и узкую проблему, в некотором смысле, освещает на конкретном примере все состояние современной химической промышленности в Российской Федерации. Характерно, что в контексте усугубляющегося мирового экономического кризиса, политической напряженности и санкционного противостояния такие частные случаи могут стать весьма существенной проблемой, как для экономической, так и в широком смысле – для национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: ПММА, ММА, акрил, обзор рынка полимеров, обзор рынка ММА.

Annotation. In the article the short review of a condition of the market of production and turnover of the complex hi-tech polymers of a methyl methacrylate (MMA) and poly(methyl methacrylate) (PMMA) in the Russian Federation is submitted. On the basis of the analysis of statistical data from various (including foreign) sources its problems, trends and the prospects of development are designated. The major threatening factors are allocated and considered and also solutions of problems are offered. At the same time it should be noted that this work, considering a special case and a narrow problem, somewhat lights on a concrete example all condition of the modern chemical industry in the Russian Federation. It is characteristic that in the context of the aggravated global economic crisis, political tension and sanctions opposition such special cases can become very vital issue as for economic, and in a broad sense – for national security of the Russian Federation.

Keywords: PMMA, MMA, market of PMMA, market of MMA, review of the market.

Введение.

Начиная с 1933 года, товарный рынок невозможно представить без полимерных материалов, в особенности, оргстекла или акрила (ПММА), которые получили широкое применение в различных отраслях промышленности от изготовления рекламных вывесок до строительства, машиностроения, специальных покрытий и медицины.

ПММА – синтетический виниловый полимер метилметакрилата (ММА), акриловая смола, термопластичный прозрачный пластик [1], известный под торговыми марками Plexiglas, Acrylite, Lucite, Perspex. Более распространенные назва-

ния: акриловое стекло, оргстекло, акрил и др. [2] Объем мирового рынка составляет около 2 % от объема рынка продаж других видов полимеров. Основными производителями ММА в Европе являются фирмы BASF, Evonik, ICI Acrylics, Lucite International (Великобритания) и Akrema (Франция).

Обзор состояния рынка ПММА на территории РФ.

Полиметилметакрилат получают блочной полимеризацией метилметакрилата (ММА) в формах из силикатного стекла в присутствии инициаторов [2]. Существует экструзионное акриловое стекло (наиболее распространенное) и блочное

(литое), которое отличается от первого лучшими физико-механическими свойствами, но более трудоемко в изготовлении. Для получения готового изделия из ПММА требуется MMA. Существует несколько способов синтеза MMA [5]. На российских предприятиях полноценно работает только один – по ацетонциангидринной технологии (так называемый АСН-процесс). Недостатком данного варианта производства является высокая токсичность, связанная с использованием ядовитых цианидов и необходимостью последующей утилизации отходов [5]. Существуют более экологичные, но менее производительные процессы, но на территории РФ в промышленных масштабах они не представлены.

На синтез метилметакрилата в РФ негативно влияет ряд аспектов:

1. Запреты на транспортировку и свободное обращение с определенными химическими веществами:

- Запрет на перемещение синильной кислоты любым видом транспорта.
- MMA внесен в список прекурсоров [11], работа с которыми требует определенных мер контроля: соблюдения порядка приобретения, хранения, учета, использования, перевозки, уничтожения, предоставления отчетности и др.

2. Зависимость от импортируемого сырья. Прежде всего, от серной кислоты (олеум). Рост цен на олеум в 2008 году послужил отправной точкой финансовых проблем лидера по производству MMA/ПММА ОАО «Дзержинское оргстекло»

(ОАО «ДОС») [6]. Все производственные сложности ОАО «ДОС» отразились на объемах импорта-экспорта MMA на территории РФ (рис. 1).

Из анализа статистических данных (рис. 1) следует, что объемы экспорта MMA из РФ обратно пропорциональны импорту MMA в РФ. Период спада экспорта 2008-2009 годы образовался из-за резкого подорожания олеума и технических неполадок на производстве ОАО «ДОС». Второй период с 2013–2015 года – из-за прекращения производства метилметакрилата на указанном предприятии [12].

3. Наличие зарубежных конкурентов. С 2008 года на территории г. Подольск, Московской области фирма Evonik Industries AG совместно с российскими партнерами открыла завод по производству акриловых листов – ООО «ДЕСТЕК». Evonik Industries AG – мировой лидер по производству продуктов из ПММА, продаваемых с торговой маркой Plexiglas (торговая марка зарегистрирована компанией Röhm & Haas, которая позже вошла в концерн Evonik Industries AG).

4. Практически полное отсутствие альтернатив по промышленному синтезу MMA на территории РФ. Ранее существовавшие заводы ПО «Оргстекло» (г. Челябинск) и ПО «Нитрон» (г. Саратов) прекратили свою работу. Ранее компанией САНОРСа планировался проект по синтезу MMA в Новокуйбышевске [7], основанный на японских технологиях, однако, по ряду причин его реализация приостановлена. В настоящее время функционирует только производство в г. Дзержинск.

Рисунок 1 – Объем MMA импорта-экспорта на территории РФ с 2008–2018 года по данным Trademap [7] по коду ТН ВЭД 291614

Ниже представлены данные об импорте – экспорте товаров по кодам ТН ВЭД ЕАЭС 3906 «акриловые полимеры в первичных формах» и 390610 «полиметилметакрилат».

На рисунке 2 представлены статистические данные объема импорта и экспорта в тоннах за 2008–2018 годы товаров с кодом 3906 на территории РФ. Объем экспорта несоизмеримо мал по сравнению с импортом. Основными странами-

импортерами являются Германия, Франция, Япония, Китай, Республика Корея.

Похожая ситуация складывается с объемом импорта и экспорта в тоннах за аналогичный период товаров с кодом 390610 на территории РФ (рис. 4). Основными странами-импортерами являются Германия, Саудовская Аравия, Республика Корея.

Ценовая ситуация сложившаяся к концу рассматриваемого десятилетнего периода (рис. 3, рис. 5), указывает на постепенный рост цен на ввозимый товар указанных категорий. Подроб-

ные данные объема импорта в РФ представлены в Приложениях А, Б.

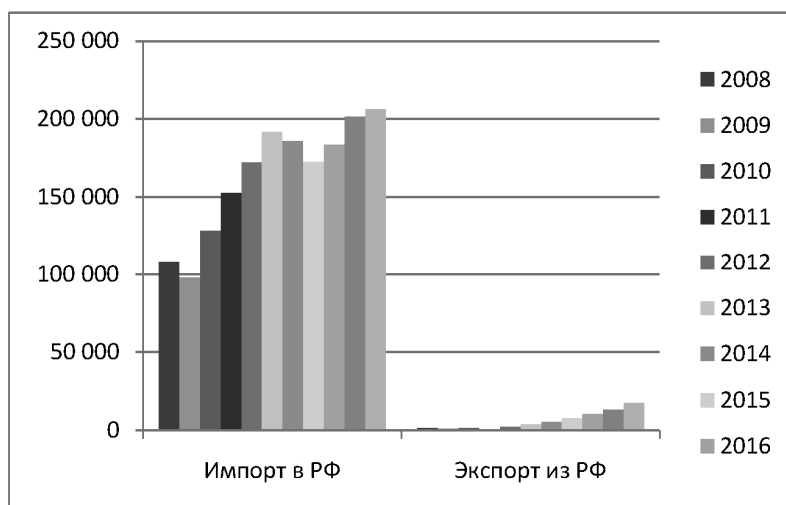

Рисунок 2 – Объем импорта и экспорта в период с 2008 по 2018 годы товаров с кодом 3906 на территории РФ, тонны. Источник: Trademap [7]

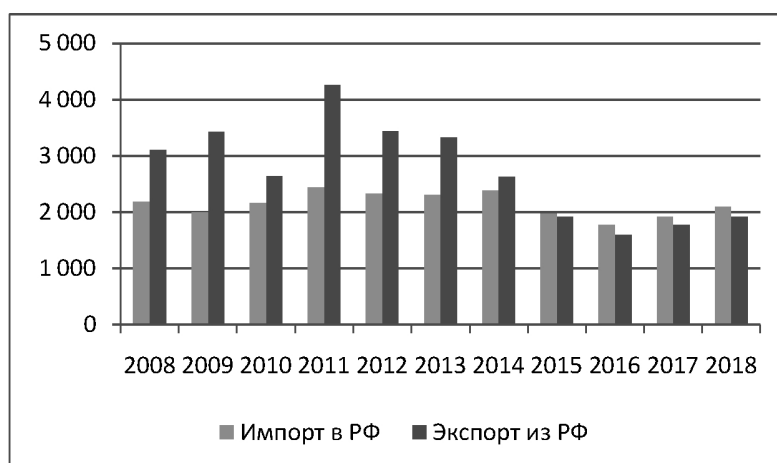

Рисунок 3 – Стоимость импорта и экспорта единицы товара с кодом 3906 в период с 2008 по 2018 годы на территории РФ, доллар США за тонну. Источник: Trademap [7]

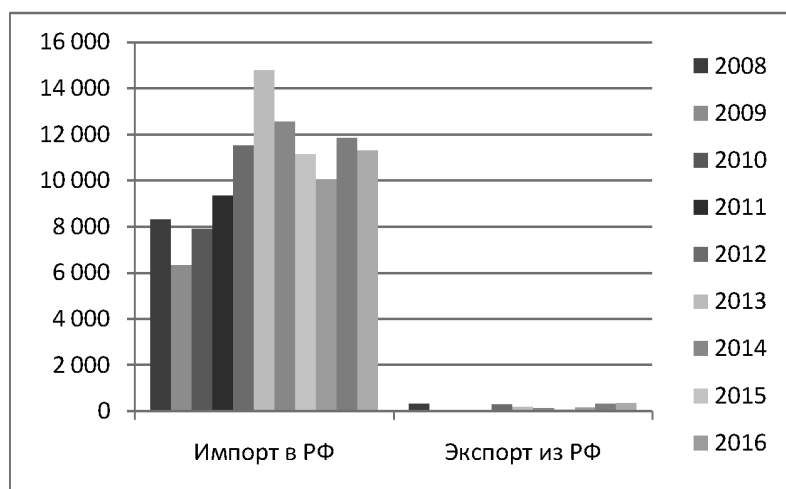

Рисунок 4 – Объем импорта и экспорта в период с 2008 по 2018 года товаров с кодом 390610 на территории РФ, тонны. Источник: Trademap [7]

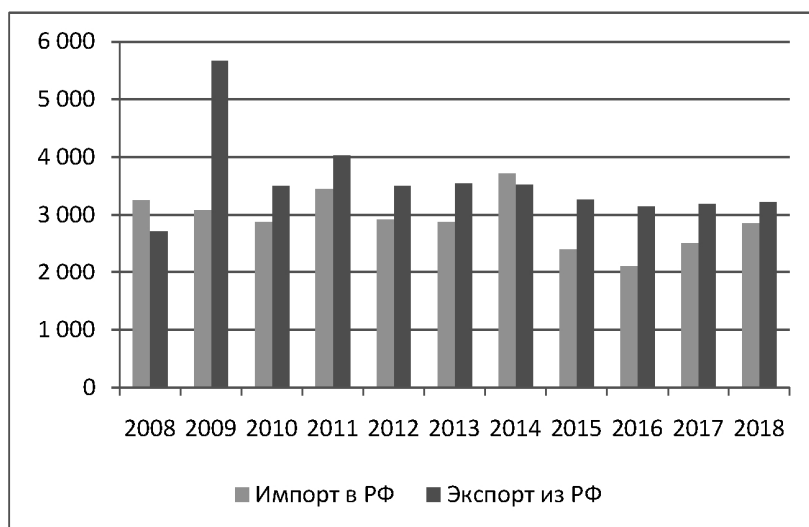

Рисунок 5 – Стоимость импорта и экспорта единицы товара с кодом 390610 в период с 2008 по 2018 года на территории РФ, доллар США за тонну. Источник: Trademap [7]

Из представленных данных (рис. 2–5) наглядно видно превосходство объема импорта над экспортом в указанных категориях товара. Отметим тенденцию к увеличению объема импорта в РФ. Ежегодно объем импорта увеличивается примерно на 1–3 %, что согласуется с другими данными о том, что «прогнозируется увеличение потребления ММА около 5–6 % в год» [5]. Основными импортерами в Россию по группе товаров «акриловые полимеры в первичных формах» на первом месте стоит Германия (20 %) на втором месте Франция (14 %). В начале 2019 года наблюдался некоторый спад импорта по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года, что, в прочем, никаким образом не меняет саму тенденцию и объясняется общим спадом в мировой экономике, обусловленным т.н. «торговыми войнами».

Экспорт из России товаров из группы «акриловые полимеры в первичных формах» за период январь-февраль 2019 г. составил \$ 3.9 млн общим объемом в 2,2 тыс. тонн (за аналогичный период 2018 года составил \$ 3.2 млн общим объемом 1,5 тыс. тонн).

В основном, экспортировались «прочие акриловые полимеры в первичных формах» (99.5 %) «полиметилметакрилат» 0.5 % (12 тонн, \$78 тыс). Основными странами экспорта для РФ товаров из группы «акриловые полимеры в первичных форм» являются: на первом месте – Узбекистан (23 %) на втором месте – Беларусь (15 %). Объем экспорта существенно ниже объема импорта в РФ.

Стоимость тонны полиметилметакрилата в среднем составляет \$2.5–\$6.5 тыс/тонна. Однако из-за высокого качества и/или эксклюзивности тонна товара с кодом 390610 может варьироваться от \$78 тыс/тонна до \$500 тыс/тонна (импорт в РФ, май 2018, из Израиля 50 кг за \$25 тыс) или \$2 млн/тонна (Импорт в РФ, февраль 2014, из США 1090 кг за почти \$2 млн).

Приведенные выше данные говорят о серьезной зависимости этого сектора экономики от поставок из-за рубежа, что в условиях все более обостряющейся санкционной политики со стороны стран Запада может привести к существенным убыткам для экономики РФ.

Причины кризиса производства ПММА носят системный характер и скорее являются лакмусовой бумагой состояния химической промышленности в РФ. Перечислим основные проблемы [8, 1]:

1. Износ и плохая модернизация производственных мощностей химического комплекса.
2. Неудовлетворительное состояние кадрового, научного и технологического потенциала химической промышленности.
3. Высокие логистические издержки.
4. Низкая емкость внутреннего рынка.

Положение, в котором находится производство ПММА/ММА в РФ, можно назвать критическим. Обзор рынка других видов полимеров за 2017 г. представлен в работе Волковой А.В. [3].

Положительной тенденции в развитии синтеза и производства полимеров можно добиться, например, инициированием наукоемких проектов в авиастроении и судостроении, в которых предъявляются повышенные требования к физико-механическим свойствам материалов. Это могут быть не только системы остекления судов, но и массивные светопрозрачные конструкции, например, которые используются в аппаратах для погружения типа NEMO [9] или TRITON [10].

Выводы.

В работе были представлены статистические сведения по импорту-экспорту товара по коду 3906, в частности, 390610. Из данных видна существенная зависимость рынка от импорта, что связано с определенными проблемами с производством этого товара на территории РФ. Таким

образом, если рассматривать проблему синтеза ПММА как среднестатистический показатель состояния производств и химической промышленности РФ, то очевидно, что для повышения конкурентоспособности, импортозамещения и

импортоопережения [1] необходима целенаправленная широкомасштабная работа, охватывающая различные дисциплины и межотраслевые связи.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ТОП-16 ИМПОРТЕРОВ ТОВАРА С КОДОМ 3906 в РФ с 2008–2018 гг.

	Экспортеры	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
		Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны
	Всего, Тонны	108411	97798	128140	152302	172320	191868	185735	172569	183377	201276	206168
	Цена (среднее) за тонну, USD	2178	1997	2163	2441	2322	2301	2382	1967	1771	1915	2089
1	Германия	36509	27420	34919	37890	44694	51412	46867	44837	42041	47741	44623
2	Франция	17345	21972	27323	23998	24786	26253	21870	18048	25833	29370	34946
3	Япония	11705	8972	15135	8709	3766	8121	16 551	19644	25101	18050	24 140
4	Корея, Респ.	3707	3023	6892	7139	8132	9960	8768	6346	9404	10145	17811
5	Китай	2919	3204	3852	6463	13847	13085	13543	11229	27067	29184	13976
6	Бельгия	6975	4174	4121	10391	6943	12172	5245	2196	4258	3415	9459
7	Велико-британия	4491	4496	6414	7511	7685	7230	7692	6876	5414	7644	8831
8	Финляндия	10569	6097	4633	10206	13062	12705	9814	5791	6703	9223	8630
9	Нидерланды	2974	2837	4759	5277	6061	7754	7116	6067	6650	6734	8246
10	Турция	1028	3899	6222	9800	11257	11656	11949	9579	6325	7989	7653
11	Индонезия	0	30	53	13	7	4	13034	18005	6260	9888	6603
12	Италия	2697	6377	2737	3676	4417	6050	4740	5229	5154	5356	6018
13	США	2571	2486	4779	12643	18216	14467	7291	5331	3797	4887	3787
14	Швеция	1719	612	2658	3425	4147	3499	4812	6904	2471	2827	3656
15	Саудовская Аравия									0	90	1399
16	Беларусь					824	1036	612	26	965	113	1218

ТОП-16 ИМПОРТЕРОВ ТОВАРА С КОДОМ 390610 в РФ с 2008–2018 гг.

	Экспортеры	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
		Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны	Импортированное количество, Тонны
	Всего, тонны	8318	6336	7902	9339	11512	14776	12550	11131	10048	11850	11296
1	Германия	4540	4501	6311	6652	7639	8453	6571	6627	6353	7011	6931
2	Саудовская Аравия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	90	1 398
3	Корея, Республика	236	100	321	1004	1322	2151	2557	1352	1696	1371	1248
4	Италия	207	165	177	357	289	1329	413	717	185	460	496
5	Сингапур	18	36	164	48	3	845	1367	1212	585	1337	319
6	Нидерланды	33	230	209	225	322	141	183	238	137	136	236
7	Китайский Тайбей	33	116	111	214	582	407	252	117	345	959	216
8	США	3	2	3	3	24	3	18	15	27	37	105
9	Словения	1	0	0	0	–	–	1	–	0	–	92
10	Великобритания	14	27	31	37	15	36	47	44	42	48	59
11	Франция	124	178	26	0	4	39	56	46	33	49	57
12	Украина	104	85	118	156	167	128	134	107	83	93	42

Литература:

1. Бурмистров А.Н. От импортозамещения – к импортоопережению // Журнал «Экспертный союз» 2015. № 3. Спецвыпуск. URL : <http://www.unionexpert.ru/index.php/zhurnal-qekspertnyj-soyuzq-osnova/zhurnal-qekspertnihyj-soyuzq-3-2015g-spec/item/1099-k-importo-operejeniu> (дата обращения 23.05.2019).

2. Паламарчук А.А. Современные технологии получения полиметилметакрилата / А.А. Паламарчук, О.А. Шишакина, Д.В. Кочуров, А.Г. Аракелян // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 6. URL : <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19300> (дата обращения 19.06.2019).

3. Волкова А.В. Рынки крупнотоннажных полимеров-2017 // НИУ ВШЭ, Институт «Центр Развития», URL : <https://dcenter.hse.ru/otrasli> (дата обращения 19.06.2019).

4. Павлова А. «Дзержинское оргстекло» отправят на переплавку. Предприятие признано банкротом // Коммерсантъ (Н. Новгород) № 203 (5712) от 03.11.2015. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2846163> (дата обращения 23.05.2019).

Literature:

1. Burmistrov A.N. From import substitution — to technological superiority [An electronic resource]// The Ekspertny Soyuz Magazine № 2015, 3. Special issue. URL : <http://www.unionexpert.ru/index.php/zhurnal-qekspertnyj-soyuzq-osnova/zhurnal-qekspertnihyj-soyuzq-3-2015g-spec/item/1099-k-importooperejeniu> (date of the address 23.05.2019).

2. Palamarchuk A.A. Modern technologies for obtaining polymethylmetacrylate / A.A. Palamarchuk, O.A. Shishakina, D.V. Kochurov, A.G. Arakelyan // International student's scientific bulletin. – 2018. № 6. URL : <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19300> (date of the address 19.06.2019).

3. Volkova A.V. Markets of large-capacity polymers-2017 // National Research University Higher School of Economics, Centre of Development Institute URL : <https://dcenter.hse.ru/otrasli> (date of the address: 19.06.2019).

4. Pavlova A. «Dzerzhinskoye Orgsteklo» will be sent for refusion. The enterprise is declared bankrupt // Kommersant (N. Novgorod) № 203 (5712) от 03.11.2015. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/2846163> (date of the address 23.05.2019).

5. Супрун В.Я. Синтез метилметакрилата методом газофазной каталитической альдольной конденсации // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). № 37(63) 2016. Стр. 68–74.
6. Жукова Ю. Санорс построит в Новокуйбышевске два новых завода // Сайт Самары СамРУ.ру URL : https://www.samru.ru/society/novosti_samara/72469.html (дата обращения 23.05.2019).
7. Trade map.Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL : <https://www.trademap.org/> (дата обращения 23.05.2019).
8. Шерстобитова А.А. Химическая промышленность и современные проблемы ее развития в Российской Федерации / А.А. Шерстобитова, Э.Т. Феткуллова // Вестник НГИЭИ. 2015. № 3 (46). С. 96–100.
9. Jerry D. Stachiw. Handbook of Acrylics for Submersibles, Hyperbaric Chambers, and Aquaria // Best Publishing Company. 2003. 1066 p.
10. Triton submarines: luxury in the deep sea: World of Plexiglas®.Evonik Performance Materials GmbH – Acrylic Products. URL : <https://www.world-of-plexiglas.com/en/triton-submarines-luxury-deep-sea/> (дата обращения 23.05.2019).
11. Исаева Е.И. Правовые аспекты работы с прекурсорами в зуботехнической лаборатории / Е.И. Исаева, Н.С. Овечкина // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL : <https://scienceforum.ru/2018/article/2018006573> (дата обращения: 30.05.2019).
12. Павлова А. «Корунд» хитит с белорусами. Группа хочет восстановить производство ММА на «Дзержинском оргстекле» // Коммерсантъ (Н. Новгород). № 236 от 26.12.2014. С. 12.
5. *Suprun W.Ya.* Synthesis of methyl metacrylate by catalytic gas-phase aldol condensation // Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Technology (Technical University). 2016. № 37(63) С. 68–74.
6. *Zhukova Yu.* SANORS will construct two new in Novokuybyshevsk plants // Website of Samara SamRU.ru URL : https://www.samru.ru/society/novosti_samara/72469.html (date of the address 23.05.2019).
7. Trade map.Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. URL : <https://www.trademap.org/> (дата обращения 23.05.2019).
8. *Sherstobitova A.A.* Chemical industry and modern problems of its development in the Russian Federation / A.A. Sherstobitova, E.T. Fetkullova // Bulletin NGII. 2015. № 3(46). С. 96–100.
9. *Jerry D. Stachiw* . Handbook of Acrylics for Submersibles, Hyperbaric Chambers, and Aquaria // Best Publishing Company, 2003. 1066 p.
10. Triton submarines: luxury in the deep sea: World of Plexiglas®.Evonik Performance Materials GmbH – Acrylic Products. URL : <https://www.world-of-plexiglas.com/en/triton-submarines-luxury-deep-sea/> (date of the address 23.05.2019).
11. *Isaeva E.I.* Ovechkina N.S. Legal aspects of work with precursors in dentitechnical laboratory / *E.I. Isaeva*, N.S. Ovechkina // Materials X of the International student's scientific conference «Student's Scientific Forum» URL : <https://scienceforum.ru/2018/article/2018006573> (date of the address 30.05.2019).
12. *Pavlova A.* «Korund» contrives with Belarusians. The group wants to restore production of MMA on «Dzerzhinskoye Orgsteklo» // Kommersant (N. Novgorod). № 236 от 26.12.2014. С. 12.

Гришанова Анастасия Михайловна
главный государственный
налоговый инспектор отдела
налогообложения юридических лиц,
Управление Федеральной
налоговой службы Российской Федерации
по Московской области
anastasiya.grishanova@inbox.ru

Anastasiya M. Grishanova
Chief State Tax Inspector of the Department
of Taxation of Legal Entities,
Management Federal
Tax Administration of the Russian Federation
Across the Moscow region
anastasiya.grishanova@inbox.ru

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМОВ ВЗЫСКАНИЯ НАЛОГОВОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

WAYS TO IMPROVE AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MECHANISMS FOR RECOVERING TAX DEBTS OF INDIVIDUALS

Аннотация. Несмотря на постоянное совершенствование системы налогового контроля: сокращение количества проводимых выездных налоговых проверок, повышение их эффективности, внедрение системы налогового мониторинга, совершенствование технического обеспечения осуществления налогового контроля, в настоящее время одним из приоритетных направлений работы налоговых органов остается урегулирование налоговой задолженности. Так, на сегодняшний день особенно остро стоит вопрос совершенствования механизмов принудительного взыскания налоговой задолженности физических лиц. В этой связи в статье рассмотрены пути совершенствования механизмов взыскания налоговой задолженности, которые помимо обеспечения взыскания задолженности приведут к созданию благоприятной налоговой среды.

Annotation. Despite the continuous improvement of the tax control system: reducing the number of on-site tax audits carried out, improving their efficiency, introducing a tax monitoring system, improving technical support for tax control, currently, one of the priority areas of the tax authorities's work is tax debt settlement. Nowadays the issue of improving the mechanisms for the recovering tax debts of individuals is particularly acute. In this regard, the article considers ways to improve the recovering tax debts, which, in addition to ensuring debt recover, will lead to the creation of a favorable tax environment.

Ключевые слова: слова: налоговая задолженность, механизмы взыскания, благоприятная налоговая среда, физические лица, налоговые органы, судебные органы, межведомственный документооборот, совершенствование программного продукта.

Keywords: tax debt, recovery mechanisms, favorable tax environment, individuals, tax authorities, judicial authorities, interdepartmental document flow, software development.

На сегодняшний день одним из наиболее перспективных подходов к повышению эффективности взыскания задолженности физических лиц и упрощению непосредственно процедуры взыскания указанной задолженности, в том числе сокращению сроков ее взыскания, является исключение из процедуры взыскания направления требования об уплате налога (сбора, страховых взносов, пени, штрафа, процентов) (далее – Требование).

логоплательщику до начала проведения судебными приставами-исполнителями процедуры принудительного взыскания обязательных платежей за счет имущества направляется значительное количество документов, в которых отражены суммы налоговых обязательств, сроки их погашения, период образования: налоговое уведомление (ст. 52 Налогового кодекса Российской Федерации), Требование (ст. 69 и 70 Налогового кодекса Российской Федерации), копия заявления о взыскании налога, сбора, страховых взносов, пеней, штрафов за счет имущества налогоплательщика (ст. 48 Налогового кодекса Российской Федерации) и ст. 123.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации), судебный приказ (ст. 123.5. Кодекса

Дело в том, что в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации налоговыми органами, судебными органами и территориальными органами Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации на-

административного судопроизводства Российской Федерации), восстановление судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства (ст. 30 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») [1, 2, 3].

Учитывая изложенное, налогоплательщику до момента принудительного взыскания задолженности за счет его имущества направляется значительное количество документов, в которых отражены суммы налоговых обязательств, сроки их погашения, период образования.

Исходя из того, что Требование носит информационный характер, исключение этого документа из процедуры взыскания не нарушит права налогоплательщика на защиту своих интересов, и будет способствовать более ответственному отношению налогоплательщиков к исполнению налоговых обязательств после получения ими налогового уведомления [4].

Необходимо отметить, что указанные изменения позволят осуществлять взыскание имеющейся задолженности налогоплательщиков-физических лиц в более короткие сроки (при сумме задолженности менее 500 рублей сроки взыскания задолженности обязательных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации сокращаются более чем на 1 год), что значительно повысит налоговую дисциплину налогоплательщиков, а также значительно сократит расходы бюджетных средств на пересылку налогоплательщикам почтовой корреспонденции.

В связи с ростом количества направляемых Требований, в том числе связанное с увеличением направления налоговых уведомлений ежегодно в среднем на 5 процентов по сравнению с предыдущим годом, при сокращении выделяемых бюджетных средств на пересылку налогоплательщикам почтовой корреспонденции, а также увеличением тарифов на пересылку указанной корреспонденции (в 2019 году тариф увеличился более чем на 5 процентов) возникает острая необходимость в совершенствовании указанного механизма и (или) поиска альтернативных вариантов решения возникших проблем [5].

Вместе с тем, изыскание иных способов вручения Требований не приводит к значительному снижению числа неврученных Требований с учетом их количества и в связи с отсутствием законодательной презумпции получения таких Требований при попытках их направления любым иным способом, кроме как через отделения почтовой связи ФГУП «Почта России», а напротив приводит к дополнительным трудовым, временным и материальным затратам территориальных налоговых органов.

В целях сокращения расходов на отправку Требований Федеральной налоговой службой Российской Федерации в 2017 году доработано программное обеспечение в части реализации сценария «Объединение в одно почтовое отправление документов, адресуемых одному налогоплательщику, в рамках выполнения массовой печат

ти и рассылки налоговых уведомлений». Однако данные доработки не привели к достаточному сокращению расходов на отправку почтовых отправок, поскольку увеличение количества вложенных документов приводит к утяжелению почтового отправления и, как следствие, к увеличению его стоимости.

Учитывая изложенное, внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации в части исключения направления налогоплательщику-физическому лицу Требований и возможности взыскания имеющейся у налогоплательщика задолженности по обязательным платежам перед бюджетной системой Российской Федерации в рамках статьи 48 Налогового кодекса Российской Федерации сразу после наступления срока уплаты, указанного в налоговом уведомлении, позволит налоговым органам изменить вектор работы по взысканию обязательных платежей с физических лиц от предупреждения (направления налогоплательщикам Требований) к конкретным действиям (взыскание задолженности через судебные органы).

Однако, Министерством финансов Российской Федерации внесение указанных изменений в законодательство Российской Федерации не поддерживается по причине создания налогоплательщикам-физическим лицам заведомо худших условий по сравнению с юридическими лицами, которым налоговыми органами Требование направляется, что будет означать нарушение основополагающего принципа законодательства о налогах и сборах – признания равенства налогообложения [6].

Вместе с тем, процедура взыскания задолженности юридических лиц кардинально отличается от процедуры взыскания задолженности физических лиц, поскольку носит бесспорный характер. Именно поэтому направление юридическому лицу Требования возможно рассматривать в качестве фактора, побуждающего его исполнять обязанность по уплате налога самостоятельно либо, в случае несогласия с указанными в Требовании суммами недоимки и задолженности по пеням и штрафам, оспорить его. В то время, как таким факторам для физического лица является именно налоговое уведомление.

Учитывая изложенное, исключение направления налогоплательщику-физическому лицу Требования не противоречит положениям Конституции Российской Федерации и принципам законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, но при этом способствует повышению эффективности взыскания задолженности физических лиц и упрощению непосредственно процедуры взыскания указанной задолженности, в том числе сокращению сроков ее взыскания.

Вместе с тем, в связи с отсутствием согласованной позиции по внесению изменений в законодательство Российской Федерации о налогах и сборах между заинтересованными министерствами и ведомствами Российской Федерации наиболее перспективным подходом к решению проблемы по повышению эффективности взы

скания задолженности физических лиц и упрощению самой процедуры взыскания является совершенствование программных комплексов.

Поскольку, как уже говорилось ранее, основным отличием взыскания задолженности физических лиц от взыскания задолженности юридических лиц является судебный порядок взыскания, на сегодняшний день одним из самых перспективных путей совершенствования системы принудительного взыскания налоговой задолженности физических лиц является взаимодействие между налоговыми органами и соответствующими судебными инстанциями посредством электронных каналов связи.

Наиболее предпочтительным транспортом для массового электронного обмена между налоговыми и судебными органами должна стать единая система электронного межведомственного взаимодействия (СМЭВ), к которой необходимо подключить судебным органам, учитывая, что только Федеральной налоговой службой Российской Федерации ежегодно направляется порядка 7 миллионов заявлений о вынесении судебного приказа, что в случае применения общего порядка значительно повлияет на нагрузку, приходящуюся на программный продукт ГАС «Правосудие».

Поскольку на сегодняшний день автоматизация процессов, проводимых судебными органами, находится на крайне низком уровне и (или) в ряде случаев отсутствует вовсе, рассматривать установление электронного межведомственного документооборота между налоговыми органами и судебными органами обособленно не представляется возможным.

Необходимо также учесть, что поскольку автоматизация процессов в судебных органах требует разработки, можно сказать, нового программного продукта, а программный продукт налоговых органов подлежит исключительно доработке, которая ранее была начата в связи с направлением на постепенную автоматизацию всех технологических процессов Федеральной налоговой службы Российской Федерации, на время осуществления разработки (доработки) программных продуктов выносимые судебные акты судебным органам целесообразно направлять в налоговые органы на бумажном носителе.

Установление электронного обмена между налоговыми и судебными органами позволит повысить эффективность межведомственного взаимодействия, а также сократить сроки проведения процедуры принудительного взыскания задолженности физических лиц.

Кроме того, в рамках совершенствования механизма принудительного взыскания задолженности физических лиц можно определить еще одно направление: совершенствование межведомственного взаимодействия налоговых органов и ведомств, осуществляющих кадастровый учет, ведение государственного кадастра недвижимости и государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, транспортные средства и

сделок с ними, на основании сведений которых, налоговыми органами исчисляются имущественные налоги физических лиц.

На протяжении последних нескольких лет в Федеральную налоговую службу Российской Федерации и Министерство экономики и финансов Российской Федерации на постоянной основе поступают обращения (жалобы) налогоплательщиков-физических лиц на неполучение уведомления и (или) Требования, неправомерное исчисление налогов (транспортного, земельного, налога на имущество физических лиц), а также на неправомерное образование и соответственно взыскание налоговой задолженности. Указанные проблемы в большинстве своем связаны с отсутствием достаточного электронного межведомственного взаимодействия, поскольку сведения, ежегодно поступающие из регистрирующих органов в налоговые органы не проходят проверку на соответствие сведениям, переданным ранее и уже имеющимся в распоряжении налоговых органов (осуществляется проверка исключительно на соответствие форматно-логическому контролю).

Учитывая изложенное, предлагается реализовать на практике 2 механизма, способствующие предупреждению и устранению вышеуказанных проблем:

1. Утверждение проведения на регулярной основе (ежегодно) «сверки» переданных/принятых сведений налоговыми органами и соответствующими ведомствами по аналогии проведения «сверки» Федеральной налоговой службой Российской Федерации и Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации.
2. Доработка программного продукта налоговых органов на предмет автоматического осуществления маркировки сведений, переданных соответствующими ведомствами, не совпадающих со сведениями, имеющимися в распоряжении налоговых органов. Такая маркировка позволит до момента разнесения сведений в соответствующую базу данных налоговых органов автоматически выбрать и вручную проанализировать возможные ошибки, допущенные при передаче сведений. Указанный алгоритм позволит исключить большинство возникающих ошибок при исчислении имущественных налогов физических лиц, что, в свою очередь, также улучшит налоговую среду для добросовестных налогоплательщиков.

Необходимо отметить, что в случае максимального исключения таких ошибок совершенствование системы принудительного взыскания задолженности физических лиц путем исключения направления налогоплательщику-физическому лицу Требования становится менее рискованной и более реализуемой на практике мерой, поскольку направляемые налоговые уведомления будут отражать действительную ситуацию налогоплательщика, то есть получит максимум исключить возможность направления налоговых уведомлений, содержащих ошибочные сведения, и (или) ненаправления налоговых уведомлений вовсе.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 06.06.2019).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 27.12.2015).
3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изменениями и дополнениями от 06.03.2019).
4. Письмо Федеральной налоговой службы от 23.07.2018 № КЧ-4-8/14183.
5. Приказ Федеральной антимонопольной службы от 20.02.2018 № 208/18 «Об утверждении тарифов на услугу по пересылке внутренней письменной корреспонденции (почтовых карточек, писем, бандеролей), предоставляемую ФГУП «Почта России».
6. Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 01.08.2018 № 03-02-07/2/54214.

Literature:

1. The Tax Code of the Russian Federation part one of 31.07.1998 № 146-FZ (with changes and additions of 06.06.2019).
2. The code of administrative legal proceedings of the Russian Federation of 08.03.2015 № 21-FZ (with changes and additions of 27.12.2015).
3. The federal law of 02.10.2007 № 229-FZ «About enforcement proceeding» (with changes and additions of 06.03.2019).
4. Letter of Federal Tax Service of 23.07.2018 № KCh-4-8/14183.
5. The order of Federal Antimonopoly Service of 20.02.2018 № 208/18 «About the statement of tariffs for the service in transfer of internal written correspondence (postcards, letters, parcels post) provided to FGUP Russian Post».
6. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 01.08.2018 № 03-02-07/2/54214.

Осипов Геннадий Васильевич

Академик РАН,
руководитель
Объединенного центра
социологии и экономики знания,
Институт социально-политических
исследований РАН
osipov@ispr.ras.ru

Стариков Иван Валентинович

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социально-политических
исследований РАН
is2316218@yandex.ru

Литвинцев Владимир Яковлевич

руководитель отдела реализации,
Мегапроект «Единая Евразия –
Транс-Евразийский пояс развития»,
координатор Мегапроекта,
Институт социально-политических
исследований РАН
vlitvintsev@mail.ru

Крылов Станислав Игоревич

кандидат экономических наук,
заместитель директора,
Институт развития территорий
и современных технологий
01111965@mail.ru

**ТРАССИБ:
РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть проект реконструкции Транссибирской магистрали. Проведен анализ состояния транспортного пути на современном этапе. Рассмотрен проект сточек зрения альтернативы международным транспортным коридорам, в частности, морскому транспортному пути через Суэцкий канал. Обозначены экономические, социальные и политические выгоды от реализации мегапроекта, способствующие дать мощнейший толчок развитию не только отдельным регионам Сибири и Дальнего Востока, но и всей России.

Ключевые слова: Транссиб (Транссибирская магистраль), Единая Евразия, Транс-Евразийский Пояс Развития, Интегральная Евразийская Транспортная Система, инфраструктура, магистраль, территория, железная дорога, инвестиции, развитие регионов, грузоперевозки, транспортный коридор.

Gennady V. Osipov

Academy of the Russian Academy
of Sciences,
Head of the Joint Center for Sociology
and Economics of Knowledge,
Institute for Social and Political Research
of the Russian Academy of Sciences
osipov@ispr.ras.ru

Ivan V. Starikov

Candidate of Economic Sciences,
Leading Researcher,
Institute for Social and Political Research
of the Russian Academy of Sciences
is2316218@yandex.ru

Vladimir Ya. Litvintsev

Head of Department of Realization,
Megaproject «Uniform Eurasia –
Trans-Evraziysky belt of development»,
Coordinator of the Megaproject,
Megaproject Coordinator,
Institute of Socio-political
Researches of the Russian Academy
of Sciences
vlitvintsev@mail.ru

Stanislav I. Krylov

Candidate of Economic Sciences,
Deputy Director of the Institute for Territory
Development and Modern Technologies
01111965@mail.ru

**TRANSIB: REALITIES
AND PROSPECTS**

Annotation. It is proposed to consider the project of the Trans-Siberian Railway reconstruction. The analysis of the state of the transport route at the present stage. The project was considered from the point of view of an alternative to international transport corridors, in particular the sea transport route through the Suez Canal. The economic, social and political benefits from the implementation of the megaproject are indicated, contributing to giving a powerful impetus to the development of both the individual regions of Siberia, the Far East and the whole Russia.

Keywords: Transsib (Trans-Siberian Railway), United Eurasia, Trans-Eurasian Belt of 'Razvite', Integral Eurasian Transport System, infrastructure, trunk, territory, railway, investments, regional development, shipping, transport corridor.

Транссибирская магистраль (современное название) или Великий Сибирский путь (историческое название) – это «рельсовый путь, соединивший Европейскую Россию с Сибирью и Дальним Востоком. Возведение Транссиба охватило почти четверть века – с 1891 по 1916 год, а общая протяженность железнодорожного полотна составило более 10 тыс. километров» [1].

О строительстве магистрали начали говорить еще в середине XIX века. По мере развития транспорта и, в первую очередь, железнодорожного Россия превращалась в единый хозяйственный организм. Во второй половине XIX века рельсовые магистрали прорезали в разных направлениях европейскую часть России.

«... Отсутствие современных путей сообщения создавало немалые трудности в развитии экономики региона ввиду его большой территории. Решение о строительстве в Сибири железных дорог открыло возможности для аграрного и промышленного развития. Благодаря трансконтинентальной магистрали за Уралом, появилось большое количество новых городов, поселков, предприятий, появились новые промышленные центры» [2, с. 35].

Транссиб – это самый успешный инфраструктурный проект как в российской, так и в мировой истории. «... Это дорога, скрепляющая Россию – страну, протянувшуюся на 10 часовых поясов в единый экономический организм, а главное, в единое военно-стратегическое пространство» [3]. За годы своего существования Транссиб уже не раз доказал свою значимость. Особенно это проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда вся страна была мобилизована на победу, и Великий Сибирский путь имел важное стратегическое значение.

Еще недавно мы отметили 100 лет со дня его строительства, а актуальность Транссиба продолжает возрастать. Сейчас на долю главной артерии страны приходится более 80 % грузооборота и около 40 % внутреннего пассажирооборота в регионе. Ежегодно по Транссибу на отдельных участках перевозится до 95 млн т. различных грузов, а по Байкало-Амурской магистрали (БАМУ) перевозится ежегодно от 12 до 20 млн т. грузов, львиная доля которых приходится на уголь, нефть и нефтепродукты. Более 75 % грузопотока по железной дороге выполняется в связке с основными портами в Хабаровском и Приморском краях. При этом такие порты ДВФО, как Восточный, Находка, Владивосток, Ванино и Де-Кастри являются главными элементами железнодорожно-морских транспортных узлов. А паромная переправа Ванино-Холмск обеспечивает перегрузку более 90 % грузов, поступающих на о. Сахалин и обратно по железнодорожно-морскому пути [4, с. 66–69; 5, с. 234–241]. Однако в этой системе назревает серьезный кризис технического уровня и пропускной способности, который при непринятии соответствующих мер может обернуться потерей существенной части рынка стран АТР.

Немаловажным остается и тот факт, что путь Транссиба проходит через 23 субъекта Россий-

ской Федерации. «... В регионах, по которым проходит Транссиб, сосредоточено более 80 % промышленного потенциала страны, добывается 65 % угля, выпускается 25 % древесины и осуществляется 25 % нефтепереработки» [6].

В тоже время, мы видим огромную разницу в экономическом развитии регионов, их дифференциацию по уровню развития, по природно-климатическим условиям, по бюджетной обеспеченности на душу населения и инвестиционной привлекательности.

«... Переход к устойчивому развитию Российской Федерации, в целом, возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов. Это предполагает формирование эффективной пространственной структуры экономики страны при соблюдении баланса интересов всех субъектов Российской Федерации, что предопределяет необходимость разработки и реализации программ перехода к устойчивому развитию для каждого региона, а также дальнейшей интеграции этих программ при разработке государственной политики в области устойчивого развития» [7].

Положительно оценивая Транссиб как великое достижение нашего народа, и понимая огромную перспективу его дальнейшего развития, нельзя не замечать и те проблемы, которые существуют на сегодняшний день. Проблема заключается в ограниченных возможностях Транссиба. Те задачи, которые он решает сегодня, по функционалу, как транспортный коридор между Востоком и Западом, по объему перевозимых грузов (около 100 млн т.) завтра уже будет тормозом. Уже сегодня появляются высокоскоростные международные магистрали с мощным подвижным составом, существенно возрастают скорости в перемещении пассажиров и грузов, сокращаются сроки по перевалки грузов на транспортных узлах.

Кроме того, появляются другие, альтернативные пути перевозки грузов, как наземные, так и морские. Состояние контейнерного флота, в сочетании с большим портфелем заказов на судовой флот, позволяет контейнерным операторам работать в условиях стабильного роста контейнерного грузопотока. Возможности морских контейнерных операторов принимать к перевозке дополнительные объемы грузов, создавали сильные конкурентные преимущества морского пути и практически не оставляли шансов сухопутным маршрутам, в частности, транзитным перевозкам по Транссибирской магистрали. Основная часть контейнерных перевозок проходит через Суэцкий канал, по кратчайшему морскому маршруту между Европой и Юго-Восточной Азией. «... Объем контейнерного товарооборота через Суэцкий канал составляет приблизительно 11 млн TEU ежегодно, что составляет порядка 220 млн тонн грузооборота в год. Каждый год грузооборот увеличивается на 40 млн тонн в год. Несложно подсчитать, что за ближайшие шесть лет грузопоток должен удвоиться и составить 460 млн тонн. Пропускная способность Суэцкого канала на сегодняшний день практически

исчерпана. Обеспечить растущие темпы товарооборота можно, только открывая новые транспортные коридоры» [8].

При этих обстоятельствах Транссибирская магистраль может быть рассмотрена как альтернативный транспортный коридор. «... Время транзита контейнерных грузов по территории России от порта «Восточный» к финской границе менее 13 суток. Себестоимость доставки 20-футового контейнера по Транссибу составит 1600 долл. США, что делает этот проект особенно выгодным». «... Транссиб существенно уменьшает сроки доставки груза до 11–12 дней, что является особенно актуальным в связи с увеличением себестоимости товара отправляемого из Китая в Европу за последние 5 лет в 2 раза» [8].

Еще одно преимущество Транссиба состоит в том, что до самых западных рубежей России он проходит по территории одной страны, т.е., без пересечения государственных границ, соответствующего замедления и удорожания перевозок, возникновения политических рисков в отличие от коридора «ТРАСЕКА» («Новый шелковый путь»), который проходит через четыре-шесть стран Европы к нидерландским портам. Данный коридор сложен во многих отношениях: нестабильность политических режимов в ряде стран, использование паромных сообщений через Каспийское и Черное моря, пересечение границ 10–12 стран с различной шириной железнодорожного пути и специфическими транспортными и таможенными правилами, наличие сложных горных участков с ограничением скорости движения поездов и т.д. Хотя общая протяженность трассы «ТРАСЕКА» незначительно превышает аналогичный показатель Транссиба, «Новый шелковый путь» не может составить конкуренцию последнему в транзитных перевозках, но, тем не менее, имеет определенное региональное значение для стран Кавказа и Центральной Азии [9].

В этих условиях жесткой конкуренции Транссибу требуется реконструкция, строительство новых переходов и высокоскоростных участков дороги, где это возможно, а также обновление подвижного состава, модернизацию перевалочных пунктов, строительства новых транспортных узлов и «хабов» с развитой инфраструктурой. Создание проекта транспортного транзитного коридора на базе Транссибирской магистрали потребует разработки системы логистических центров, обеспечивающих прозрачность и управляемость транспортных потоков. Кроме того, потребуется законодательно усовершенствовать нормативно-правовую базу, регламентирующую транзитную транспортную деятельность, улучшить организационную и техническую инфраструктуру.

Высокоскоростная железная дорога, предназначенная как для пассажирских перевозок, так и для перевозки контейнерных грузов через континент по прямому пути, уже на стадии замысла характеризуется экспертами как «стройка века». Проект «Единая Евразия: Транс-Евразийский Пояс Развития – Интегральная Евразийская Транспортная Система, включающий модерни-

зированный Транссиб (Транссиб 2), относится к числу перспективных проектов, осуществление которых выводит российскую цивилизацию на новый технологический, экономический и социальный уровень.

Общая стоимость проекта по реконструкции Транссиба по оценке экспертов и, соответственно, величина требуемых инвестиций, составит около 18000 трлн рублей (300 млрд долларов США по текущему курсу). Проведенный финансово-экономический анализ показал целесообразность реализации мегапроекта как исключительно за счет госфинансирования (из федерального бюджета, средств Инвестиционного Фонда Российской Федерации и средств регионов, через которые проходит скоростная железнодорожная магистраль), так и с привлечением внебюджетного финансирования (на основе концессии сроком на 50 лет). Выход на окупаемость проекта ожидается через восемь лет после начала его эксплуатации [10, с. 246–256].

Для России высокоскоростная магистраль «Единая Евразия» в XXI веке станет одним из способов реконструировать нестабильную экономику, которая находится в сильной зависимости от нефтяного бизнеса, и создать здоровые взаимоотношения между финансовой и реальной экономикой, что поможет преодолеть глобальный экономический кризис и долгий период спада.

Рассматривая проект реконструкции Транссиба и строительства новой высокоскоростной магистрали можем выделить экономические, социальные и политические выгоды от его реализации.

1. Экономические:

– мощный импульс развитию экономики России – как в целом, так и в отдельных регионах, – связанный со строительством магистрали и ее инфраструктуры (выполнение заказов, предоставление услуг и работ, необходимых для строительства);

– долгосрочное позитивное влияние на развитие региональной экономики России, связанное с интенсификацией межрегиональных связей, хозяйственных и социальных обменов по стране;

– резкое увеличение глобальной конкурентоспособности экономики России, связанное с открытием свободного и быстрого доступа товаров на мировые рынки;

– существенное расширение налоговой базы федерального и региональных бюджетов;

– качественный рост уровня занятости в регионах, прилегающих к проектируемой магистрали, в том числе, постоянной занятости на предприятиях, обслуживающих дорогу;

– импульс развитию энергетики, ряда отраслей промышленности (металлургия, строительные материалы, машиностроение, металлообработка) в восточных регионах России, а также разработке полезных ископаемых для нужд строительства и обслуживающей промышленности.

По предварительным оценкам, в реализации мегапроекта должны быть задействованы следующие виды производств на российской территории:

- производство контейнеров разного типа объемом не менее 1 млн. контейнеров в год;
- производство электро- и энергооборудования для оснащения железной дороги;
- производство машин и приспособлений для обслуживания и ремонта пути, сооружений и оборудования железной дороги;
- производство узлов и частей подвижного состава (вагонов без тягового оборудования или прицепных вагонов, в зависимости от той схемы формирования поездов, которая будет принята);
- сборка подвижного состава;
- обслуживание и регламентные работы подвижного состава с разборкой узлов (для чего требуется полноценный завод).

По мере разработки мегапроекта номенклатура сопутствующих производств сильно вырастет, уточнится и детализируется.

2. Социальные:

- создание нескольких миллионов новых рабочих мест для национальной экономики;
- существенное увеличение спроса на высококвалифицированные кадры;
- импульс развитию высшего технического образования в ряде регионов России;
- увеличение доходов населения ряда регионов России – как напрямую от строительства и эксплуатации магистрали, так и за счет мультипликативного эффекта;
- значительное снижение социальной напряженности, безработицы, рост рождаемости;
- увеличение горизонтальной мобильности населения и территориальной связности страны.

Литература:

1. Великий модернизированный путь // ООО «ИК «Золотой рог». URL :http://www.zrpress.ru/business/primorje_21.05.2019_94197_velikij-modernizirovannyj-put.html
2. Румянцев М.А. Большие проекты в евразийской экономике // Проблемы современной экономики, 2017. № 2(62). С. 35.
3. Что такое Транссиб? URL : <https://transsib.ru/cat-geo.htm>
4. Воронцова Н. Развитие транспортной инфраструктуры – глобальная задача Дальневосточного региона // Дальневосточный капитал, 2012. № 8. С. 66–69.

3. Политические:

- транспортное стяжение территории России, создание прочной связи между западными и восточными регионами страны, разрушение экономических основ сепаратизма;
- реальное формирование единого экономического пространства на территории России и приграничных стран, выравнивание уровня жизни населения;
- формирование проекта глобального экономического значения, в поддержании и развитии которого будут заинтересованы ведущие развитые страны в мире;
- формирование партнерства с Евросоюзом на новой прочной и долговременной основе;
- выход на качественно новый уровень равноправного сотрудничества с лидерами развития АТР (прежде всего, с Южной Кореей как основным соинвестором проекта, но также с КНР и Японией).

Развитие Транссиба, увеличение транзитных перевозок, укрепление имиджа (бренда) магистрали, как ведущего международного транспортного коридора, формирующего систему потоков транспортируемых товаров, а также информационную и технологическую сеть, должно быть активно поддержано Российским государством, как приоритетное транспортное направление XXI века, в том числе, в контексте обеспечения его внутренней и внешней политической устойчивости, а также территориальной целостности.

Крупномасштабные расходы, необходимые для строительства высокотехнологичной транспортной системы подобных, небывалых до сих пор, масштабов, вернутся как за счет прямых доходов от транспортировки большого объема контейнерных грузов (не менее 15 млн контейнеров в год), так и за счет мультипликативного эффекта во всей экономике России.

Создание высокоскоростной железной дороги для перевозки контейнерных грузов, кардинально изменит как экономическую, так и политическую обстановку на глобальном уровне в пользу России, существенно укрепит ее политические позиции и лидерскую роль на континенте.

Literature:

1. The great modernized lane // LLC «Publishing company «Zolotoy Rog»». URL : http://www.zrpress.ru/business/primorje_21.05.2019_94197_velikij-modernizirovannyj-put.html
2. Rumiantsev M.A. Large-scale projects in Eurasian economy // Problems of modern economics. 2017. № 2 (62). P. 35.
3. What is the Transsib? URL : <https://transsib.ru/cat-geo.htm>
4. Vorontsova N. Development of transport infrastructure is a global task of the Far Eastern region // Far East capital. 2012. № 8. P. 66–69.

5. *Фисенко А.И.* Транспортные аспекты обеспечения развития грузовой базы в южной зоне Тихоокеанской России // *European Science Review*, 2014. № 1–2. С. 234–241.

6. Транссибирская магистраль в цифрах и фактах // АО «Аргументы факты». URL : http://www.aif.ru/dontknows/file/transsibirskaya_magistral_v_cifrah_i_faktah

7. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=233558#08582182765416408>

8. Создание российского транзитного коридора // Из выступления Г. Томчина на X Российском Экономическом Форуме в Лондоне. URL : <https://subscribe.ru/archive/economics.news.tomchin/200705/02183750.html>

9. *Безруков Л.А.* Великий Шелковый путь и Транссибирская магистраль: конкуренция или взаимодействие? URL : <https://cont.ws/@olegaaa/140610>

10. *Стариков И.В.* Финансово-экономическое обоснование создания на территории Российской Федерации транспортно-логистических коридоров, соединяющих Азиатско-Тихоокеанский регион и Европейский Союз // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 10. С. 246–256.

5. *Fisenko A.I.* Transport Aspects of the development of the cargo base in the South Zone of Pacific Russia. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/transportnye-aspekty-obespecheniya-razvitiya-gruzovoy-bazy-v-yuzhnoy-zone-tihookeanskoy-rossii>

6. The Trans-Siberian Railway facts and figures // JC «Arguments and Facts». URL : http://www.aif.ru/dontknows/file/transsibirskaya_magistral_v_cifrah_i_faktah

7. Russian Federation Presidential Decree of April 1, 1996 № 440 «On the conception framework for transition to sustainable development». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=233558#08582182765416408>

8. Development of Russia's transit corridor // From G. Tomchin's performance at the X Russian Economic Forum in London. URL : <https://subscribe.ru/archive/economics.news.tomchin/200705/02183750.html>

9. *Bezrukov L.A.* Great Silk way and Trans-Siberian Railway: competition or interaction? URL : <https://cont.ws/@olegaaa/140610>

10. *Starikov I.V.* Financial and economic justification of creation in the territory of the Russian Federation of the transport and logistic corridors connecting the Asian and Tikhookeansky region and the European Union // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2018. № 10. P. 246–256.

Савдур Светлана Николаевна

кандидат технических наук,
доцент,
Казанский кооперативный институт
(филиал) автономной некоммерческой
образовательной организации
высшего образования Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации»
savdur.svetlana@yandex.ru

Степанова Юлия Васильевна

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра экономической теории
и эконометрики,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
juliyas64@mail.ru

Махмутова Диана Ильдаровна

старший преподаватель,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
d.i.makhmutova@gmail.com

**ЭКОНОМИКО-
СТАТИСТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПИТАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН
КАК ВАЖНЕЙШЕЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

■ ■ ■

Аннотация. Анализ продовольственного потребления населением государства с экономико-статистических позиций является значимым фактором проведения в жизнь концепции продовольственной безопасности. На примере Республики Татарстан в статье проанализированы показатели среднедушевого потребления и коэффициенты достаточности основных продуктов питания в домохозяйствах с различным уровнем дохода в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, в том числе для городских и сельских жителей. На основе проведенного анализа сделан вывод об уровне жизни населения Республики Татарстан.

Ключевые слова: коэффициенты достаточности потребления продуктов питания, дифференциация потребления, продовольственная безопасность, рациональная норма потребления, параметры среднедушевого потребления.

■ ■ ■

Svetlana N. Savdur

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Kazan Cooperative Institute (branch)
of Autonomous Noncommercial Educational
Organization the Higher Education
of Centrosoyuz of the Russian Federation
«Russian University of Cooperation»
savdur.svetlana@yandex.ru

Juliya V. Stepanova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of the Economic Theory
and Econometricians,
Kazan (Volga) Federal University
juliyas64@mail.ru

Diana I. Makhmutova

Senior teacher
Kazan (Volga) Federal University
d.i.makhmutova@gmail.com

**ECONOMIC AND STATISTICAL
ANALYSIS OF NUTRITION
IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN
AS A CRITICAL COMPONENT
OF FOOD SECURITY
IN THE REGION**

■ ■ ■

Annotation. Economics and statistics analysis of the State population food consumption is a significant factor in implementing of food security concept. The indicators of per capita consumption and basic food ratios in the households with different levels of income were analysed in the article using the example of the Republic of Tatarstan. The analysis took into account the average per capita level of the resources available, including for urban and rural residents. The conclusions on the standards of living of the population of the Republic of Tatarstan were made on the basis of the analysis.

Keywords: food consumption ratios, differentiation of food consumption, food security, rational nutrition norm, per capita food consumption settings.

■ ■ ■

В современных условиях составной частью национальной безопасности любого государства выступает продовольственная безопасность, что характерно и для России. Повышенное значение данного фактора связано с тем, что в числе всех базовых факторов жизнедеятельности человека и общества продовольствию принадлежит исключительно важная роль. В деле оценки экономического развития государства анализ уровня питания населения представляет собой один из ведущих параметров. Степень обеспечения граждан России продовольственными ресурсами может в настоящее время считаться базовым показателем жизнеспособности экономической системы и эффективности деятельности государства [1, 2].

В связи с этим, на современном этапе развития Российского государства особую значимость получает задача улучшения обеспечения граждан продовольственными продуктами.

В деятельности современного государства достижение повышенной степени продовольственной безопасности может считаться приоритетным направлением государственной политики. Действительно, данная задача включает в себя целый комплекс демографических, экономических, социально-политических, стратегических, экологических и национальных факторов.

Проблема обеспечения продовольственной безопасности государства выступает как комплексная. Она включает в себя обеспечение экономической и физической доступности населению безопасных продуктов питания необходимого качества в том объеме, который отвечает требованиям разработанных к настоящему времени стандартам потребления продовольствия. Обеспечение населения продуктами питания должно гарантировать возможность удовлетворения потребностей в пище, необходимого для ведения здорового и активного образа жизни современного человека [3].

Для достижения необходимого уровня удовлетворения потребностей населения в продовольствии на современном этапе требуется решение целого комплекса социально-экономических задач. Прежде всего, речь идет о необходимости усовершенствования стандартов и норм питания, разработанных для комплексной оценки уровня продовольственной безопасности, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации. Помимо этого, представляется необходимым усовершенствование правовой, методической базы и инструментов реализации поддержки отдельных социальных групп.

Таким образом, возрастает значимость проведения исследований в сфере дифференциации потребления и ее связи с уровнем доходов населения. Требуются также дополнительные разработки и научные исследования в области структуры и динамики потребительских расходов и бюджетов. Таким образом, приобретает особую роль экономико-статистический анализ потребления продуктов питания (как в целом по Российской Федерации, так и в отдельных регионах).

Установление показателей продовольственной безопасности на региональном уровне включает в себя ряд компонентов:

– подготовку системы показателей, которые служат целям всестороннего анализа качества продовольственных продуктов;

– формирование полноценной и аутентичной информации на основе систематических обследований домохозяйств, проводимых Федеральной службой государственной статистики [2].

Показатели динамики продовольственного потребления может базироваться как на дифференцированных, так и на среднестатистических параметрах оценки. Среднестатистические показатели предоставляют более обобщенные данные, так как не учитывают социально-демографические характеристики потребления. В связи с такой поверхностностью среднестатистические параметры более востребованы для проведения анализа на макроэкономическом уровне (например, сравнительный анализ качества жизни населения по регионам России). Рассмотрим среднестатистическое потребление основных продуктов питания населения Республики Татарстан за 2002–2017 гг. (табл. 1).

Из таблицы 1 следует, что в период 2002–2009 гг. могут быть отмечены тенденции к росту увеличения объемов потребления рыбной, мясной, овощной продукции. При этом потребление населением данных продуктов питания к настоящему времени не достигает нормативных значений. Значительно ниже нормативных показателей находится потребление фруктов. Напротив, картофеля и хлеба население потребляет в объемах, превышающих рекомендуемую норму. В 2017 г. потребление молочной продукции, яиц и растительного масла превышает рациональную норму потребления [4].

Анализ статистических данных свидетельствует о тенденции к улучшению качества питания населения Татарстана, но показатели рациональных значений, в целом, не достигнуты. Потребляется слишком много углеводов (сахар, хлеб). Сохраняется диспропорция в рационе между содержанием основных продуктов питания [5].

В настоящее время в связи с повышенным социально-экономическим расслоением общества отмечается существенная дифференциация продовольственного потребления.

В Республике Татарстан за период с 2002 г. по 2017 г. коэффициент фондов возрос 12,2 до 13,8. Подобные значения говорят об усилении тенденции к дифференциации продовольственного потребления (рис.1), которое является составной частью расслоения доходов населения (табл. 2) [4].

В зависимости от уровня среднестатистических располагаемых ресурсов на рисунке 1 первая группа основных продуктов питания представлена с наименьшими располагаемыми ресурсами, а пятая группа – с наибольшими располагаемыми ресурсами).

Таблица 1

**Среднедушевое потребление основных продуктов питания
населением Республики Татарстан за 2002–2017 гг., кг. в год.**

Год	Мясо и мясо-продукты (пересчет на мясо; включая субпродукты II категории и жира-сырца)	Яйца, шт	Рыба и рыбо-продукты	Сахар	Расти-тельное масло	Карто-фель	Овощи	Хлебные продукты (хлеб, крупа, макарон-ные изделия, бобовые, мука)	Молоко и молоко-продукты	Фрукты и ягоды
2002	52	269	5,0	44	11,1	170	77	122	–	–
2003	55	280	5,0	45,0	12,5	175	81	127	–	–
2004	57	282	6,3	44,9	12,9	219	81	128	–	–
2005	59	283	6,5	44,9	13,9	240	82	129	–	–
2006	62	282	6,7	44,8	13,9	211	83	123	–	–
2007	66	281	7,3	44,1	14,2	211	83	123	–	–
2008	70	281	7,5	44,8	15,2	206	81	123	355	50
2009	71	284	7,9	40,7	15,4	180	81	123	362	51
2010	73	289	8,5	40,7	15,9	151	80	123	368	52
2011	74	288	9,1	41,1	16,4	162	82	122	367	56
2012	78	293	10,5	42	16,9	169	87	123	367	63
2013	80	280	–	42	17,0	167	88	123	364	70
2014	81	280	–	42	17,0	167	93	122	364	70
2015	79	287	–	42	17,0	169	93	121	362	70
2016	81	289	–	42	17,0	170	98	121	362	74
2017	81	299	–	43	17,4	164	99	121	362	–
Нормы потреб-ления пищевых продуктов, согласно стандартам здорового питания, (кг/год/ человек)	73	260	22	24	12	90	140	96	325	100

Таблица 2

Коэффициенты фондов в Республике Татарстан за 2002–2017 гг. (в раз)

Показа-тель	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Коэффи-циент фондов (в раз)	12,2	13,2	13,9	13,3	14,4	15,2	15,3	15,6	15,9	15,3	17,0	16,7	16,8	16,0	15,7	13,8

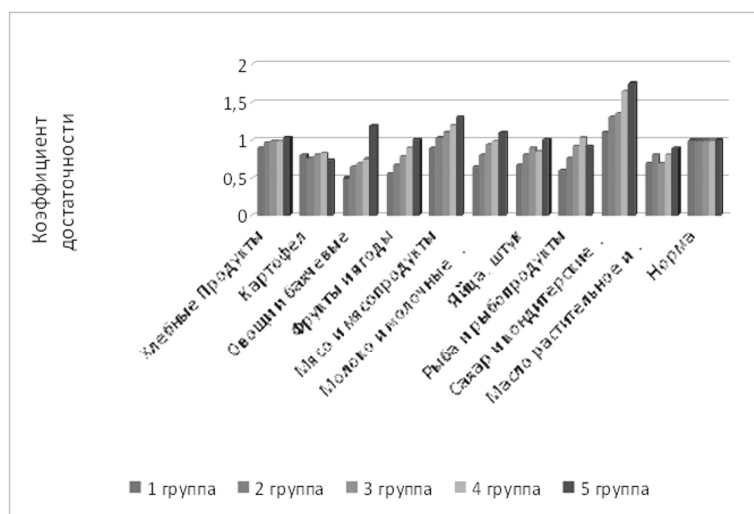

Рисунок 1 – Коэффициенты достаточности потребления основных продуктов питания в домохозяйствах с различным уровнем дохода в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов в Республике Татарстан в 2017 г.

Для оценки степени продовольственной безопасности используется, в числе прочих, коэффициент достаточности. Данный показатель выступает как соотношение потреблённого продукта к рекомендуемым стандартам потребления. На основании данного коэффициента для населения с разными доходами можно сделать вывод о продовольственной дифференциации. При пониженных показателях дохода, отмечается снижение в рационе потребления рыбных, мясных и молочных продуктов. В потреблении растительного масла отмечается значительно меньше различий.

Дифференциация потребления населением основных продуктов питания в Республике Татарстан имеет место также и в территориальном разрезе (рис. 2) [4].

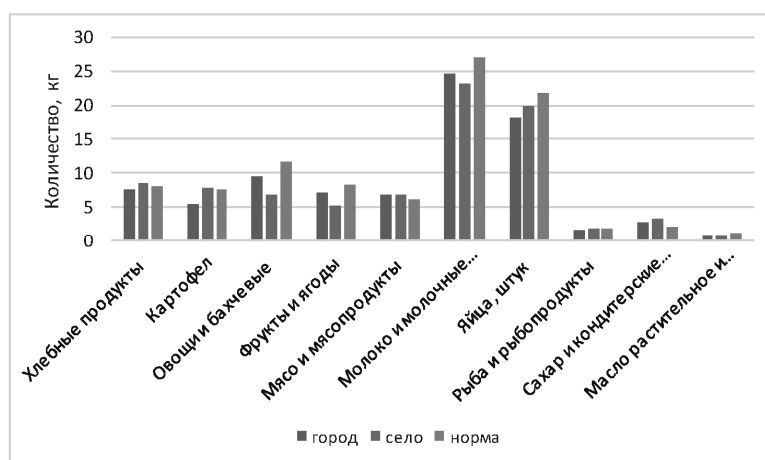

Рисунок 2 – Потребление основных продуктов питания городскими и сельскими жителями Республики Татарстан в 2017 г.

Заключение.

В настоящее время статистические данные свидетельствуют о следующих тенденциях в данной области: крайне бедные домохозяйства тратят на продукты питания порядка трети всех доходов. При затрачивании на обеспечение семьи питанием выше половины всех доходов, правомерно говорить о крайней нищете. Подобные выводы являются результатом применения Закона Энгеля. Эта закономерность широко используется в научном сообществе для установления показателей потребления населением различных благ [3].

Литература:

1. Савдур С.Н. Экономико-статистический анализ занятости и безработицы в Республике Татарстан / С.Н. Савдур, Е.Л. Фесина, Ю.В. Степанова, И.А. Кодолова, А.В. Костромин // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 5(111). URL : <http://uecs.ru/economika-truda/item/4903-2018-05-10-07-58-16>
2. Кодолова И.А. Экономико-статистический анализ уровня жизни населения Республики Татарстан / И.А. Кодолова, С.Н. Савдур, Ю.В. Степанова

Из рисунка 2 следует, что рационы питания городского и сельского населения значительно отличаются. Питание городского населения в большей степени приближено к рекомендованным значениям. В питании жителей сельских районов преобладают более дешевые и доступные пищевые продукты (хлеб, картофель). Показатели потребления данных продуктов на селе значительно превышает нормативные показатели [5].

Для оценки уровня продовольственной безопасности используются и иные показатели. Например, представляется целесообразным проанализировать такой критерий, как удельный вес расходов на питание в структуре потребительских расходов семьи.

Население Татарстана в 2017 г. тратило на питание, в среднем, 25,8 % своих доходов, что свидетельствует о достаточно высоком уровне жизни населения [4]. Эта тенденция стабильно сохраняется в республике на протяжении 15 лет. Однако более обоснованные выводы об уровне жизни населения Республики Татарстан можно сделать только на основании показателей доходов в реальном выражении. Лишь подобные параметры могут служить основой для анализа покупательной способности населения с учетом изменения потребительских цен.

Literature:

1. Savdur S.N. Ekonomiko-statisticheskij analiz zanyatosti i bezraboticy v Respublike Tatarstan / S.N. Savdur, E.L. Fesina, Yu.V. Stepanova, I.A. Kodolova, A.V. Kostromin // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2018. № 5(111). URL : <http://uecs.ru/economika-truda/item/4903-2018-05-10-07-58-16>
2. Savdur S.N. Economic and statistical analysis of the living standards of the population in the republic of tatarstan / S.N. Savdur, Yu.V. Stepanova,

панова, Э.Д. Хисамова // Казанская наука. 2017. № 5. С. 49–52.

3. *Савдур С.Н.* Экономико-статистические подходы к анализу уровня жизни населения в Республике Татарстан в условиях цифровой экономики / С.Н. Савдур, Ю.В. Степанова, Е.Л. Фесина; Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина // Материалы монографии «Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы». СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 440–460.

4. Российский статистический ежегодник, 2017 г. // Официальная статистика. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения 7.04.2019).

5. Уровень жизни // Официальная статистика. URL : http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/standards_of_life/ (дата обращения 10.05.2019).

I.A. Kodolova, E.D. Khisamova // Kazan science. 2017. № 5. P. 49–52.

3. *Savdur S.N.* Economic and statistical approaches to analyzing the living standards of the population in the Republic of Tatarstan in the digital economy / S.N. Savdur, E.L. Fesina, Yu. Stepanova; Ed. Dr. Econ. Sciences, Prof. A. Babkin // Materials of the monograph «Digital transformation of economy and industry: challenges and prospects». SPb. : Irkutsk, 2017. P. 440–460.

4. The Russian Statistical Yearbook, 2017 г. // Official statistics. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (date of contact 7.04.2019).

5. Standard of living//official statistics. URL : http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/standards_of_life/ (date of contact 10.05.2019).

Сидорова Татьяна Анатольевна
слушатель программы
«Доктор делового администрирования»,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
sta0162@yandex.ru

Возможность создания статистически достоверной модели в региональных электросетевых компаниях электроэнергетического комплекса на основе реализованной концепции цифровых технологий – «цифровизации»

Аннотация. При эксплуатации электроэнергетического комплекса региона, территориально сетевым компаниям, приходится принимать как решения по оперативному управлению, так и решения по стратегическому планированию и их развитию. Одним из условий при разработке и реализации оптимальной стратегии управления и развития любой системы, в том числе, и электроэнергетической, является наличие ее адекватной модели, позволяющей спрогнозировать реакцию системы на принимаемые управленческие решения, что позволяет реализовать цифровые технологии управления электросетевыми компаниями и электросетевым комплексом в целом. Данная статья посвящена вопросам эксплуатации и развития электроэнергетического комплекса. Необходимости создания имитационной статистической модели при условии реализованной концепции «цифровизации», для повышения конкурентоспособности электросетевых компаний и минимизации затрат на технологическое управление.

Ключевые слова: энергетический комплекс, территориально сетевые компании, имитационная статическая модель, концепция цифровых технологий, «цифровизация».

Значение наличия модели для регионального электроэнергетического комплекса возрастает при реализации концепции цифровых технологий, цифровизации территориально сетевых компаний. Только имея достоверную модель, возможно достичь поставленных стратегических целей, полной автоматизации процессов управления системой, и решений направленных на

Tatyana A. Sidorova
Listener of the «Doctor
of business administration program»,
Russian Academy of National Economy
and State Services under the President
of the Russian Federation
sta0162@yandex.ru

THE POSSIBILITY OF CREATING A STATISTICALLY RELIABLE MODEL IN THE REGIONAL POWER GRID COMPANIES OF THE ELECTRIC POWER COMPLEX BASED ON THE IMPLEMENTED CONCEPT OF DIGITAL TECHNOLOGIES – «DIGITALIZATION»

Annotation. When operating the electric power complex of the region, geographically grid companies have to make decisions on operational management and decisions on strategic planning and their development. One of the conditions for the development and implementation of an optimal strategy for the management and development of any system, including electric power, is the presence of its adequate model that allows to predict the reaction of the system to management decisions, which allows to implement digital technologies for the management of electric grid companies and the electric grid complex as a whole. This article is devoted to the operation and development of the electric power complex. The need to create a simulation statistical model, provided the concept of «digitalization», to improve the competitiveness of electric grid companies and minimize the cost of technological management.

Keywords: energy complex, territorial network companies, static simulation model, digital technology concept, «digitalization».

развитие этих компаний. Сложность подобного моделирования определяется тем, что на компании и электросетевой комплекс, в целом, воздействуют комбинация как прогнозируемых и традиционно учитываемых факторов воздействия (климатические условия, производственные графики промышленных объектов, графики потребления мощности бытовых потребителей...),

так и большого количества сложно прогнозируемых факторов, начиная от аномальных природных условий, и заканчивая изменениями графиков потребления из-за различных социальных процессов.

Развитие электроэнергетического комплекса из расчета на самые тяжелые условия работы, хотя и позволяют создать высоконадежную систему, но эти затраты не приводят к повышению экономической эффективности, что приводит к снижению инвестиционной привлекательности электросетевых компаний. При наличии модели в комплексе, используя различные методы математического и имитационного анализа возможно оптимизировать затраты на развитие компаний, добившись необходимой надежности функционирования и устойчивости к различным комбинациям, воздействующих на них факторов. Поэтому задача построения модели важна, как для разработки стратегических задач по планированию развития комплекса и территориально сетевых компаний, так и для выработки оптимальной тактики оперативного управления при воздействии сложного комплекса прогнозируемых и не прогнозируемых влияющих факторов. Статическая математическая модель электроэнергети-

ческого комплекса хотя и может быть разработана, но из-за большого количества входящих в нее факторов, отсутствия достоверных математически описанных зависимостей между большинством из них делает эту задачу трудновыполнимой, а учитывая ограниченность исходных данных у разработчика, такая модель будет обладать определенной степенью субъективизма. В случае же создания подобной модели – её будет сложно проверить. Потому, что не возможно имитировать, большинство критических воздействий и их комбинаций ввиду, как дороговизны подобных экспериментов на реальных объектах электросетевого комплекса и сетевых компаний, невозможности натурального моделирования многих природных и техногенных экстремальных воздействий, так и опасности возникновения реальных катастроф на объектах из-за непрогнозируемого влияния комбинации факторов. Поэтому единственный способ построения требуемой модели – это создание имитационной статистической модели на основе методов математической статистики, используя данные о параметрах, режимах работы электросетевых компаний, воздействующих факторах уже собираемых в рамках внедрения цифровых технологий в электросетевом комплексе в целом.

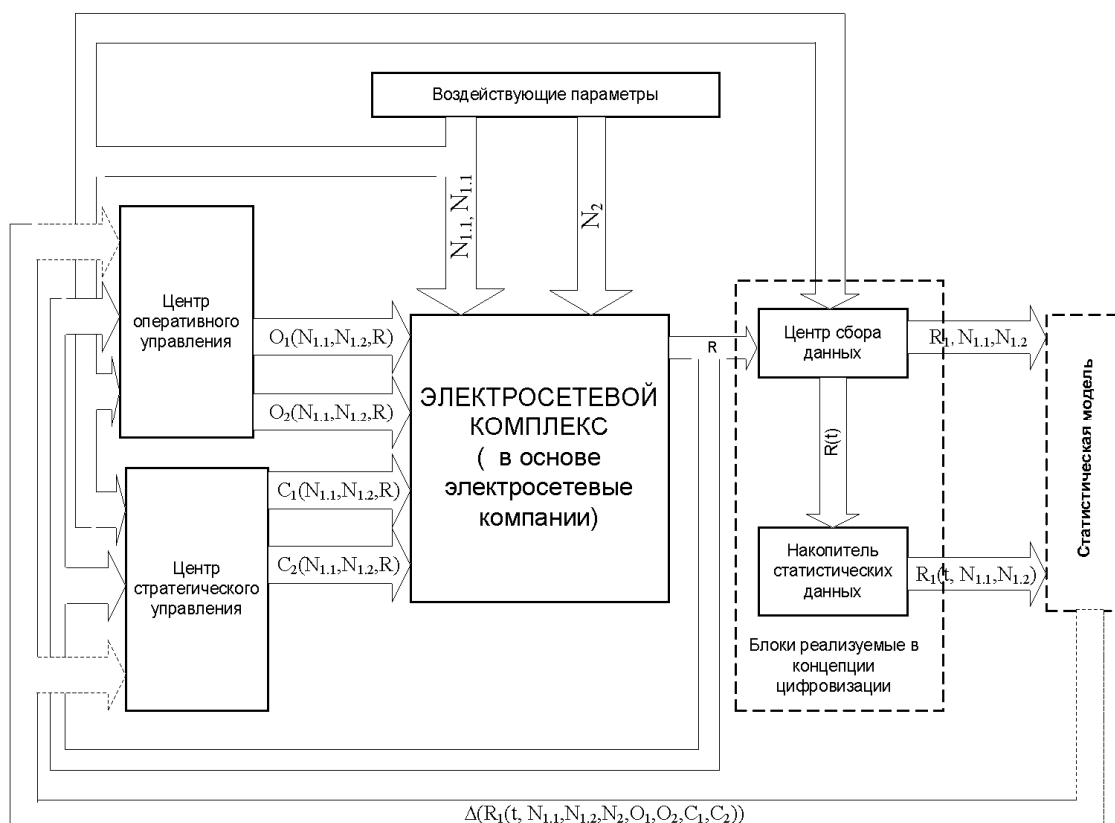

Рисунок 1 – Структурная схема функционирования управления электросетевым комплексом

Создание имитационной статистической модели, которая будет постоянно уточняться по мере накопления статистических данных, анализ взаимного влияния воздействующих параметров, упрощается при реализации стратегии применения цифровых технологий, так как базируется на данных, которые будут сниматься и накапливаться при реализации этой концепции.

Накопление и математическая обработка данных о режимах работы в электросетевом комплексе, возникающих перегрузках и критических режимах, авариях, одновременно с анализом воздействующих параметров с расчетом выявленных корреляционных связей, позволяет в рамках реализации цифровых технологий, «цифровизации», решить задачу создания статистически

достоверной модели для региональных электросетевых компаний. Решение этой задачи позволит увеличить вероятность принимаемых безошибочных управленческих решений, повысит их точность и своевременность, что даст возможность оптимизировать затраты на эксплуатацию сетей, вносить своевременные коррективы в планы по развитию, и повысит устойчивость и надежность для работы электросетевых компаний на рынке электроэнергии. А так же

Литература:

1. *Анохина Е.М.* Системные риски управления при реализации государственной политики в области образования и науки: анализ проблемной ситуации, риски и их идентификация / Е.М. Анохина, Ю.В. Косов, В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. 2016. № 10. С. 8–26.
2. *Райков А.Н.* Ловушки для искусственного интеллекта // Экономические стратегии. 2016. № 6. С. 172–179.

повысит конкурентоспособность компаний электросетевого комплекса и даст возможность минимизировать их затраты на технологическое управление.

При названных выше условиях, возникнет необходимость транслировать накопленные данные имитационной статистической модели для формирования стратегии развития электросетевого комплекса, не только на региональном уровне, но и на уровне федерального значения.

Literature:

1. *Anokhina E.M.* Systemic risks of management in the implementation of state policy on education and science : analysis of problem situation, risks and their identification / E.M. Anokhina, Yu.V. Kosov, V.G. Khalin, G.V. Chernova // Administrative consulting. 2016. № 10. P. 8–26.
2. *Raikov A.N.* Traps for artificial intelligence // Economic strategies. 2016. № 6. P. 172–179.

Стрельцов Алексей Викторович

доктор экономических наук,
профессор,
заведующий кафедрой организации
и стратегии развития предприятия,
Самарский государственный
экономический университет
dmms7@rambler.ru

Никулина Екатерина Юрьевна

специалист по УМР кафедры организации
и стратегии развития предприятия,
Самарский государственный
экономический университет
katerina_nikulina@list.ru

Яковлев Геннадий Иванович

доктор экономических наук,
профессор кафедры организации
и стратегии развития предприятия,
Самарский государственный
экономический университет
dmms7@rambler.ru

**ИЗНОС И МОДЕРНИЗАЦИЯ
ОСНОВНЫХ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФОНДОВ
ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ
СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Аннотация. В статье исследуются проблемы классификации износа и последующей модернизации основных производственных фондов предприятий в условиях вызовов цифровой экономики. С учетом требований модернизации и цифровизации существующих активов предприятий сформирована модель обновления основных фондов в системе управления развитием. Автор считает перспективным рассмотрение вопросов установления экономически оправданных границ модернизации или обновления производственного аппарата предприятий как условия достижения операционной эффективности в цифровой экономике.

Ключевые слова: основные фонды, модернизация, износ, цифровизация, эффективность, потоки создания ценностей, добавленная стоимость.

Феномен цифровизации является новым вызовом для развития предпринимательских структур, предъявляя повышенные требо-

Alexey V. Streltsov

Doctor of Economics,
Professor,
Head of the Department of the Organization
and Development Strategies of the Enterprise,
Samara State Economic University
dmms7@rambler.ru

Ekaterina Yu. Nikulina

UMR Specialist,
Department of Organization and Strategy
of Enterprise Development,
Samara State Economic University
katerina_nikulina@list.ru

Gennady I. Yakovlev

Doctor of Economics,
Professor of Department of the Organization
and Development Strategies of the Enterprise,
Samara State Economic University
dmms7@rambler.ru

**WEAR AND MODERNIZATION
OF BASIC PRODUCTION ASSETS
FOR ENTREPRENEURSHIP
IN A DIGITAL ECONOMY**

Annotation. The problems of classification of depreciation and subsequent modernization of fixed assets of enterprises and business structures in the face of challenges of the digital economy are investigated. The authors have formed a model for the renewal of fixed assets in the enterprise development management system, taking into account the requirements for modernization and digitalization of the existing production facilities. Further research should consider the economically justified limits of modernization or renewal of the production apparatus of enterprises as a condition of operational efficiency.

Keywords: fixed assets, modernization, depreciation, digitalization, efficiency, value added.

вания к эффективности и конкурентоспособности их производственного аппарата; цифровизация также рассматривается в качестве новой объек-

тивной реальности (потребности) общественного и хозяйственного развития любой страны. Современная четвертая промышленная революция, так называемая инициатива «Industrie 4.0», затрагивает интересы всего общества, в целом, поэтому должна рассматриваться не только в техническом, но и в широком социокультурном аспекте [1]. На наших глазах формируется принципиально новый тип экономики, происходит организация взаимосвязанных процессов на новых основах, связанных с цифровой трансформацией всех сторон существования человеческого сообщества, и хозяйственного механизма как его неотъемлемой части [2]. Неслучайно в научном обороте все больше усиливается внимание к трудам по проблемам функционирования производственных цепочек, потоков создания ценностей, трансформируемых под влиянием цифровизации [3, с. 96]. Важность исследований в данной области подтверждаются научными положениями Варнавского В., [4, с. 5], Кашбразиева Р.В., [5, с. 188] по таким вопросам, как структурные сдвиги в производственных цепочках создания товаров и услуг, генерации добавленной стоимости, потребовавшие соответствующего уточнения методического и категориального аппарата в отношении модернизации производительных сил. Однако К.Н. Ермолаев справедливо отмечает отсутствие пока еще целостного взгляда научного сообщества на сущность, структуру, направления и последствия для современной цифровой производственных сил общества [6, с. 9].

Ведущим элементом процесса модернизации производства является, как отмечается в работах специалистов, обновление основных фондов, придания даже значительно возрастному оборудованию способности поддерживать цифровую трансформацию при создании потока потребительских ценностей [7, р. 101]. Оно обеспечивает развитие номенклатуры выпускаемой продукции, повышение её конкурентоспособности, внедрение различных инноваций в производство, направленных на снижение издержек и увеличение операционной эффективности [8, с. 29]. Обеспечить конкурентное преимущество возможно на основе дигитализации существующих основных производственных фондов предприятий путем определения и стимулирования «точек роста» на уже имеющихся производственных мощностях и инновационных разработках в производстве и реализации продукции в соответствии с концепцией их цифровой трансформации, отмечалось ранее авторами [9, с. 253].

В целях полноты научного анализа стоит отметить, что в специальной литературе помимо категории основных фондов, используются и другие понятия, отражающие схожие по сути явления. Так, в Налоговом Кодексе РФ выделяются «основные средства, понимаемые как часть имущества, используемого в качестве средств труда для производства и реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг) или для управления организацией, первоначальной стоимостью более 40 тыс. руб.» [10]. Согласно ПБУ 6/01 «Учет основных средств», под основными средствами понимаются также: «здания,

сооружения, рабочие и силовые машины и оборудование, измерительные и регулирующие приборы и устройства ... и пр. объекты» [11]. В Большом Российском Энциклопедическом Словаре рассматривается категория «основной капитал», когда инвестиции возвращаются в денежной форме посредством амортизационных отчислений по мере снашивания его отдельных элементов» [12, с. 1112].

Е.Л. Кантор под основными фондами понимает средства производства, которые служат длительный период, переносят свою стоимость на изготовление продукции постепенно, частями, в течение срока службы и обладают значительной стоимостью за единицу» [13, с. 45]. В процессе эксплуатации основные фонды подвергаются износу; как правило, его подразделяют на физический и моральный. Так, Е.Л. Кантор физический (материальный) износ определяет как «возникающий в процессе эксплуатации или от воздействия на них природных, климатических факторов, и моральный, который бывает I и II типа: I – вследствие роста производительности труда при производстве основных фондов, II – в результате технического прогресса» [13, с. 56]. Именно износ совокупности основных фондов и, в частности, моральный износ и является, на наш взгляд, является основной причиной проведения модернизации производства. Величина морального износа определяет её необходимость. Моральный износ основных фондов приводит к невозможности выпуска конкурентоспособной продукции, что ведет к банкротству предприятия и требует его комплексного преобразования: обновления совокупности машин и оборудования и реорганизацию всех сфер деятельности предприятия, иначе говоря, модернизации предприятия.

В экономической теории и в практической деятельности, до недавнего времени, различали два вышеназванных вида физического износа и два типа морального износа. Вместе с тем, существуют и иные подходы. Особенно они различаются в экономической литературе, основанной на зарубежных источниках и посвященной рассмотрению несущности стороны основных фондов, а отдельным смежным с этим прикладным аспектам, например, связанным с оценкой имущества. Выделяются функциональный внешний (экономический), технологический, социальный, экологический износы.

Так, например, А.П. Ковалев выделяет физический и моральный износ, разделяя последний на технологический, функциональный и внешний (экономический)» [14]. С.В. Валдайцев, говоря о реальных активах, выделяет физический износ, экономический износ, технологический износ, функциональный износ. Так, физический износ, по его мнению, «определяется степенью истощения «паспортного» фонда рабочего времени (срока службы), на которое было рассчитано соответствующее имущество, а экономический износ... измеряется обесценением аналогичного ему (по своим качественным характеристикам и прочим видам износа) имущества, которое произошло со времени приобретения и постановки его на баланс предприятия вследствие измене-

ния на рынке подобного инвестиционного товара соотношения между спросом и предложением....» [15, с. 101].

Другие авторы, не вводя в научный оборот новые виды износа, тем не менее, занимаются корректировкой традиционных его формулировок. Например, Е.С. Карпушин отождествляет моральный и функциональный износ: «Моральный (функциональный) износ оборудования,

представляет собой неизбежный процесс обесценения основных производственных фондов...» [16, с. 31]. В итоге, можно отметить, что достаточно широкое различие позиций по видам износа основных фондов затрудняет понимание его сущности и препятствует формированию комплекса эффективных мер по его обновлению в условиях цифровой экономики. Уточненную классификацию видов износа основных фондов можно представить следующим образом (рис. 1).

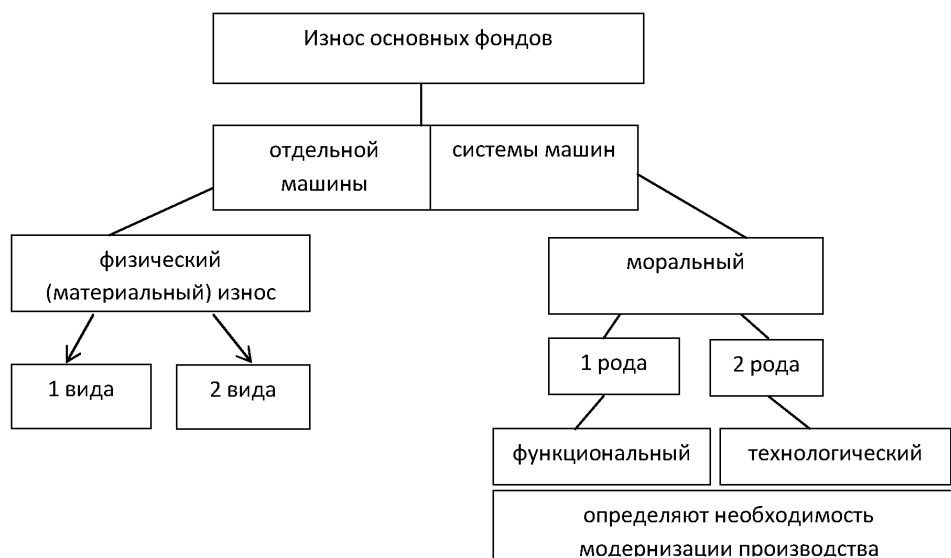

Рисунок 1 – Виды износа и их связь с модернизацией

На рисунке 1 представлена также взаимосвязь основных фондов и модернизации предприятия. Износ основных фондов может относиться как к отдельной машине, агрегату, так и системам машин, а именно 2-го рода, включающий в себя функциональный и технологический износ и является основной причиной модернизации производства. Конечно, на рисунке 1 представлены не все возможные виды износа. Он может быть полным и частичным, устранимым и неустрашимым, компенсируемым при создании «виртуального двойника» реального производства или нет. Однако разграничение на физический и моральный износ и их вышеназванная детализация, как нам представляется, является обоснованным для раскрытия его сущности и установления взаимосвязи отдельных видов износа с модернизацией производства при осуществлении его цифровой трансформации.

Литература:

1. Industrie 4.0, Smart Services, Lernende Systeme: Digitalisierungsnutzen und im Sinne des Menschen gestalten. URL : <https://www.acatech.de/themen/digital-selbstlernend/> (дата обращения 15.05.2019).
2. Вызовы для промышленности и экономическая политика Правительства РФ. Изд-во ИКСИ. URL : <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/denezhno-kreditnaya-politika/vyzovy-dlya->

И модернизация предприятия, в целом, и обновление основных фондов как её составляющая, предопределяет развитие предприятия на длительную перспективу. Решения о приобретении систем машин формирует набор возможных технологий и, в конечном итоге, совокупности потребительских свойств, которые будут предложены на рынке. При этом возникает достаточно важный вопрос: можно ли отождествлять оценку эффективности проекта обновления основных фондов и модернизации предприятия, в целом? На наш взгляд, необходимо разграничить эти два процесса, поэтому в дальнейших исследованиях целесообразно рассмотреть вопросы установления экономически оправданных границ модернизации-реновации в соответствии с новыми концепциями бережливого, стройного, активного и быстрореагирующего производства, изложенными Р. Сури [17], и требования операционной эффективности, возникающими как следствие дигитализации предприятий.

Literature:

1. Industrie 4.0, Smart Services, Lernende Systeme: Digitalisierungsnutzen und im Sinne des Menschen gestalten. URL : <https://www.acatech.de/themen/digital-selbstlernend/> (дата обращения 15.05.2019).
2. Challenges for industry and the economic policy of the Government of the Russian Federation. Publishing house ICSI. URL : <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/denezhno-kreditnaya->

promyshlennosti-i-ekonomicheskaya-politika-pravitelstva-rf. (дата обращения 31.07.2018).

3. *Воронин С.А.* Цифровое промышленное предприятие экономики знаний в рамках концепции «Индустрии 4.0» / С.А. Воронин; Отв. ред. С.В. Широкова // В сборнике: Неделя науки СПбПУ. Мат. науч. конф. с международным участием Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2016. С. 96–99; 410 с.

4. *Варнавский В.* Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 5–15.

5. *Кашбразиев Р.В.* Основное противоречие международной производственной кооперации // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 188.

6. *Ермолаев К.Н.* Цифровая экономика: сущность, основные направления развития, последствия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2018. № 5(163). С. 9.

7. *Neligan A.* Digitalisation as Enabler Towards a Sustainable Circular Economy in Germany // Intereconomics. March 2018. Vol. 53. Issue 2. P. 101–106. URL : <https://doi.org/10.1007/s10272-018-0729-4>

8. *Яковлев Г.И.* Развитие конкурентоспособности предприятий на основе цифровых технологий // Электронный научно-практический журнал «Синергия». 2018. № 3. С. 29–34. URL : <https://orel.vepi.ru/wp-content/uploads/sites/10/2019/01/Sinerhiya-2018.-3.pdf> (дата обращения 05.05.2019).

9. *Стрельцов А.В.* Обеспечение конкурентных преимуществ промышленных предприятий и предпринимательство в условиях цифровой экономики. Проблемы развития предприятий: теория и практика / А.В. Стрельцов, Г.И. Яковлев, Е.Ю. Никулина. 2018. № 1. С. 253–261.

10. Согласно п. 1 ст. 257 Налогового Кодекса Российской Федерации (НК РФ). URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAPS019>; Система ГАРАНТ : <http://base.garant.ru/12122835/#ixzz5nbtEk2qt>

11. Большой Российский Энциклопедический Словарь. М. : Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2006. С. 1112.

12. Экономика предприятия : учебник. 2-е изд-е / Под ред. Е. Кантора. СПб. : Питер, 2007. С. 45, С. 56.

13. *Ковалев А.П.* Оценка стоимости активной части основных фондов. М. : Финстатинформ, 1997. С. 99.

14. *Валдайцев С.В.* Оценка бизнеса : учебник. 2-е изд. М. : Изд-во Проспект, 2004. С. 101.

politika/vyizovyi-dlya-promyshlennosti-i-ekonomicheskaya-politika-pravitelstva-rf (date of the address 31.07.2018).

3. *Voronin S.A.* Digital industrial enterprise of knowledge economy within the framework of the concept «Industry 4.0» // In collection: SPbPU Science Week. Mat. scientific conf. with international participation. Responsible editor: Shirokova S.V. St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great. 2016. P. 96–99, 410 p.

4. *Varnavsky V.* International trade in value added categories: questions of methodology // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62, № 1. P. 5–15.

5. *Kashbraziev R.V.* The main contradiction of international industrial cooperation // Actual problems of economics and law. 2015. № 4. P. 188.

6. *Ermolaev K.N.* Digital economy: essence, main directions of development, consequences // Vestnik of the Samara State University of Economics. 2018. № 5 (163). P. 9.

7. *Neligan A.* (2018) Digitalisation as Enabler Towards a Sustainable Circular Economy in Germany // Intereconomics, Vol. 53. Issue 2. P. 101–106. URL : <https://doi.org/10.1007/s10272-018-0729-4>

8. *Yakovlev G.I.* Development of competitiveness of enterprises on the basis of digital technologies // Electronic scientific and practical journal «Synergy». 2018. № 3. P. 29–34. URL : <https://orel.vepi.ru/wp-content/uploads/sites/10/2019/01/Sinerhiya-2018.-3.pdf>. Appeal date: 05/05/2019

9. *Streltsov A.V.* Ensuring the competitive advantages of industrial enterprises and entrepreneurship in the digital economy. Problems of enterprise development: theory and practice / A.V. Streltsov, G.I. Yakovlev, E.Yu. Nikulina. 2018. № 1. P. 253–261.

10. According to paragraph 1 of Art. 257 of the Tax Code of the Russian Federation (NK RF). URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc;base=RAPS019>; GARANT system: <http://base.garant.ru/12122835/#ixzz5nbtEk2qt>

11. Big Russian Encyclopedic Dictionary. M. : Scientific publishing house «Great Russian Encyclopedia», 2006. p. 1112.

12. Economics of an enterprise : textbook. 2nd ed. / In E. Cantor (Eds.). SPb. : Peter, 2007. P. 45–56.

13. *Kovalev A.P.* Valuation of the active part of fixed assets. M. : Finstatinform, 1997. P. 99.

14. *Valdaytsev S.V.* Business valuation : textbook. 2nd ed. M. : Publishing house Prospectus, 2004. P. 101.

15. *Карпушин Е.С.* Необходимость обновления основных фондов в России как условие инновационного развития // Экономика. Бизнес. Право. 2018. № 10–12(28). С. 31.

16. *Раджан Сури.* Время – деньги. Конкурентное преимущество быстрореагирующего производства. Изд-во : Лаборатория знаний. 2010. 329 с.

15. *Karpushin E.S.* The need to update fixed assets in Russia as a condition for innovative development // Economy. Business. Right. 2018. № 10–12(28). P. 31.

16. *Rajan Suri.* Time is money. The competitive advantage of fast response production. Publishing house : Laboratory of knowledge. 2010. 329 p.

Ткачев Евгений Викторович
аспирант кафедры государственного
и муниципального управления,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
Jekatk93@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АГЛОМЕРАЦИЙ КИТАЯ

Аннотация. В статье предоставляется исследование об особенностях развития агломераций Китая с применением мир-системного подхода. Предложена функциональная классификация агломераций в условиях диспропорции рабочей сил, и степени развитости агломераций в приморских и внутренних регионах. Уделяется внимание проблемам внутренней миграции и отношениям между слабо развитыми и сильно развитыми агломерациями в условиях жесткого внедрения инициативы «Один пояс и путь» как новой парадигмы внешнеэкономического развития Китая, уникальной для мировой практики степени вовлеченности агломерации в экономическую систему других стран.

Ключевые слова: городские агломерации, Китай, региональное развитие, неоднородность развития.

Говоря об опыте влияния городских агломераций на экономический рост пространственных систем в отдельно взятой стране, то, на мой взгляд, наибольший научный интерес будет представлять страна, у которой есть:

- неразрешенные демографические проблемы и, связанные с ними, явления;
- устойчивый экономический рост.

Такая классификация, безусловно, не является определяющей, однако, именно эти критерии приводят к появлению и генерации новых решений. Оба этих аспекта региональной политики можно найти в Китае.

За последние тридцать лет Китай, крупнейшая страна в Азиатском регионе, показывала устойчивый рост экономики сразу по нескольким направлениям. И сейчас его экспортно-ориентированная экономика продолжает лидировать, втягивая в свою зону интересов целые регионы. Китай занимает третье место в мире по площади территории с крайне неоднородным типом расселения. Трудовая миграция и урбанизация в Китае наиболее сильно выражена в портовых и крупных транспортно-торговых центрах, т.к. позволяет экономически активному населению во-

Evgeny V. Tkachyov
Graduate Student of Department
of the Public and Municipal Administration,
Financial University under
the Government of the Russian Federation
Jekatk93@mail.ru

CHINA'S DEVELOPMENT AGGLOMERATION FEATURES

Annotation. The article provides a study on the peculiarities of the development of agglomerations of China using the world-systems approach. A functional classification of agglomerations in the conditions of labor disproportion, and the degree of development of agglomerations in coastal and inland regions is proposed. Attention is paid to the problems of internal migration, and the relationship between underdeveloped and highly developed agglomerations in the context of the hard implementation of the One belt and One Way initiative, as a new paradigm of China's foreign economic development.

Unique experience of involvement of the agglomeration in the neighbor country economic systems

Keywords: urban agglomerations, China, regional development, development inequality.

влекаться в мировую экономику, на которую Китай оказывает огромное влияние. Именно поэтому, в условиях постоянного роста населения агломерационное развитие рассматривается руководством КНР как наиболее практический инструмент среди прочих в сфере регионального развития. Это подтверждается тем, что с 2010 г. большая часть населения Китая стала проживать в городах. Согласно документу «Новый план по развитию городов в КНР» (2010–2020 гг.), руководство КНР ожидает, что численность городского населения к 2020 г. должна достигнуть 60,0 %, что идет в разрез с прогнозной оценкой ООН, которая утверждает, что к 2020 г. доля городского населения КНР будет оцениваться только в 52 % из-за эффекта «обратной тяги» т.к. некоторая доля населения, наоборот, будет уезжать из крупных городов. Несмотря на это, оценка ООН так же утверждает, что уже к 2050 году количество горожан в Китае перейдет за черту в 75 %, что будет соответствовать уровню развитых стран [3].

Сегодня агломерации Китая являются основной силой его экономики. Тем не менее, особенности экспортно-ориентированной экономики накладывают свой отпечаток на агломерационное развитие. Автор считает приемлемым следующее классификацию агломераций Китая, разделяю-

щим критерием которых будет ориентация на деятельность:

- Агломерации, чья деятельность завязана на морскую/международную торговлю, они же – «внешние».
- Агломерации, чья деятельность завязана на внутренний рынок страны, они же – «внутренние».

Подобное разделение так же можно обосновать мир-системным анализом, видными представителями которого были Ф. Бродель и И. Валлерстайн. Китай очень сильно зависит от мировой торговли, которая является серьезным источником его благосостояния. Будучи «ядром» производства, Китай как никто другой заинтересован превращения все больших «периферий» в торговых партнеров.

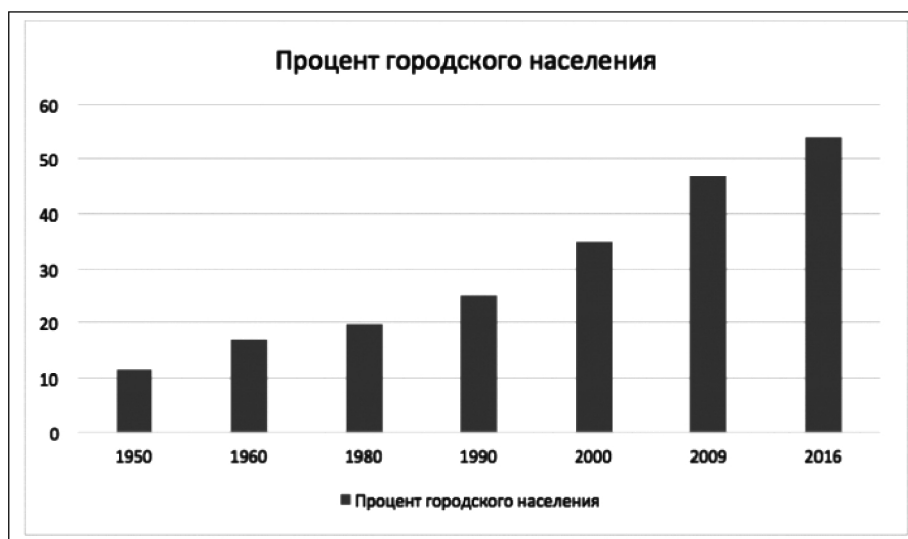

Рисунок 1 – Динамика Городского населения с 1950 г.

Как следует из названия, «**внешние**» агломерации сильно интегрированы в мировую экономику. И здесь стоит принять во внимание общую ориентированность Китая на внешнюю политику.

Предложенная еще в 2010, Руководством КНР, году инициатива «Один пояс и один путь» оказала огромное влияние на дальнейшую жизнь агломераций внешней категории. Инициатива «Один пояс и один путь» предполагает реализацию интеграционных проектов как с государствами, выходящими к морю, так и с внутриконтинентальными странами. Поэтому в ее рамках выделяют создание «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI в.» (МШП). Впервые с предложением о формировании ЭПШП и МШП китайское руководство выступило в сентябре-октябре 2013 г. в ходе визитов Генерального секретаря ЦК КПК, Председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстан и Индонезию. Комплекс мероприятий, требуемый для реализации стратегии, оказывает огромное влияние на транспортную инфраструктуру прибрежных провинций [1].

В большинстве случаев, агломерационное развитие является самотечным и крайне трудно прогнозируется и как следствие-еще труднее управляется. Это объясняет отсутствие в мировой практике управления агломерациями, а сам термин «агломерация» даже не закрепляется в официальных документах, уступая место понятию «кластер» как способ экономии на производстве. С внедрением концепции «Один пояс, один путь» Китай же станет

первой страной, которая начнет систематизированное управление агломерационным развитием через интеграцию своих «внешних» агломераций во внешнюю экономику других стран.

Подобный подход достаточно логичен, учитывая зависимость Китая от внешнего рынка. Примером влияния данной программы на жизнь «внешней» агломерации можно увидеть в преобразованиях городской агломерации на побережье залива Бэйбу.

Эта агломерация расположена на юге Китая и включает в себя города Наньнин, Бэйхай, Циньчжоу, Фанчэнган, Юйлин и Чунцзо ГЧАР, города Чжаньцзян, Маомин и Янцзян провинции Гуандун, города Хайкоу, Даньчжоу и Дунфан, уезды Чэнмай, Линьгао и Чанцзян провинции Хайнань. Площадь региона – 116600 кв. км, численность постоянного населения городской агломерации на конец 2018 года составляла почти 42 млн человек [2].

В самой программе отмечается, что городская агломерация залива Бэйбу должна углубленно участвовать в сотрудничестве Китай – ASEAN, будучи частью программы «Пояса и пути». В рамках реализуемых мероприятий, этой агломерации предстоит серьезно модернизировать имеющуюся транспортную инфраструктуру и, фактически, слиться с агломерацией в дельте реки Чжуцзян, интенсифицировать сотрудничество с юго-западными и центральными районами страны.

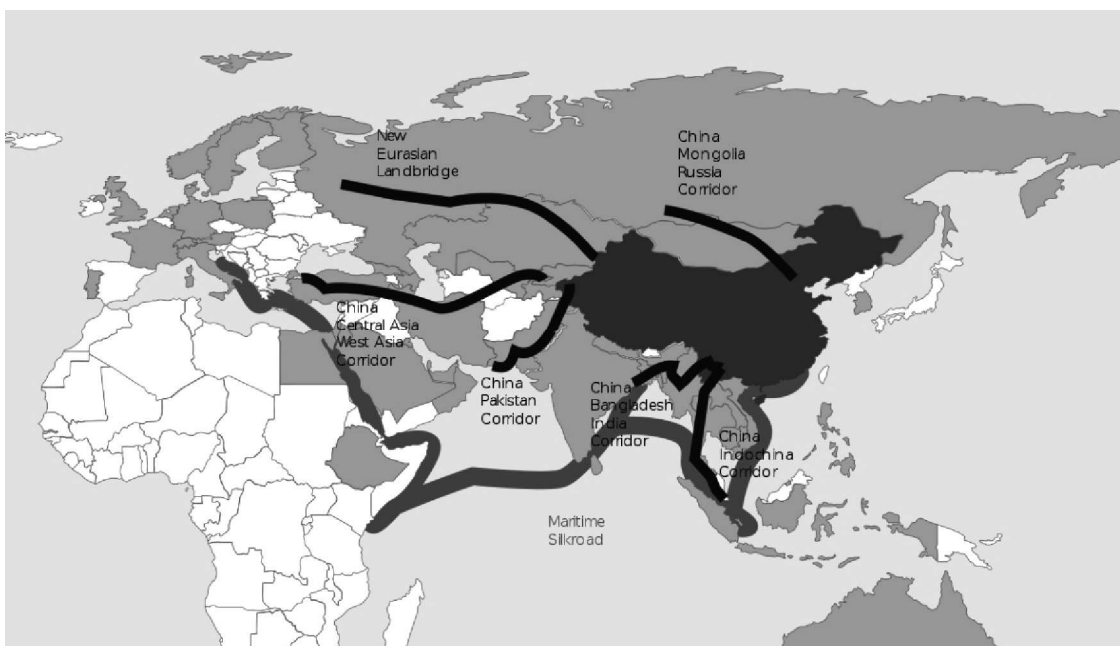

Рисунок 2 – Схематическое изображение Концепции «Один пояс и Один путь».
Синим изображен «новый морской шелковый путь», а черным-важнейшие торговые коридоры

Согласно программе, городская агломерация залива Бэйбу развернется в сторону Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – ASEAN). Она должна стать «точкой входа» предприятий стран ASEAN на китайский рынок и, одновременно, «точкой выхода» китайских предприятий на их рынок.

Городская агломерация залива Бэйбу уже сделала большой прогресс в развитии экономики, ориентированной на внешний рынок, благодаря хорошим предпосылкам: исторически здесь была и торговая бухта, и инфраструктура. В этой агломерации успешно продвигается строительство таких платформ открытости, как международный туристический остров Хайнань, китайско-малазийский промышленный парк в Циньжоу ГЧАР, экспериментальные зоны освоения и открытости, и зоны приграничного экономического сотрудничества.

Ведомства определяют места размещения первой партии национальных логистических узлов на основе потребностей развития в рамках государственных стратегий, таких как Экономический пояс вдоль реки Янцзы и др.

Китай стремится построить около 30 национальных логистических узлов до конца 2020 года, 150 – к 2025 году, когда соотношение общих расходов на логистику к ВВП сократится до 12 %.

В 2018 году объем логистических операций Китая составил 283,1 трлн. юаней или 42,14 трлн долл. США, увеличившись на 6,4 % в годовом исчислении. Соотношение общих расходов на логистику к ВВП составило 14,8 % [1].

Городская агломерация представляет собой главную модель развития урбанизации и важную платформу содействия устойчивому росту китайской экономики, гармоничному развитию ре-

гионов и участию Китая в международном сотрудничестве и конкуренции. Тем не менее, как уже было описано, диспаритет развития агломераций является приоритетной задачей для руководства КНР.

В 13-й пятилетнем плане социально-экономического развития Китая на 2016–2020 гг. выдвинута задача по развитию 19 городских агломераций в стране. На настоящий момент утверждены программы развития шести городских агломераций, в том числе, в среднем течении реки Янцзы, в дельте реки Янцзы и уже упомянутом выше заливе Бэйбу [2].

В агломерациях же «внутренних» слабая связь с внешним миром компенсируется государственными инвестициями инфраструктуру, меньшей долей городского населения и более низкими заработными платами и, как следствие, меньшими издержками при производстве. Исключение составляют три региона на северо-востоке Китая: Внутренняя Монголия, Хэйлунцзянь и Гирин) и ГЦП Чунцин, активный процесс урбанизации которых был запущен, начиная с 1950 года.

Постоянные инвестиции в транспортную инфраструктуру помогают поддерживать агломерационные процессы во внутренних регионах КНР. Однако это, в каком-то смысле, вынужденная мера, т.к., неконтролируемое перемещение населения в пространстве КНР и его оседание в приморских регионах приводит к диспропорциям рабочей силы на территории страны. Данный процесс постоянно пытаются сдерживать, в том числе, административными барьерами. Институт прописки, призванный ограничить неконтролируемое перемещение рабочей силы в пространстве страны, дополнительные патенты на работу в другом регионе и прочие ухищрения - все создается для того, чтобы КНР не оказалась в интересной ситуации: избыток трудовых ресурсов у

«внешних» агломераций и их дефицит во «внутренних». По предварительным оценкам руководства КНР, при отказе от института прописки и смягчении миграционной политики Китая, среднедушевые доходы в стране, в целом, могут вырасти почти на 8,3 %, однако, внутренний миграционный поток увеличится вдвое в 2017 году: со 150 до 300 млн чел. в год [0]. Поэтому в будущих периодах следует ожидать уменьшения межрегиональной миграции и, как следствие, меньшее количество временно работающего населения в приморских районах. Что интересно, руководство КНР не пугает падение среднего ВРП в рассматриваемом регионе почти на 3 %, они считают, что это – приемлемая цена за развитие других регионов и агломераций в них.

Подводя итог, можно сказать, что автору видится дальнейшее развитие агломераций Китая следующим образом:

Литература:

1. Инициатива «Один пояс и один путь». Какие цели в действительности преследует Китай? URL : <http://svom.info/entry/765-iniciativa-odin-poyas-i-odin-put-kakie-celi-v-dejs/>
2. Новостной и информационно-статистический портал Синьхуа-новости на русском. URL : <http://russian.news.cn/>
3. *Knight J.* Reform, growth and inequality in China // *Asian Econ. Policy Rev.* 2008. № 3. P. 140–158.
4. «Эффект масштаба» первый глобальный рейтинг агломераций исследование PwC 2017 г. URL : <https://www.pwc.ru/ru/assets/agglomerations-rus.pdf>
5. Результаты статистического мониторинга индекса развития и уровня жизни в 2018г.: 2018 нянь дицью фачжань юй миншэн чжишу (DLI) тунци цяньюэ цзего (Results of Statistical Monitoring of Regional Development and Life Index (DLI) in 2018). URL : http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201312/t20131231_492765.html (дата обращения 09.02.2019).

Диспаритет развитости «внешних» и «внутренних» агломераций будет снижаться, как и хочет само руководство КНР, однако, будет усиливаться функциональное различие между приморскими и внутренними регионами. Благодаря огромным инвестициям в транспортную инфраструктуру, и, как следствие, снижению транспортных издержек, внутренние регионы будут превращаться в «мастерские» в то время, как «внешние» будут становиться «торговцами» с внешним миром. Такое разделение решает сразу несколько насущных проблем: разницу в предоставлении рабочих мест и в нормальных условиях жизни. Благодаря экономии на производстве, во внутренних регионах и транспортных издержках, благодаря развитию транспортной инфраструктуры, Китай сможет окончательно стать абсолютным лидером в сфере внешней торговли.

Literature:

1. Initiative «One belt and one way». What aims are pursued in fact by China? URL : <http://svom.info/entry/765-iniciativa-odin-poyas-i-odin-put-kakie-celi-v-dejs/>
2. News and statistical information portal Xinhua news in Russian. URL : <http://russian.news.cn/>
3. *Knight J.* Reform, growth and inequality in China // *Asian Econ. Policy Rev.* 2008. № 3. P. 140–158.
4. «Scale effect» the first global ranking of agglomerations PwC 2017 survey. URL : <https://www.pwc.ru/ru/assets/agglomerations-rus.pdf>
5. The results of statistical monitoring of the index of development and standard of living in 2018: 2018 Nian Dyu Fazhan Yu Minshen Chzhishu (DLI) Tung Chiu (TLI) in 2018. URL : http://www.stats.gov.cn/tjsj / zxfb / 201312 / t20131231_492765.html (appeal date 02/09/2019).

Хлебникова Любовь Николаевна

кандидат медицинских наук,
ведущий тренинг-менеджер
CSCP harma Russia,
hlebnikovaluba@yandex.ru

Роммель Анна Михайловна

студентка,
Corvinus University of Budapest,
Budapest, Hungary
rommelanna1@gmail.com

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ – ЭФФЕКТИВНЫЙ
РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ БИЗНЕСА
В РОССИИ**

■ ■ ■

Аннотация. Целью работы является выявление взаимосвязи и влияния уровня эмоционального интеллекта на результаты годовых продаж. Нет сомнений в том, что выживаемость любого бизнеса, особенно в кризисный период, зависит от его прибыльности. Столкнувшись с сильной конкуренцией на рынке и жестким государственным регулированием, фармацевтические компании ищут лучшие способы для выполнения планов и получения прибыли. Обычная техника продаж сегодня не всегда достигает своей цели, более того, некоторые методы работы менеджера по продажам раздражают клиентов, поэтому концепция Эмоционального интеллекта становится критически важной в современной бизнес-индустрии. Это явление подтолкнуло к выбору темы исследования, чтобы понять, какую роль играет эмоциональный интеллект в фармацевтическом бизнесе. Данное исследование намеревается ответить на следующие два вопроса: существует ли корреляция между уровнем эмоционального интеллекта и продажами в фармацевтическом бизнесе? Есть ли корреляция между профессиональным образованием работников и уровнем эмоционального интеллекта? Исследование, с помощью установки и анализа уровней эмоционального интеллекта в выбранной компании, позволит разработать и внедрить программу обучения, которая, как мы надеемся, повысит производительность команды.

Ключевые слова: Эмоциональный интеллект, Социальная коммуникация, Бизнес, Фармацевтический бизнес, Производительность, Прибыль.

■ ■ ■

Liubov N. Khlebnikova

Candidate of Medical Sciences,
Chief Training Manager,
CSC Pharma Russia,
hlebnikovaluba@yandex.ru

Anna M. Rommel

Student,
Corvinus University of Budapest,
Budapest, Hungary,
rommelanna1@gmail.com

**EMOTIONAL INTELLIGENCE
AS AN EFFECTIVE RESOURCE
FOR INCREASING PROFITABILITY
OF BUSINESS IN RUSSIA**

■ ■ ■

Annotation. The aim of the work is to identify the relationship and the impact of the level of emotional intelligence on the results of annual sales.

There is no doubt that the survival rate of any business, especially during a crisis period, depends on its profitability. Facing a strong competition on the market and oppressive state regulations, pharmaceutical companies are looking for the best ways to be able to fulfil plans and make a profit. Common sales technics do not often reach their goal today moreover, some of the sales manager's work methods irritate customers, that is why the concept of Emotional Intelligence is becoming crucially important in business industry nowadays. This phenomenon encouraged the choice of the present research topic, to see what role Emotional Intelligence plays in pharmaceutical businesses.

The present research intends to respond to the following two questions: is there a correlation between the level of Emotional Intelligence (EI) and sales in the pharmaceutical business? Is there a correlation between the professional education and level of the EI?

The research, with the help of establish the Emotional Intelligence level of the employees in the chosen company, will allow to develop and implement the training program, which hopefully will increase the productivity of the team.

Keywords: Emotional Intelligence, Business, Pharmaceutical business, Productivity, Profit

■ ■ ■

Введение.

Именно сейчас тема поиска ресурса, который повышает доходность торгового бизнеса, наиболее актуальна во всём мире «... возрастает значение обязательного набора эмоциональных компетенций для достижения выдающегося мастерства в любой профессии в каждом уголке земного шара» [1]. В данном исследовании мы выделили показатель для развития конкурентного преимущества компании.

Выживаемость любого бизнеса, особенно в кризисный период, зависит от рентабельности и прибыли. В условиях жесточайшей конкуренции, поделённого рынка и давящего госрегулирования фармацевтические компании ищут возможность выполнения планов и получения прибыли.

Теоретическая часть.

Долгое время господствовало мнение о том, что бизнес – это сугубо рациональная территория, на которой нет места эмоциям, однако, сегодня в двадцать первом веке общепринятыми [2] техниками продаж никого не удивишь, более того, некоторые методы работы менеджеров по продажам вызывают у клиентов раздражение и неприятие, получая в завершение встречи если не негатив, то лишь формальное согласие на призыв применять продукт в своей практике.

Следует учесть, что спецификой фармацевтического бизнеса является то, что ни врач, выписывающий лекарства, ни сотрудник аптеки, в конечном счёте, как правило, сами не являются прямыми покупателями и потребителями, поэтому важно наладить коммуникацию между менеджером и клиентом так, чтобы клиент заинтересовался, захотел назначить и был уверен в необходимости использования именно этого препарата компании.

Меняются требования современного клиента, сегодня клиент стал менее доступен, чем раньше, привлечь и удержать его внимание теперь гораздо сложнее. Поэтому влияние коммуникативных навыков и уровня эмоционального интеллекта на результативность классического цикла продаж может иметь существенное значение. «В современном мире технологии продаж связаны, главным образом, с эмоциональным воздействием на клиента и они дополняют классические приемы, некоторые из которых превращаются из факультативных в обязательные» [3]. Развитие навыков эмоциональной компетентности помогает менеджеру установить эмоциональный контакт с клиентом и за счет этого выстроить долгосрочные и взаимовыгодные отношения. Развитие компетенций эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков повышает уровень качества коммуникаций с клиентами и, как следствие, обеспечивает повышение продаж продуктов.

Для компании важно быть первыми среди тех, кто овладеет навыками нестандартных, эмоциональных продаж, кто научится результативно общаться со своими клиентами и партнёрами,

вызвать в себе позитивный настрой и оказывать в ходе общения эмоциональную поддержку клиенту [3]. Менеджеры с высоким эмоциональным интеллектом больше удовлетворены своей работой, в работе проявляют эмоции интереса и активности, менее склонны к развитию эмоционального выгорания и разжиганию конфликтов, обеспечивая нормальные отношения в коллективе и высокий уровень корпоративной культуры.

Экспериментальные исследования.

В исследовании принимали участие менеджеры по продажам крупной торговой фармацевтической компании из разных регионов России. Исследование выборочное, репрезентативное.

Целью данного исследования является выявление взаимосвязи и влияния уровня эмоционального интеллекта на результаты годовых продаж. В ходе исследования было выдвинуто две гипотезы:

1. Уровень эмоционального интеллекта сотрудника влияет на его уровень продаж.
2. Уровень эмоционального интеллекта зависит от профессионального образования сотрудника.

Были поставлены и решены следующие задачи:

1. Дана характеристика возрастно-половому составу сотрудников отдела продаж фармацевтической компании.
2. Определён уровень эмоционального интеллекта сотрудников и сопоставлен с текущим уровнем продаж продуктов компании.
3. Разработана программа и тренинг по развитию компетенций эмоционального интеллекта.

Для решения задач были использованы количественные методы исследования: социальная анкета; анкета определения уровня эмоционального интеллекта Холла [4]; статистика продаж препаратов компании за 2018 год из годового отчёта дистрибьюторов; статистические методы обработки данных исследования – выборочное распределение данных, статистические связи корреляционного анализа, существующих между переменными величинами; критерий Стьюдента.

Теоретическая часть данного исследования основывается на самой популярной модели исследования и оценки эмоционального интеллекта в сфере бизнеса Дэниэла Голмана (1998). С помощью методики, построенной на основе одной из самых известных моделей определения уровня эмоционального интеллекта Холла, были выявлены и анализированы: уровни парциального (отдельно по каждой шкале) эмоционального интеллекта в соответствии со знаком результатов: низкий уровень – 7 и менее баллов, средний – 8–13 баллов, высокий – 14 и более; а так же интегративный (сумма по всем шкалам) уровень эмоционального интеллекта с учетом доминирующего знака определяется по следующим количественным показателям: низкий уровень – 39 и менее, средний – 40–69, высокий – 70 и более.

Результаты и обсуждение.

В исследовании принимали участие 87 % женщин и 13 % мужчин. Исследование показателей базового теста Холла выявило, что уровень эмоциональной осведомленности, осознание и понимание своих эмоций, умение понять свои чувства и переживания в группе менеджеров имеют средние значения $11,6 + 4,7$, при этом типичность значения моды (во множестве наблюдений, которое встречается наиболее часто), имеет более высокий показатель – 15 баллов. Это говорит о том, что часть менеджеров с высокой эмоциональной осведомленностью в большей мере, чем другие, понимают своё внутреннее состояние. Следует отметить, что показатель шкалы «Эмоциональная осведомленность», находясь на уровне среднего балла, у мужчин составляет $10,38 + 0,9^*$, значительно отличается от показателей, характерных для лиц женского пола в меньшую сторону.

Показатель способности «Гибко управлять своим эмоциональным состоянием» довольно низкий и составляет $7,5 + 5,5$ баллов. Этот показатель очень важен для менеджера по продажам и является зоной развития и резервом для повышения продаж. Поскольку основой процесса продажи является коммуникация, то такой показатель, как умение настроить себя на психотип клиента и быть ему конгруэнтным, не срываться на проявлении своей эмоции, а следовать поставленной цели, очень важен для результата. Кроме того, отсутствие навыка управления своим эмоциональным состоянием является базой для формирования споров и конфликтов с клиентами, коллегами, руководителями.

Специфика работы фармацевтического бизнеса состоит в том, что, как правило, менеджер работает один на территории и самостоятельно организует свой день, в том числе, распределение рабочего времени и своих активностей. Такой формат работы требует наличия определённых навыков, связанных с самомотивацией и самоорганизацией. Результаты теста по шкале «Самотивация» показывают наличие среднего уровня $11,53 + 4,424$ этого показателя. Управление своим поведением за счет управления эмоциями достоверно более выражен у мужчин $12,46 + 0,8^*$, чем у женщин $11,39 + 4,5$. В работе самомотивация помогает менеджеру регулировать своё внутреннее эмоциональное состояние и настаивать на получении результата.

Специфика продвижения медицинских продуктов подразумевает экспертное знание препаратов и особенности их влияния на органы и системы больного человека, понимание потребностей врача и сотрудника аптеки в отношении лечения конкретных заболеваний у разных категорий пациентов. Поэтому, на одно из первых мест в работе менеджера по продажам медицинской продукции выходит такое важное качество, как эмпатия. Эмпатия – это понимание эмоций других людей, умение сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, а так же готовность оказать поддержку. Это умение понять состояние человека по мимике, жестам,

оттенкам речи, позе и проявить к его эмоциям участие, желание оказать ему поддержку, характерно для людей социальных профессий. Профессия врача относится к социальномическому типу по классификации Е.А. Климова [5].

Важно заметить, что успешность компании и её рост на фармацевтическом рынке связаны с кадровым составом, основу которого на 80 % составляют менеджеры с высшим медицинским и фармацевтическим образованием, 9 % со среднеспециальным медицинским образованием, закреплённым высшим образованием по другой специальности, 5 % учителей и только 4 % имеют специальное менеджерское образование. Остальные 2 % сотрудников имеют высшее образование по другим специальностям. Именно специалисты медицинского профиля имеют высокие показатели уровня эмпатии у женщин $12,68 + 3,2$ и у мужчин $11,23 + 1,2$, среди всех рассматриваемых в этом исследовании шкал, мода составляет 14 баллов. Успешность менеджера во многом определяется его умением устанавливать психологический контакт и доверительные отношения с врачом и провизором, поэтому именно эмпатия является важной объединяющей единого подхода к оказанию помощи пациентам.

Эффективность визитной активности во многом определяется способностью менеджера как представителя компании вступать в эффективные межличностные контакты и влиять на процесс общения со всеми участниками товаропроводящей цепочки, особенно в условиях законодательных ограничений. Формируя межличностные контакты, важно учитывать не просто хорошие взаимоотношения с клиентом, нужно учитывать интересы бизнеса и проявлять умение перевести общение в ходе встречи в нужное русло и обеспечить достижение договорённости о применении препаратов компании для нуждающихся пациентов. Показателем уровня проявления этого навыка служит шкала «Управление эмоциями других людей», которая позволяет оценить степень умения воздействовать на эмоциональное состояние других людей и влиять на принятия ими нужного решения. Этот показатель у исследуемой группы составил: у женщин $11,72 + 4,2$ и $12,08 + 0,2$ у мужчин. Цифры этого показателя находятся на среднем уровне по шкале оценки. Следует отметить, что, не смотря на продемонстрированные показатели, в исследованной группе имелись испытуемые, характеристики которых находились в зоне высоких значений по разным шкалам. В настоящее время существует большое количество техник и методик, позволяющих развить этот навык умения влиять на мнение других людей. Часть техник широко используется в бизнесе, начиная с самых простых: представление продукта в формате «свойство – преимущества – выгода»; аргументация с использованием материалов клинических исследований; ссылка на авторитетное мнение ведущих специалистов и другие. А это значит, что у компании есть огромный резерв по развитию уровня эмоционального интеллекта.

Заклучение.

Ключевым результатом данного исследования является найденная корреляция с коэффициентом 0,56 между уровнями эмоционального интеллекта и результатами продаж за исследуемый годовой период, что подтверждает нашу гипотезу. Данный коэффициент позволяет нам утверждать, что развитие уровня эмоционального интеллекта сотрудников позволит повысить продажи и, как следствие, доходность компании.

Успешность менеджера по продажам, во многом, определяется его личностью, особые требования предъявляются к его эмоциональной сфере, поэтому важно уже на этапе собеседования определить уровень эмоционального интеллекта и возможность его дальнейшего развития. Необходимо организовать в компании систему обучения и развития такого важного навыка, как применение в работе элементов грамотного эмоционального общения. По результатам диагно-

Литература:

1. *Дэниел Гоулман*. Эмоциональный интеллект в бизнесе. М. : Манн, Иванов, Фербер, 2013.
2. *Lazarus Folkman*. Stress, Appraisal, and Coping. 1984.
3. *Птуха К.* Эмоциональные продажи. Как увеличить продажи втрое / К. Птуха, В. Гусарова. ООО Альпина Паблшер, 2012.
4. *Фетискин Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учебное пособие / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации. М. : Издательство Института Психотерапии. 2002. Раздел: 1.2.11. Диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл).
5. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2004. 304 с.

стики уровней показателей эмоционального интеллекта в компании была разработана и внедрена программа развития 4-х навыков: понимание собственных эмоций и управление ими, понимание и эмпатия эмоционального состояния других и влияние на эмоционально волевою сферу других.

Полученные результаты данного исследования направляют нас на дальнейшую работу в изучении влияния эмоционального интеллекта на результаты продаж. Практической ценностью данного исследования является научно обоснованный подход к развитию компетенций эмоционального интеллекта для работающего бизнеса в сфере продаж.

Повышение уровня показателей эмоционального интеллекта внутри компании – это возможность капитализации эмоций и повышение прибыльности бизнеса от развития внутреннего резерва каждого сотрудника.

Literature:

1. *Daniel Golcman*. Emotional intelligence in business. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2013.
2. *Lazarus Folkman*. Stress, Appraisal, and Coping. 1984.
3. *Kristina Ptuha*. Emotional sales. How to increase sales three times / Kristina Ptuha, Valeria Gusarova. Company Alpina Pabliher, 2012.
4. *Fetiskin N.P.* Social and psychological diagnostics of personality development and small groups : textbook / N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuilov. Recommended by the Ministry of General and vocational education of the Russian Federation. Moscow Publishing House Of Institute Of Psychotherapy. 2002. Section: 1.2.11. Diagnosis of «emotional intelligence» (N. Hall).
5. *Klimov E.A.* Psychology of professional self-determination. M. : Academy, 2004. 304 p.

Ци Вэйчао

аспирант кафедры международных экономических отношений, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки (Факультет) qiweichao@gmail.com

Qi Weichao

Graduate Student Department of International Economic relations, Moscow State University of name M.V. Lomonosov, Institute of the Countries of Asia and Africa (Faculty) qiweichao@gmail.com

МОДЕРНИЗАЦИЯ СФЕРЫ УСЛУГ КНР

Аннотация. На текущий момент руководство КНР видит свое будущее в «реиндустриализации» – строительстве «умной экономики». Одним из приоритетов инновационного развития является внедрение интернет-технологий в различные сферы экономики, отрасли промышленного производства и общественных услуг. Без информатизации не может быть и модернизации.

В настоящее время многие участники электронной коммерции переходят к новым для себя категориям: детским товарам, товарам для здравоохранения, бытовой технике. Эти сегменты, которые, как прогнозируют эксперты, станут новыми драйверами роста китайского рынка.

Ключевые слова: модернизация, цифровая экономика, интеллектуальная логистика, информационно-компьютерные технологии.

Цифровая экономика или сектор электронной коммерции включает пользователей информационно-компьютерных технологий: это банки, торговые компании, страховые общества, промышленные, сельскохозяйственные и иные производственные фирмы, ИКТ обеспечивают прямое и быстрое взаимодействие между участниками различных рынков, причем, в первую очередь, компаний с конечными потребителями товаров и услуг. Эти «оцифрованные» связи выступают в форме электронной коммерции, электронного банкинга, электронных расчетов, интернет-рекламы, интернет-страхования, интернет-консалтинга, интернет-игр и т.п. [1]

Считается, что электронная коммерция станет одним из тех механизмов, который будет положительно влиять на экономическое развитие страны. Электронная коммерция в Китае стремительно развивается. Считаем, что в связи с развитием рынка электронной коммерции, организациям, работающим в данной области, придется и дальше расширять товарные категории, а также оптимизировать логистику и сервисы доставки и возврата. Кроме того, магазинам необходимо развивать трансграничную торговлю и завоевывать рынки в сельской местности.

MODERNIZATION OF CHINA'S SERVICE SECTOR

Annotation. At the moment, China sees its future in «reindustrialization» – the construction of a «smart economy». One of the priorities of innovative development is the introduction of Internet technologies in various sectors of the economy, industrial production and public services. There can be no modernization without Informatization. Currently, many participants in e-Commerce are moving to new categories: children's goods, goods for health care, household appliances. These segments, which experts predict will become new drivers of the Chinese market growth.

Keywords: modernization, digital economy, intellectual logistics, information and computer technologies.

По нашему мнению, интеллектуальная логистика может стать важнейшим двигателем отрасли и является основой полностью автоматизированных процессов.

В отличие от традиционного сектора транспорта и логистики, цифровая экономика сталкивается с такими вызовами, как стремительно изменяющаяся, глобальная и сверхконкурентная торговая среда, сложность цепочек поставок, быстрое изменение ожиданий клиентов, ограниченные ресурсы инфраструктуры.

Предполагается, что в ближайшем будущем «большой объем данных» (Big Data), «интернет вещей» (Internet of Things), в совокупности с и информационными технологиями, станут основными технологиями новой логистики, а автоматическое складское оборудование – роботы AGV (AutomaticGuidedVehicle – автоматически направляемое транспортное средство) и беспилотный летательный аппарат (Unmanned Aerial Vehicle) – будет более широко использоваться, делая автоматизированный логистический процесс умным.

Таким образом, реализация проектов в интеллектуальном секторе логистики, является ключе-

вым шагом для повышения общей эффективности производства.

Следует обратить внимание на перспективную инновацию в логистической отрасли, с помощью которой Китай сможет побить рекорды скоростной доставки грузов внутри страны, «Умный логистический экспресс» – проект, которого представила компания Guangdong Bosst Ltd. Данный проект ориентирован на создание интеллектуальной системы канатно-рельсовых дорог, охватывающих городские и сельские районы Китая с целью доставки товаров день в день по всей стране и в течение часа в пределах города при двукратном сокращении логистических расходов. Проект основан на концепции «канатно-подвесная дорога + челночные роботы».

В настоящий момент успешно построен и проходит испытание первый участок интеллектуальной доставки недалеко от города Хуаньчжоу. Полигон представляет собой участок специализированной трассы длиной 15 км.

Руководству КНР, инвесторам следует обратить внимание на преимущества данной системы с точки зрения логистических затрат, эффективности, интеллектуальных перевозок и т.д. В дальнейшем можно серьезно задуматься над продвижением создания новых линий и сетей умной логистики по всей стране и предоставлении дополнительных сервисов складского хранения, финансового управления, больших данных с целью создания «интегрированной платформы умной экспресс-логистики» для ускоренного формирования рыночно-ориентированной системы инноваций для логистического сектора и обслуживания клиентов не только в Китае, но и по всему земному шару.

В рамках этого, компания Alibaba планирует инвестировать 10 млн юаней в логистику, оборудование и обучение для развития электронной коммерции в 100000 китайских деревнях в ближайшие 35 лет. Alibaba собирается развивать региональные центры Taobao, где жители сельских районов смогут не только приобретать товары с оплатой при помощи мобильных телефонов, но и оплачивать коммунальные услуги через Интернет. Компания берет на себя не только обучение продавцов в таких представительствах, но и обеспечение их необходимыми компьютерами, а также обеспечивает своевременную доставку заказов. Именно сельские жители проходят обучение для работы в качестве представителей в таких центрах.

В рамках «Программы тысячи уездов, десятков тысяч деревень» Alibaba Group заключила с крупнейшим в Китае оператором China Telecom соглашение о продаже жителям периферии бюджетных смартфонов (ценой примерно 48 долл.), таких как Uniscore, Styon и Kingsun. Согласно плану стратегии, малые города и деревни будут способствовать распространению ОС YunOS (конкурент Android) и станут ключом для дальнейшего распространения бизнеса MaYunya (Джека Ма). Кроме того, более дорогие бренды Coolpad, HisenseTCL будут поставляться

в деревни с уже установленным мобильным приложением TaobaoMobile[2].

По данным исследовательского подразделения Alibaba, резиденты провинций тратят в среднем от 80 долл. до 300 долл. онлайн каждый год, поэтому мы считаем целесообразным расширение зоны торговли в малых городах с помощью логистических центров в Китае. Несмотря на то, что покупатели в малых городах делают менее объемные покупки, чем их соседи в мегаполисах, они остаются ключевым источником роста для торгового гиганта и генерируют около 42 % объема электронных продаж.

Не оставим без внимания направления совершенствования развития транспортно-логистических связей между Китаем и Россией.

1. Одним из направлений совершенствования логистического и транспортного сектора Китая становится инвестирование в совместные инфраструктурные проекты с Россией и ближайшими азиатскими соседями.

Среди обсуждаемых на данный момент проектов – реализация двух транспортных коридоров Китай-Приморье стоимостью в 5 млрд долл., которые свяжут китайские провинции на севере страны с южными портами Приморского края. Данные проекты, по оценкам McKinsey, позволят китайским производителям понизить расходы на логистику за счет выхода к морю. При доставке автотранспортом экономия будет составлять до 20 долл. за тонну, а по железной дороге – до 10 долл., или до 0,7 млрд долл. в год.

Текущий план инфраструктурного развития транспортной отрасли Китая может привести к заметному увеличению интереса иностранных компаний к крупнейшему рынку Азии. В следующие 5 лет, при условии сокращения инвестиций в грузоперевозки промышленных товаров на фоне переизбытка производственных мощностей в отрасли, а также реализации ряда других реформ, принятый план позволит КНР продемонстрировать запланированные среднегодовые темпы роста ВВП в будущем.

2. Среди инвестиционных проектов к наиболее значимым относятся: создание центра трансграничной электронной коммерции в Екатеринбурге. Договор был подписан между представителями Государственного почтового бюро Китая и представителями правительства Свердловской области на международной выставке Иннопром 2015.

Реализация данного проекта как составной части реализации стратегии сотрудничества Евразийского экономического союза и экономического пояса «Шелкового пути», благодаря уникальному расположению Екатеринбурга, поможет сократить сроки доставки товаров с двух недель до 3–5 дней и будет способствовать значительной экономии денежных средств, которая является очень важной для экономики, как Китая, так и России.

Отметим, что распространение цифровых технологий в финансовом секторе также связано с определенными рисками. В частности, техниче-

ский прогресс создает благоприятную почву для развития проектов, обещающих инвесторам высокую доходность. Опыт показывает, что упрощения в области государственного регулирования могут привести к возникновению мошеннических схем и массовым банкротствам P2P-компаний. Ярким примером является одна из крупнейших в Китае P2P-платформ Ezubao, которая, по утверждению китайских властей, обманула более 900 тыс. своих инвесторов, причинив ущерб на общую сумму около 5,8 млрд долл. В связи с этим, нужны более жесткие меры государственного регулирования.

В течение 2015–2025 гг. власти планируют сосредоточиться на цифровом апгрейде национальной промышленности, финансовой сферы и

торговли, а аналитики прогнозируют небывало высокие темпы проникновения ИКТ в производство всех отраслей цифровой экономики (рис. 1).

По оценкам аналитиков, творческое выполнение поставленных задач к 2025 году в названных отраслях может обеспечить рост производительности труда до 22 % и добавить к годовому ВВП не менее 2,3 трлн долл.

Цифровые преобразования – один из главных факторов мирового экономического роста. Если сегодня вклад цифровой экономики в Китае составляет лишь 3,3 % ВВП, по оценкам Глобального института McKinsey, то, за счет использования интернет-технологий, к 2025 году может увеличиться до 22 %.

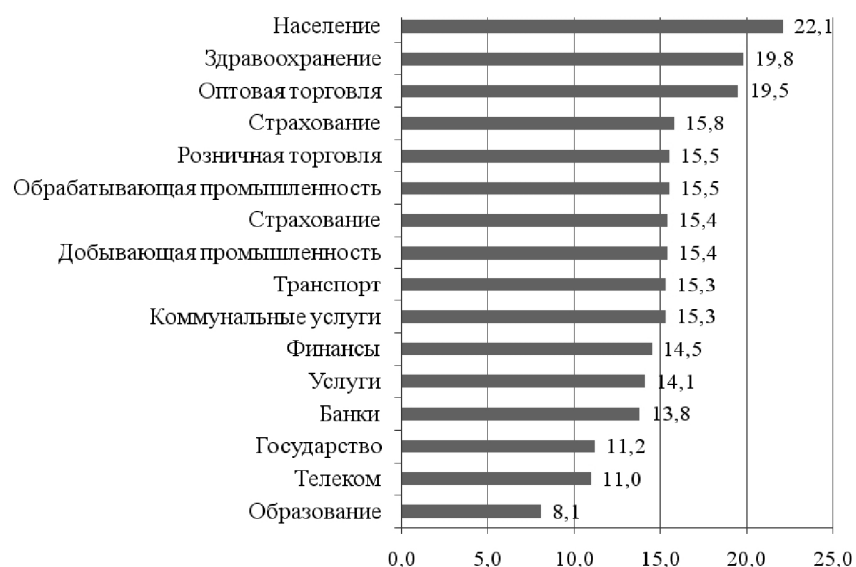

Рисунок 1 – Информатизация отраслей китайской экономики в период 2015–2025 гг. (Темпы роста, %) [3].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что цифровизация экономики станет важным источником долгосрочного экономического роста.

Нужно отметить факторы, которые позволят в дальнейшем увеличивать продажи с помощью электронной коммерции:

– снижение экспорта и импорта товаров оказывает существенное влияние на онлайн-

транзакции малых и средних предприятий, нацеленных на трансграничную торговлю;

– повышение уровня обслуживания клиентов на платформах операторов, в информационных и финансовых сервисах;

– политика правительства КНР создала благоприятные условия для развития электронной коммерции,

Литература:

1. О цифровой экономике Китая. URL : <http://www.vsesovetnik.ru/archives/22055>
2. Дайджест электронной коммерции. Первое полугодие 2016 г.
3. Шульцева В. Цифровая экономика Китая: ассимиляция! Сопротивление бесполезно! Часть 1. URL : <http://www.lastmile.su/journal/article/4702>

Literature:

1. About digital economy of China URL : <http://www.vsesovetnik.ru/archives/22055>
2. Digest of electronic commerce. The first half of the year 2016.
3. Shultseva V. Digital economy of China: assimilation! Resistance is useless! Chast 1. URL : <http://www.lastmile.su/journal/article/4702>

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 14.06.2019
Подписано в печать 19.06.2019
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 10,0
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 31

e-mail: id.yug2016@gmail.com